

Литературно-краеведческий
альманах 2012/№3

Алм.

Департамент культуры Администрации города Тюмени
Муниципальное автономное учреждение культуры
**Централизованная городская
библиотечная система**

Литературно-краеведческий альманах

2012/№3

Содержание

425 лет Тюмени. Посвящение городу

4 **Венок сонетов – Тюмени**
Николай Шамсутдинов

12 **Сибирский Вавилон**
Владимир Рогачев

Грани истории

20 **Русские за «камнем»**
Валерий Кружинов

23 **Лицом к океану**
Аркадий Захаров

27 **Будут памятны как вехи**
Тамара Дмитриенко
Ольга Борщевская

Город в моей судьбе

38 **Мои мимолетности**
Людмила Дрозд

Сибирские страницы военной истории

48 **Тюмень в 1941-1945 гг.**
Вклад в Победу

52 **Дороги фронтовые**
Ольга Данилова-Пушкарь
Иван Афанасьев

Слово - юным краеведам

58 **Герои войны – мои земляки**
Андрей Тюстин

Забывать не суждено

68 **70 лет трагедии...**

74 **Мальчик. Эпизоды бытия**
военного времени
Отто Кох

Имя в истории

90 **Первый день Нового года –**
день памяти русского богатыря
Лариса Беспалова

94 **Санкт-Петербург.**
Набережная Мойки, 12
Вера Кубочкина

98 **Константин Лагунов: место**
в культуре
Сергей Комаров

Наша история

102 **Город декабристов**
Павел Белоглазов

Открытия. Факты

124 **Неизвестный иконописец**
Ковригин
Наталья Косполова

Музыкальная история Тюмени

130 **Полвека - тюменскому оркестру**
русских народных инструментов
Ольга Глазунова

Радуга ремесел

138 **Традиционная народная**
кукла «Девка-Баба»
Наталья Маломыжева

Проза

144 **Детство с улицы Казанской**
Мария-Сарра Граник

Разбег. Творчество молодых

174 **Анастасия Показаньева**
Ирина Рушкова
Инна Рязанова
Ирина Руделева
Яков Емцов
Полина Ивлева
Артем Ковалев

Живые традиции

180 **Тюменская елка**
Майя Смирнова

182 **Пришло Рождество**
Наталья Паромова

188 **Во поле было, поле, в широком**
Раздолье! 25 лет - Тюменскому
фольклорному ансамблю «Раздолье»
Лариса Иванова

Краеведение

425 лет
Тюмени.
Посвящение
городу

Николай Шамсутдинов

Поэт, публицист, сатирик, переводчик. Родился 26 августа 1949 г. на п-ве Ямал. Работал в геологоразведке, оператором нефтедобычи, тележурналистом, художником, генеральным директором книгоиздательской фирмы «Автохтон». Служил в Военно-Воздушных Силах. Выпускник Литературного института (Москва, 1980). По рекомендации 7-го Всесоюзного совещания молодых писателей (Москва, 1979), становится первым членом Союза писателей СССР на всем нефтяном Приобье (1982). Печатался в «Новом мире», «Литературной газете», «Литературной России», «Октябре», «Молодой гвардии», «Дружбе народов», «Крещатике», «Звезде», «Неве», «Пионере», «Костре», «Авроре», «Кругозоре», «Сибирских огнях» и многих других периодических изданиях Москвы, СССР, России, Скандинавии, Польши, Словакии, Франции, Германии, Австрии, США.

Автор двадцати четырех поэтических книг, основные: «Выучиться ждать» (1980), «Прощание с юностью» (1982), «Скуластые музы Ямала» (1985), «Женщина читает сердцем» (1999), «Параллельный мир» (2001), «Любовь без утоления» (2003), «Жутье-бытье», книга сатиры и юмора (2002), «Заветная беззаветность» (2007), двухтомник и трехтомник «Избранное». Перевел на русский язык четыре поэтические книги. Лауреат Всероссийской литературной премии Д.Н.Мамина-Сибиряка, общенациональной – А.М.Горького (2007), международных – М.Волошина и «Золотое перо».

«Почетный работник Тюменской области» (2009), «Заслуженный деятель культуры Российской Федерации» (2011). Председатель Тюменской региональной организации Союза российских писателей. Член международной писательской корпорации ПЕН – клуб. Живет в Тюмени.

Венок сонетов – Тюмени

Тюмени – сотни лет, в ней – всё начало:

Горят в простудной памяти костры.

Там славу золотой Чимги-Туры

В потертых седлах на скаку качало.

Тура на перекатах ворковала,

А не ворчала. Ельники остры.

И ведали одни лишь комары,

О чем тайга приземисто молчала.

В огнях костров, под перестук подков,

Она росла, гнездовие веков...

И каждый камень памятен и дорог.

Так, времена связующая нить,

Тюмень, Тюмень, неповторимый город,

Она – была, но предстоит ей – быть.

Она – была, но предстоит ей – быть.

Не потому ль, средь заповедной шири,
Под именем судьбы – «Врата Сибири» –
Ей довелось простор к душе привить?

И жизнь пошла пути свои торить,
Чтобы отгрязнуть и в мазке, и в лире.
Свои права на постоянство в мире
Тюмени предстояло утвердить.

Свежо, в горячих смолах по карнизы,
Из глухомани выхлестнулись избы –
Века.., века истории служить.

На глине, на суглинке, диком камне,
Гул домовитый сея топорами,
Тюмень дерзали, словно песнь, сложить.

Тюмень дерзали, словно песнь, сложить,

Воздушную и яркую, – дерзали.
Но ее годы в сумерки вмерзали –
Дежурному забвению служить.

Кондовый край... Да что и говорить,
Бревенчатая, хмурая, едва ли
Она в грядущем прозревала дали,
Которыми и крепнуть ей, и жить.

Под дикой, замороженной луной,
Спеленута промозглой тишиной,
В тяжелые дышала одеяла.

Ни голоса, ни свечки до зари...
Недаром, изнывая, исстари
В ее пазах история дремала.

В ее пазах история дремала...

Тюмень, ей в лад, студеная, уснув,
Суровые сугробы подоткнув,
Храпела – от Ямала до Урала.

Зверье в ее чащобах волхвовало –
То волчий клык блеснёт, то птичий клюв,
Покуда она, во весь рот зевнув,
Пургой стращала, в холода трещала.

Но, чаще – и лукава, и груба,
Все ж обратила к ней лицо судьба,
Что никогда ее не миловала...

На ледяной закраине страны,
В прогорклом ожиданье новизны,
Подспудное в ней что-то назревало.

Подспудное в ней что-то назревало:

Разбуженною нефтью клокоча,
Как шлейф, из мезозоя волоча,
Ее в ряду великих утверждало.

Растерянную, миру открывало,
Пока, в авральных буднях, горяча,
Лежнёвка, всплеск Кастальского ключа,
Свои права на славу заявляла.

Так, на изломе века, в свой черед,
Тюмень, мы сразу вняли, старт берет,
В грядущее неутолённо глядя.

Нам этих дней запевных не избыть:
Пошла Тюмень, пошла, не славы ради –
Грядущему в урманы путь открыть...

Грядущему в урманы путь открыть

Ей предстоит... И как она страдает,
Когда на стройках днюет и ночует,
Чтоб жребий горемыки не влачить!

Но это, впрочем, тоже не избыть –
Июнем тополиный пух кочует
И от иллюзий юности врачует,
Дабы по прожитому не тужить.

Берут пространство, как известно, с бою,
И вот растут кварталы за Турою
Им тоже в неизведанное плыть.

И, увлекая в прошлое с собою,
«Мост поцелуев» дремлет над рекою –
Для юных и дерзающих любить...

Для юных и дерзающих любить

Тюмень свои объятия открыла,
С надеждою и молодостью пыла
Им предстоит судьбу ее творить.

И глубь, и высь в себе соединить,
Пока задор, пока играет сила,
Чтоб вчуже честолубие не ныло,
Растить кварталы и детей растить.

Но горькие в душе воспоминанья
Он будит, незабвенный «Сквер прощанья»,
Ликующею летнею порой.

Гляжу, как ветеран молчит устало...
Но сколько юных! Их веселый рой...
Им жизни мало и простора мало.

Им жизни мало и простора мало...

*Устремлена в иные времена,
Тюмень – столица деревень? Она
Всех, сердцем принимая, поднимала.*

*Размашистая, улицам давала
Негромкие, родные имена,
Преемственности, стало быть, верна,
Ни в чем, мудра, не мудрствуя нимало.*

*Да, в пристальных приметах старины,
Не тусклая закраина страны –
Стремнина созидательной стихии...*

*Тюмень просторно дышит, наконец,
По предзнаменованиям, центр России,
Наш город, притяжение сердец.*

Наш город, притяжение сердец,
*Хмелен бывает, но – не просыпает,
Детей с зарею в школу поднимает,
Един – наставник, труженик, творец.*

*Что ни берет порой за образец,
Он в облаках, случается, витает,
В архитектурных изысках плутает –
То улочка хибарок, то дворец...*

*А там – над мостовой неон лютует,
Прогресс её, выходит, не минует.
Одетую то в зелень, то в багрец.*

*И не сдержат улыбки песнопевцу,
Так потаенно подступает к сердцу
Тюмень, как встарь, радушия венец.*

Тюмень, как встарь, радушия венец,
Хранит свою наследственную память,
Спеша ее достойнее обрамить
И предъявить потомкам, наконец.

В лесу антенн, в скворечнике, птенец
В грядущее стартует, что лукавить,
И с ним – все мы, не отставая, а ведь
Он стоит поминания, юнец...

Лелея сокровенное, своё,
Уходим в вечность – не в небытиё,
Предместников былых тревожа тени.

И, словно средостение времен, –
Радушное, родное испокон:
«Почаще приезжайте на пельмени!».

«Почаще приезжайте на пельмени!» -
К друзьям я адресуюсь, и зане
С вопросом адресуется ко мне
Жиль, мальчик, посвященный Мельпомене:

«Красивы ль они, женщины в Тюмени?».
И на вопрос, что не упал в цене,
Ответил я, да подтвердит Ренэ, –
«Не менее пикантны, чем на Сене...».

Испытанное, ярко и бодро
Сухое сердце веселит бордо,
Рубиновыми токами играя.

И вижу я, и слышу я друзей,
Их мысленно из дали обнимая,
Во неумолчной перекличке дней.

Во неумолчной перекличке дней,
Загадочней Тюмень в объятых снега.
Приметы новорожденного века
Весомее и явственнее в ней.

Они – сибирских крепнущих корней,
Но – на излом пытаются человека.
Его спасает лунная опека
Надежностью и нежностью своей.

В Тюмени, нарекаемой судьбою,
Мы остаемся, разные, собою,
Тысячелетью открывая счет.

Спокойный, вне рефлексии и лени,
Как лень порою, вкрадчива, ни льнет,
Я слышу голос молодой Тюмени.

Я слышу голос молодой Тюмени...
Бесспорно, что у света – не у тьмы
Она берет, былинная, займы –
Провидческое в этой перемене.

Не утверждаю, что предмет мигрени, –
Вопрос, не занимающий умы...
Но все же, все же, что оставим мы
Грядущему ее – не из шагрени?

Вершителям запевного венца
Столетия, нам всем его конца,
Нет, не достичь, увы, воображеньем.

И пусть Тюмень в задуманном скромней,
Лицом к лицу с грядущим – не с забвеньем...
Ей – сотни лет, и вечность – перед ней.

Ей – сотни лет, и вечность – перед ней:

Не сменю закатов и рассветов –
Приливом вдохновенья для поэтов,
И чем непостоянней, тем верней...

Затем, в кругу отеческих теней,
Чем, я спрошу, не искус для эстетов –
К венку веков привить венок сонетов?
И есть ли что по замыслу скромней?

И к сущему, и к прошлому пристрастна,
Тюмень – не просто время и пространство,
Безликая песчинка бытия.

Все, что века дремало в ней, молчало,
Оповещает о себе: «Вот я!»...
Тюмени – сотни лет, в ней всё – начало...

Тюмени – сотни лет, в ней всё – начало...
Она – была, но предстоит ей – быть.
Тюмень дерзали, словно песнь, сложить –
В её пазах история дремала.

Подспудное в ней что-то назревало:
Грядущему в урманы путь открыть.
Для юных и дерзающих любить
И жизни мало, и пространства мало.

Наш город, притяжение сердец,
Тюмень, как встарь, радушия венец:
«Почаще приезжайте на пельмени!».

Во неумолчной перекличке дней,
Я слышу голос молодой Тюмени...
Ей – сотни лет, и вечность – перед ней.

Владимир Рогачев

(1940-2004гг.)

Доцент Тюменского государственного университета, театровед, журналист

Сибирский Вавилон¹

Глазами эстета

Ни один город в Сибири не имеет столько метких определений, как Тюмень. Какой завораживающий, какой лукавый ряд! «Тюмень – мать городов сибирских». «Ворота в Сибирь». «Тюмень – пельмень». «Тюмень – столица деревень». Нефтяная столица России...

Я бы добавил: Тюмень – сибирский Вавилон. Укротив гордыню, люди здесь вот уже пять веков строят потихоньку невидимую башню, угодную провидению. Не для того, чтобы сравняться с божественным установлением, но чтобы лучше зреть космический миропорядок под Полярной звездой.

Любой город на земле отмечен неповторимой системой знаков своего исторического бытия. Мерцает в разных языках Тюмень, хранит свои святыни. Как Ас-Обь – святая река в мифологии угров. Самотлор – символ нефтегазовой эпопеи. Тюмень трудноуловима, многолика – моя Эсмеральда, лягушка – Василиса Прекрасная, европейская Золушка, языческая Нара (красавица – Весна в немецкой мифологии), нетающая славянская Снегурочка...

В городе прописаны вечная женственность и мудрая София.

Вот только принцы Тюмени, рожденные и взлелеянные в ее лоне, нередко покидают родной город, улетая покорять дальние и близкие мегаполисы. Глеб Романов и Юрий Гуляев блистали в Москве. Там же стал известен Николай Чукмалдин – предприниматель и меценат зари XX века. Правда, он никогда не бросал деревенское Кулаково. Сколько славных деятелей «тюменского чуда» – нефтегазовой эпопеи века – оказались в столице России.

Высока и горда Полярная звезда, через нее проходит стержень космоземного миропорядка, захватывая сибирские просторы по меридиану

¹ Текст публикуется в сокращении.

«Тюмень: старт века» ОАО «Тюменский дом печати», 2006 г., стр. 386-393.

от Тобола до Ямала. Тюмень – южная точка, поддерживающая древнее равновесие земных стихий, космический приют дерзких первопроходцев времен. Благодаря Тюмени открывались гордому россу вулканически-романтическая Камчатка, неприступные Командоры, отступившая Аляска...

Лишь немногим дано увидеть горизонты вечного в ауре Тюмени. До безобразия обкорнали в советские времена Вознесенский храм в Зареке. Но родившийся там известный художник Александр Новик лунной зимней ночью увидел церковь в первоначальном сиянии. Так мастер родился второй раз.

Тюмень – таинственный остров Жюль Верна, остров сокровищ Роберта Стивенсона, главный герой древнеславянской «Повести о городах Таре и Тюмени».

У города – щедрая сибирская душа. Тюмень принимает открытых и деятельных людей, сурово обкатывает их в слоисто-родовом иерархическом обществе, чьи традиции идут от старообрядчества и обновленчества. Если человек устойчиво вырастает в тюменский мир, город открывает ему (по Ипполиту Завалишину) нежную яхонтовую душу, дает раскрыться таланту тех, кто прозревает.

Серо-унылая реальность иногда захватывает пространство, ширится по горизонтали, но истый, заряженный на самотворчество в судьбе тюменец видит вертикаль: духовно-небесный купол, хранящий мирный добрососедский характер Тюмени. Войны, исторические катаклизмы, репрессии и в Тюмени оставили страшные следы. Но наш богоспасаемый град меньше других страдал от нечестивых убийц, обходился меньшими потерями. Распутину пытались зарезать в родном селе, да вылечили в Тюмени.

В годы Великой Отечественной город, едва достигший рубежа в 40 тысяч жителей, принял и обогрел почти 300 тысяч фронтовиков. Спасли не всех. Многие тюменские семьи сами потеряли кормильцев. Долго пришлось ждать достойного увековечения их памяти. Вечный огонь с барельефом в честь Великой Победы зажжен только в 1968 году. Место выбрано удачно: на этой площади замыкаются круги тюменской истории. Ощущаешь невидимое присутствие первого острога. Рядом – старинный особняк в стиле русского классицизма. Его занимала городская управа, теперь – штаб-квартира Тюменского областного краеведческого музея имени Ивана Словцова (в настоящее время одно из зданий музейного комплекса имени Словцова – примеч. ред.) Поодаль старые торговые ряды, по бестолочи советских чиновников отданные военкомату. Правда, в восьмидесятые часть рядов передали Тюменскому государственному институту искусств и культуры (в настоящее время Тюменская государственная академия искусств, культуры и социальных технологий - примеч. ред.) Сейчас мало

кто помнит, что в собственность института перешел интересный памятник – зрительный зал гарнизонного клуба (в начале сороковых – Дом офицеров) с прекрасно сохранившимся интерьером эпохи сталинского казарменного неоклассицизма. В уникальном зале в пятидесятые годы выступали многие известные артисты, пел Юрий Гуляев.

Напротив Вечного огня невидимо сияет варварски уничтоженный Благовещенский собор. Намоленное место, главный храм старой Тюмени. Рядом – свидетельство очередного бескультурья советских бюрократов, передавших купеческие особняки под венерологический диспансер. Торговые ряды испортили безобразной хрущевской коробкой. В середине восьмидесятых ректор Тюменского госуниверситета, академик Геннадий Куцев добился эстетически выразительного декора для безликого главного корпуса вуза, выходящего фасадом на главную городскую улицу – Республики.

Даровитый тюменский скульптор Николай Распопов поставил в створе улицы Полицейской (Тургенева) замечательный памятник юношам страшного 1941 года. Уловил в фигурах большой мастер душу Тюмени. Города, сохранившего дух малого уютного поселения с видимыми приёмами вечных ценностей евразийской цивилизации.

Милый отчий дом, уютное родовое гнездо, приветливая усадьба, приют поколений. При желании можно спокойно пройти всю Тюмень – от Дома обороны до Воровского. Повсюду знакомые кварталы, знакомый интерьер, знакомые люди. Везде встретишь то ли свояка, то ли трезвого со товарища по работе. Часто, наговорившись, двое отправляются дальше.

В Тюмень проникают новые ценности – открытого демократического гражданского общества с его информационными технологиями, привычки потребительского общества с его холодноватым индивидуализмом и жесткой конкурентной борьбой. Но все еще жив патерналистский дух человеческих отношений: незнакомая продавщица в магазине напротив моего дома, сказав, что видела вчера меня по телевизору, с ходу начинает советовать – стоит ли ее дочери поступать грядущим летом на филологический факультет.

Ты – свой. Свои и чужаки угадываются, как правило, безошибочно. На Западе тоже есть такие отношения, но там, чтобы стать своим в овощной лавке, люди проходят длительный процесс натурализации. Общая тамошняя тенденция – жизнь в закрытых сеттльментах по категориям социальных элит. Поверхностно-вежливое общение с о'кейной улыбкой не в уютных магазинчиках, а в огромных маркетах. Кажущееся тепло отношений в барах и мини-маркетах – своего рода бизнес со стандартным набором поведенческого ритуала.

Тюмень не закрыта наглухо от окружающей природы. Видны окрестные просторы в окончании главных улиц вдоль Туры, за районом Дома обороны в двух шагах – лесопарк с бегущими зимними лыжниками. Открыто пространство и для поперечных улиц, сбегаящих к Туре. Пусть не так, как раньше, но город открыт в мир и не забыл законы сибирского гостеприимства, народную основу своего духа, его вечный задушевный смысл.

Интеллектуальная элита, гуманитарии и краеведы отметили юбилей Ларисы Беспаловой. Она еще в пятидесятые заново открыла местную литературу. Чествование Беспаловой было выдержано в рамках официального протокола: в границах принятых правил начинался банкет, но позднее пошел настоящий сибирский пир, все соединились в своеобразную семью, и зазвучали мелодии и слова давних-дивных народных песен. И липа вековая привечала людей, и мудрый дуб на вековечной высоте, и песни сибирской казачьей вольницы.

Новый военный мемориал (2001г.), воздвигнутый в юго-восточном углу Текутьевского некрополя, символизирует другую грань городского характера. Те самые вертикальные прорывы в вечные небеса, намеченные еще Семеном Ремезовым.

В Тюмени всегда не переводились интеллектуалы-пассионарии, признанные лидеры в профессиональной сфере – от торговли до живописи, от финансов и промышленности до науки и журналистики. Их подпирает, как правило, беспокойная плеяда еще непризнанных, только набирающих силу чудаков, умников и умниц, стимулирующая мэтров.

На переходе к XXI веку в Тюмени сформировалась особая кагорта лидеров, способных отвечать на жесткие вызовы времени в условиях рыночных правил игры, найти дорогу устойчивого развития. Новый век – новая личность, новое сотворчество и деловой стиль, дабы родной город не отставал от перемен. Федор Селиванов – мэтр известной в России философской этической школы. Писатель и реактор политических кампаний Виктор Строгальщиков, первый победитель за всю историю города в престижном всероссийском литературном конкурсе, автор уникальной романной эпопеи про очередную российскую смуту «Слой». Академик телевидения, литератор и публицист Анатолий Омельчук, написавший свою личную энциклопедию в увлекательных и познавательных очерках – «Частное открытие Сибири».

Доктор технических наук Виктор Копылов, ставший краеведом с благоговения вечности. Оказывается, на тюменской земле было столько замечательных деятелей естествознания и техники, столько высококлассных открытий, так долог и тяжел был путь к ним, что нельзя не

попробовать привести их в систему. Один штрих – в конце шестидесятых в мире возобладала гипотеза о тектонической природе глобальной динамики континентальных плит: земные материки как бы плавают по планете на особой «подстилке». Проштудировав труды тюменца Ивана Словцова, Копылов понял, что эту гипотезу тюменский ученый сформулировал еще в начале XX века. Еще одна черточка нашей бесхитростной щедрости.

Замечательных медиков в Тюмени целый отряд. Доктор медицины Владимир Соловьев открыл становление в регионе особого сибирско-тюменского субэтноса. Педагог, академик Владимир Загвязинский создал сибирскую научную школу дидактики, движущих сил учебно-воспитательного процесса. Тюменские театры обрели себя, не утратив высоких гуманистических традиций, дополнили свою эстетику зрелищно-привлекательными формами и игровыми импульсами.

В знаменитом яркими сезонами театре кукол и масок до 1998г. не давала лечь на дно любимому детищу директор Раиса Рогачевских. Сменивший ее Василий Пустыльников поддержал курс, дополнив его свежими и острыми нотами молодежной субкультуры.

В 2000г. мэрия решила сделать муниципальным детско-юношеский театр «Ангажемент» имени незабвенного мецената и театрального деятеля Виктора Загоруйко. «Ангажемент» начинался как частный театр – флагман новой культуры. В новой роли театр идет в рост заботами своего художественного руководителя, известного российского актера Леонида Окунева. В Тюмени творят новое искусство замечательные сценографы - Владимир Осколков, Алексей Паненков, Сергей Перепелкин. Чудеса пластики на сцене демонстрирует балетмейстер Эдуард Соболев. Знак признания новой театральной волны в Тюмени – постановки российских знаменитостей – Владимира Воробьева, Владимира Меньшова, Александра Горбаня...

Ощутим дух вечности в постановках главного режиссера ТГТДиК Алексея Ларичева (с 1994 года - главный режиссер, с 2005 по 2008 год - художественный руководитель тюменского драмтеатра. В театральном сезоне 2011-2012 годов приглашен на разовую постановку спектакля «А этот выпал из гнезда» - примеч. ред). В сюите его драм духовным камертоном, проверяющим текущее время, стало библейское начало. Его дар замечен коллегами с мировым именем на Авиньонском фестивале. Психологическая драма «Эквус» включена в почетный ряд «Лучшие спектакли российских театров конца XX века».

Знаменитый российский искусствовед, московский сценограф Ирина Уварова к духовно-культурной вертикали сибирского Вавилона добави-

ла не менее звучную горизонталь, обозначив ее «сибирской Венецией». В сильный разлив Туры с берега можно видеть настоящий морской залив. Еще раньше эту «морскую» стать города прочувствовал Крапивин...

Мастер фотоискусства международного класса Сергей Киселев продолжает создавать уникальную летопись жизни современной Тюмени.

Вице-президент Российского Союза дизайнеров Геннадий Вершинин вкупе с мэтром Михаилом Гардубеем всего за пятилетку создали тюменскую школу арт-дизайна, отмеченную лаврами международных конкурсов.

На подъеме Тюменская филармония, где, после того как к руководству пришли Михаил Бирман и Антон Шароев, появился свой классический оркестр, покоровший московских меломанов. В первой пятерке оперных солистов Европы уверенно чувствует себя наша Ирина Бибеева.

Помянем и ушедших – цвет тюменской культуры – литературоведа и критика Лазаря Полонского, философа Юрия Федорова, создавшего в XX веке единственную систему мировоззрения – «сумму антропологий», большого писателя и чуткого воспитателя творческой молодежи Константина Лагунова, прекрасных актеров Нину Вальтонс, Марину Самойлову, Виктора Лелепа, Виктора Ансарова, Семена Фуксмана...

Счастливые в творчестве, но трудно живущие в быту искусствоведы Марина и Наталья Косполовы – внучки незабвенной мансийской сказительницы Анны Митрофановны Коньковой – удивляют знатоков своими эссе. Наталья Косполова первой открыла главную тайну тюменского городского устройства «Прозрение о Тюмени».

«Тюмень – уютный общий дом, где можно «ходить в тапочках». Все свое, все свои, все друг друга знают и порой мешают друг другу. Тюмень настолько реальна, что прячется в нереальном. Хранима духами, имена которых забыты, но они присматривают за народом».

Город запрограммирован прежними властями, мещанскими и обывательскими традициями, торговым капиталом, советскими стандартами на бескультурие – в одном измерении, в другом – был и сейчас полон метафизики интенсивных духовно-нравственных исканий. Город – место встречи трех больших российских цивилизаций и культур – славяно-европейской, сибирско-тюркской и угро-ямальской. Давно символически рисуют Тюменскую область то в виде факела, то в форме сердца. И верно, Тюмень находится в начальной точке выхода энергетического пучка на Север по той самой космической дуге, которой «заведует» Полярная звезда. Город – вулкан наоборот, большая скважина для этих энергетических потоков во все стороны света. Город, стоящий на древнем подзем-

ном океане чистейших вод, возможной энергии будущего – на смену нефти и газу. Вот откуда морские мечтания тюменских пассионариев.

Конец века стал благоприятным для поиска историко-культурных кладов Тюмени. Здесь появился уникальный издатель Юрий Мандрика, значительную часть своих не слишком больших доходов тратящий на публикации самолично разысканных забытых книжных раритетов, вернувший тюменской вечности имена публициста Евгения Кузнецова, литератора Михаила Плотникова, краеведа Капитона Голодникова... Символично, что мандриковская 10-томная серия названа «Невидимые времена», где заново родились произведения Николая Чукмалдина, мансийский героический эпос «Янгал-Маа», практически полный Василий Князев, Петр Словцов, Николай Абрамов... Впервые изданы собранные вместе повести Михаила Знаменского, его «рисованный» роман «Поездка на кумыс».

В Тюмени среди лопухов прибрежного луга гулял юный Михаил Пришвин, рядом с первой электростанцией, построенной Иваном Игнатовым. Крут был нравом дядя великого писателя-философа, но прогрессивно мыслил, создавая первую у нас парходную компанию. Решительный тюменский купец принял опального задиристого отрока, исключенного из Елецкой гимназии. Другой тюменский пассионарий директор Александровского реального училища Иван Яковлевич Словцов зачислил будущего классика в свои классы. В Тюмени Мишенька пережил мировоззренческий перелом, ощутил Любовь Творца как деятельную любовь.

Тюмень – неповторимый город. На 20 километров растянулась в городском пространстве сеть словцовского прамузея. Еще при первом директоре музей удостоен почетной медали Шведской королевской Академии наук за лучшую экспозицию в Европе. Цепь уютных особняков бережет душу Тюмени: храм Св. Петра и Павла, бывшая городская управа. В очаровании гостиных и кабинетов в усадьбах Машаровых и Колокольниковых. Там по «раритетным» вечерам звучат старинные романсы. «Тюменская старина». Клуб...

На фоне вечного тока жизни тюменские приливы и отливы, обнажая красоту души города, закрывают серую обыденность. «Столица деревень» ведет себя как Золушка, готовая привечать настоящего принца чудесами сибирской Венеции с башенных высот сибирского Вавилона. Тюменский котел греет энергия эпох и народов. Тюмень принимает многих, но делает тюменцами лишь тех, кто ощутил и принял особую гармонию и чувствует в своем сердце особый ритм ее городского пульса.

Краеведение

Грани истории

Валерий Кружинов

Доктор исторических наук, профессор ТюмГУ

Русские за «камнем»

Торгово-промышленное освоение русскими людьми сибирского Зауралья началось задолго до присоединения региона к Московскому государству. Уже в конце XI века за «Камень» (Уральские горы) ходили «охочие люди» Великого Новгорода, возвращавшиеся в родные дома с «драгоценной рухлядью», которая пользовалась спросом не только по всей Руси, но и за границей.

В XV веке за Урал пришли дружины великих московских князей. Особенно успешными были походы 1465, 1483 и 1499 годов, после которых Иван III присвоил себе титул «князя Кондинского и Обдорского». Как правило, участники этих экспедиций двигались в Сибирь «Печорским путем», который выводил их на Обь, минуя Туру и ставку тюменских ханов – крепость Чинги-Туру, располагавшуюся на территории современной Тюмени. Иным маршрутом двигался за Урал отряд казачьего атамана Ермака, имя которого вошло в историю как победителя могущественного правителя Сибирского ханства Кучума и землепроходца, положившего начало действительному присоединению Сибири к России. Перевалив через Уральские горы, казаки вышли на речку Тагил, затем – на Туру, откуда открывался путь на восток, где у впадения в нее реки Тюменки они подошли к бывшей столице Тюменского ханства.

Экспедиция Ермака до сих пор является предметом научных дискуссий, которые вызваны скудностью и противоречивостью исторических источников. Определенное место в дискуссиях историков занимает вопрос о пребывании ермаковых казаков в Чинги-Туре. Лаконичные сообщения об этом событии оставили первый историк и картограф Сибири Семен Ульянович Ремезов и некоторые летописцы. По их словам, оказавшись на Туре, Ермак с наступлением холодов решил зимовать в бывшей столице тюменских ханов. Причем, в одних исторических источниках этот эпизод датируется 1579 годом, в других – 1580, а в третьих – 1581 годом.

В то же время в Есиповской и Строгановской летописях, которые считаются более достоверными источниками, сведения о зимовке Ермака в Чинги-Туре прямо указывают, что, оказавшись на Туре, казаки без остановок продолжили свой путь и, «доплыша до реки Тавды», вышли на Tobол, откуда открывалась дорога к столице Кучума – крепости Искер. Обычно это обстоятельство рассматривается как определяющее в споре исследователей, большинство которых считает версию о зимовке Ермака в Чинги-Туре надуманной, сомнительной. Она вызывает возражения и с точки зрения тех немногочисленных, но фантастических подробностей, которые сообщал С.У. Ремезов. Так, современный историк вряд ли согласится с его утверждением о том, что во время боя за старую столицу Тюменского ханства Ермак убил... Чингисхана, который в действительности никогда здесь не бывал и умер своей смертью за 350 лет до сибирской экспедиции отважных казаков.

Если же версия С.У. Ремезова все-таки отражает реальный эпизод похода, то картина зимовки ермаковых казаков в Чинги-Туре, скорее всего, могла выглядеть следующим образом. Когда отряд Ермака подошел к заброшенной ставке тюменских ханов, он насчитывал около 600 человек. Каждый воин был хорошо вооружен и имел немалый боевой опыт. По Туре казаки плыли на «легких» стругах, поднимавших по 20-25 воинов с полным вооружением, боеприпасами и запасом продовольствия. На корме головного струга стоял Ермак, живописный портрет которого составил С.У. Ремезов. По его словам, казачий атаман был «очень мужественен, разумен и человечен», «черн брадою и власы прикудряв, возраст средней, и плоск, и плечист». Природный ум поднимал Ермака на уровень лучших военачальников своего времени. У стен Чинги-Туры состоялся войсковой круг, который после короткого обсуждения принял решение о зимовке в Чинги-Туре, где можно было отдохнуть и подготовиться к походу на Искер. В оставшиеся дни осени были исправлены заброшенные жилища когда-то покинувших городок жителей, восстановлены окружавшие его валы, где постоянно находились караульные, готовые в случае опасности поднять тревогу. Возможно, такие же дозоры ставились и в окрестностях Чинги-Туры, чтобы заблаговременно предупредить атамана о возможном нападении противника. По крайней мере, в памяти тюменских старожилов до сих пор сохранилась легенда, рассказывающая о казаках Ермака, которые несли сторожевую службу на возвышенном берегу реки Пышмы под современной Тюменью, а само это место и поныне называется Караульной горой.

В то же время Ермак осознавал, что удержаться в огромном крае, опираясь только на военную силу одной дружины, невозможно. Поэтому он

сразу же начал налаживать мирные отношения с жителями разбросанных вокруг Чинги-Туры поселений. По словам С.У. Ремезова, казаки быстро убедились, что «Сибирская страна богата и всем изобильна и живущие люди в ней невоинственны». В этих условиях жизнь бывшего улуса Кучума скоро вошла в привычное русло. Татары, ханты, манси, жившие по Туру, ловили рыбу, занимались охотой и земледелием. Ермак не вмешивался во внутриродовые и межродовые отношения, проявлял веротерпимость и не пытался привести местное население в христианство.

Перезимовав в Чинги-Туре, ермаковы казаки продолжили свой поход. В конце октября 1582 года они вошли в оставленный противником Искер, откуда ходили на Пелым и Обь, в верховья Иртыша и на Вагай, присоединяя к России новые земли.

После трагической гибели Ермака близ устья Вагая участники его экспедиции продолжали участвовать в освоении Сибири. Ни одна военная кампания, ни одна закладка новой крепости не обходилась без них. В 1586 году оставшиеся в живых казаки Ермака вместе с воеводами В.Б. Сукиным и И.Н. Мясным ставили Тюменский острог.

Подвиг дружины Ермака навсегда остался в памяти народа. Ему посвящены народные сказания, произведения искусства. Имя Ермака носит одна из улиц Тюмени.

Аркадий Захаров

Историк, краевед, член Союза писателей России

Лицом к океану

Эссе

Один мой знакомый, самодеятельный кинорежиссер и оператор, по приглашению всесильного тогда ВЦСПС принял участие во всесоюзном конкурсе самодеятельных кинофильмов в Одессе под девизом «Наше море». Отборочная комиссия при регистрации заявки удивленно вскинула брови: «Откуда в Тюмени море?». На что представитель Тюмени с достоинством возразил: «Наше море не меньше Черного, и зовется Карское. Хотя Тюмень стоит спиной к Казахстану, зато лицом – к Океану. Недаром на гербе нашего города – барка. А на гербе вашего что?». Комиссия возражений искать не стала.

Когда эта история стала известна мне, я задумался над его словами. Действительно, на старинном гербе Тюмени - лодка. В знак того, что отсюда начинается великое плавание по сибирским рекам на Север и Восток, в Ледовитый океан, Китай и Бухару. И плавали наши предприимчивые предки на веслах и под парусом, сплавляли тяжелые барки по течению, а против – вели бечевою. Здесь, на пологом Туринском берегу, был склепан котельщиками первый сибирский пароход «Основа». Его сипловатый гудок возвестил на всю неоглядную Сибирь, что бурлацкой лямке пришел конец, и наступает век пара.

Так что на самом деле Тюмень – город если не приморский, то прибрежный и портовый. Одни названия улиц чего стоят и говорят сами за себя. Например, Морская, Флотская, Охотская, Карская, Балтийская, Беломорская, Портовая, Рейдовая.

Естественно, что имеются на карте города улицы: Мурманская, Ямальская, Таймырская, Камчатская, Сахалинская и переулки: Кольский и Тихоокеанский. Если так, то понятно, почему и названия крупнейших портов увековечены в названиях наших улиц: Рижская, Севастопольская, Ленинградская, Одесская, Таллинская, Магаданская, Астраханская и Тобольская.

История освоения Севморпути тоже не преминула отразиться на названиях: Челюскинцев, Папанинцев, Шмидта. Имена геройских кораблей носят

улицы, названные в память ледоколов: Седова, Малыгина, Ермака и знаменитого броненосца Потемкина. Вообще, с судостроением и судоремонтом у нашего города очень многое связано, а потому мы гордимся названиями улиц: Судостроителей, Судоремонтная, Корабельный проезд, Котельщиков. Именами знаменитых судостроителей названы улицы: Макарова, Кулибина, Ползунова. И по имени преподавателя Кронштадтских минных классов – улица Попова. Имена знаменитых флотоводцев носят улицы Ушакова и Нахимова. Есть еще улицы капитана Плахина и погибшего на броненосце «Петропавловск» художника Верещагина. Герои матросы тоже не позабыты тюменцами. Именами героя гражданской войны Павла Хохрякова и героя Советского Союза Марии Цукановой названы улицы.

Главная дорога к морю – река. Потому на гербе Тюмени – и лодка, что отсюда начинается плавание по всем сибирским рекам к Океану и вплоть до Байкала. Наверное, поэтому на карте города мы найдем улицы: Водников, Пароходскую, Причальную, Пристанскую, Береговую и названную по имени государственного пароходства Госпаровскую. Словно реки текут улицы: Речная, Обская, Иртышская, Невская, Бийская, Амурская, Кубанская, Цимлянская, Кондинская, Ангарская, Днепровская, Жигулевская, Камская, Туринская, Пышминская, Енисейский переулочок. А еще есть улицы: Набережная, Мостовая, Дамбовская, Большая Заречная, Озерная и Заозерная, Воронинская гавань.

Наверное, это не все, и что-нибудь упущено. Однако тюменцы не забывают и гордятся тем, что в годы войны в их городе серийно выпускались торпедные катера, а в мирные дни строились танкеры и плавучие гиганты – электростанции «Северное сияние».

Нет, не случайно на гербе нашего города – лодка с золотой мачтой. И не потому ли однажды на берегу Туры возникла лодочная станция, о которой стоит поговорить подробно, поскольку собирались в ней замечательные личности – последние в XX веке речные романтики.

С молоком матери впитавшие традиции судостроения и судоходства, горожане и сами строили лодки, и покупали готовые. В результате этого стихийного процесса оказалось, что берега Туры буквально завалены лодками и что городу без лодочной станции и стоянки уже не обойтись. Тем временем, Партия требовала расширения сферы услуг для населения, которое должно было не только трудиться, но и культурно отдыхать, чтобы восстанавливать силы опять-таки для работы. По этой причине образовали лодочную станцию и, по сложившейся традиции – заботиться о гражданах, отвели под нее не самое лучшее место берега – напротив зловонного тогда устья Тюменки, что повыше деревянного моста. Это чудо деревянной архитектуры верой и правдой служило горожанам, пережило пару пожаров, одну реконструк-

цию и украшало бы речной пейзаж еще неизвестное количество лет, если бы однажды, среди белого дня, не рухнуло на речную гладь так величаво и степенно, что никто из оказавшихся в это время на мосту не пострадал, в том числе и пассажиры микроавтобуса. Но это уже другая история.

Речной рейд тянулся по Туре километров на 18, от музея и до Антипино. Через реку – четыре моста и одна понтонная переправа. А на берегах – причалы, ремонтные базы флота, речной порт, два завода: судостроительный и судоремонтный. В прежние годы зарождения самоходного флота каждый тюменский купец волен был на время постройки парохода основать свою верфь: арендовать у города участок берега, закупить материалы и судовое оборудование, нанять рабочих и специалистов да и строить себе пароход по своему вкусу. Не сразу заказы на постройку флота перешли к специализированному Жабынскому заводу, что получил свое имя от близлежащего переката.

Потребности сибирского флота в якорях и якорных цепях удовлетворялись Верхотурским заводом, который ковал великолепные якоря и цепи для малых и больших судов. Один из таких якорей с характерной «уральской» стреловидной лапой стоит возле монастыря Петра и Павла как памятник уральским умельцам и тюменским речникам.

Туринский элеватор своим появлением возле реки обязан флоту и почти полному отсутствию в послевоенные годы автомобильных дорог, необходимых для вывоза урожая из глубинки. Мелкосидящие суда специально созданного для этого «Управления малых рек» ходили тогда за зерном к ссыпным пунктам на Тавде, Тоболе, Исети, Ишиме, Вагае и даже Пышме, не говоря уже о Туре, и доставляли его на туринский элеватор. Это сейчас с появлением мощного автотранспорта и развитой сети автодорог первоначальное его предназначение забылось и изменилось.

Вернемся же к старому гербу нашего города. В верхней его части – красные знамена и барабаны, повторяющие герб Тобольска. Это должно было означать, что Тюмень административно входит в Тобольскую губернию. Кстати, в те периоды, когда Тюмень подчинялась Оренбургу и Омску, на гербе Тюмени оставалась только лодка с золотой мачтой, которая означала, что от Тюмени начинается великое плавание по Сибирским рекам.

До нас дошла книга «Дневные записки путешествия Ивана Лепехина, совершенного в 1771 году». Академик Лепехин приводит в ней красочное и подробное описание Ирбитской ярмарки:

«... Надобно знать все пути, по которым с разных сторон товары привозятся. Китайские товары с Кяхты везут или сухим путем, или водою. Водяной путь также от самой границы начинается. Сперва плывут ре-

кою Селенгою до Байкала; из Байкала проходят рекою Ангарою; из Ангары выходят в Енисей, по которому спускаются до Енисейска, где, перебравшись через волок, плывут по реке Кеть к Оби, а по Иртышу поднимаются вверх до Тобольска». От Тобольска суда поднимались по Тоболу и Туре до Тюмени, где грузы переваливались на гужевой транспорт.

Из XVIII века до нас дошел прелюбопытнейший экземпляр путеводителя «Древняя российская гидрография, содержащая описание московского государства рек, протоков, озер, кладязей, и какие по ним города и урочища и на каком оныя расстоянии, изданная Николаем Новиковым в 1773 году в Санкт-Петербурге». Очень нужна это была книга для путешествующего по России. Ведь в нашей стране хороших дорог испокон веков не бывало, а для торговых, военных дел и перевозки грузов годились только развитые водные пути.

В ней на странице 223 сказано: «А в Тобол реку за триста тридцать верст от устья Тобола пала Тура река. А река Тура течет из горы, из Камени: против града Соли Камской восемьдесят верст. От Соли Камской, от Великия Тюмени за пятьсот пятьдесят верст. А от Тюмени сто двадцать верст пала Тура в реку Тобол». Что касается расстояния по водному пути от Тюмени до устья Туры, то и сегодня оно примерно такое же, если измерять верстами.

Значения «Великой Тюмени» для сибирского судоходства не переоценить. Вот потому на ее гербе – лодка с золотой мачтой. Вопрос только – почему акцент сделан на золотую мачту, причем без паруса. На гербах других городов с изображением судна паруса присутствуют, а на тюменском – нет, хотя мачта и золотая. Должен был существовать глубокий смысл в изображении. При тщательном рассмотрении герба можно обнаружить на нем изображение ветра, который у яхтсменов называется вымпельным: флаги развеваются в правильном направлении, т.е. ветер дует с кормы. Но ни малейшего намека на парус в изображении герба нет. И это может быть объяснимо особенностями раннего сибирского торгового судоходства, когда по малым рекам с извилистым фарватером суда проводились при помощи бечевы – каната который привязывался именно к мачте. Такое крепление каната позволяло бурлакам легче миновать прибрежные препятствия: карчи, отмели и яры, а судну давало возможность маневрировать. Автор эскиза герба понимал значение каждой детали геральдического изображения. Так что бурлаки жили не только на одной Волге, но и на Туре, и Иртыше тоже.

Лодка на гербе нашего города чрезвычайно символична. Она напоминает горожанам, что все мы плывем по жизни в одной лодке, которую не нужно раскачивать и перегружать. И тогда, если всем грести слаженно, а руль доверить мудрому кормчему, можно доплыть к желанному берегу.

Мне кажется, тюменцы это хорошо понимают.

Тамара Дмитриенко

Кандидат педагогических наук,
«Отличник народного просвещения СССР»,
выпускница тюменского педучилища № 1 (1954 г.)

Будут памятны как вехи

Тюменскому педагогическому колледжу № 1 – 90 лет.

«Школа – не здание, не кабинеты, не образцово-наглядная агитация.

Школа – это возвышенный дух, мечта, идея, которые увлекают сразу троих – учителя, ребенка, родителя – и тут же реализуются».

Народный учитель А.А. Захаренко

«Учитель – профессия дальнего действия, главная на земле».

Р. Рождественский

Одно из старейших учебных заведений нашей области – Тюменский педагогический колледж № 1 – в октябре 2011 года отметил свой 90-летний юбилей.

Сегодня это центр педагогической науки, центр образовательных технологий, центр Мудрости и Доброты. Здесь прилагаются огромные усилия, чтобы привить юношам и девушкам любовь к самой главной профессии на земле – профессии Учителя. Трудно найти город, район, где бы ни работали его выпускники. В колледже сложился опытный, творчески работающий, имеющий свои традиции педагогический коллектив. В его составе: 5 педагогов, имеющих высокие звания «Заслуженный учитель РФ», 18 – «Отличник народного просвещения», 12 – «Почетный работник среднего профессионального образования России», 31 сотрудник педколледжа награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, 5 кандидатов педагогических наук, 82 процента педагогического коллектива – педагоги высшей квалификационной категории. Коллектив колледжа находится в постоянном поиске новых форм и методов учебной и воспитательной работы, отвечающих требованиям сегодняшнего дня, цель которых – подготовка Учителя нового типа. Но у педагогического колледжа был долгий, непростой путь, и в его истории как в зеркале отразилась история нашего государства.

Перелистаем страницы этой истории, которые уведут нас в далекие 20-е годы 20-го столетия.

Шли первые годы жизни молодой республики Советов, страна восстанавливала разрушенное гражданской войной народное хозяйство и готовилась вводить всеобщее начальное обучение. Срочно нужны были учителя. Именно в этот напряженный период и происходит преобразование отделения, готовившего работников школ первой ступени при тюменском институте народного образования, в самостоятельное учебное заведение.

В 1921 году, в Тюмени, в здании бывшего Александровского реального училища (ныне – сельхозакадемия) был открыт, совместно с сельскохозяйственным, педагогический техникум. Перед ним стояла конкретная задача – подготовка работников школ 1-й ступени, руководителей детских садов. Срок обучения – 4 года. На школьном отделении до 1930 года были группы, обучающиеся на татарском языке. В 1930 году педтехникум объединяется с открывшимся в Тюмени пединститутом, получив статус педтехникума при агропедкомбинате. Но такой эксперимент очень скоро показал свою несостоятельность, и в 1932 году педтехникум снова выделяется в самостоятельное учреждение образования и в этом статусе работает до начала Великой Отечественной войны. Кроме того, еще в 1936 году, тоже в качестве эксперимента, было организовано вечернее отделение на немецком языке для спецпереселенцев – немцев с Поволжья.

Первым деканом педтехникума был назначен учитель словесности А.Н. Куратов. Среди педагогов были образованные, талантливые специалисты: Ф. Ф. Ларионов, преподаватель химии и биологии, М.К. Богдаева, преподаватель математики и физики, окончившая в Париже Сорбонский университет. Помимо своего предмета, она увлекалась астрономией и владела несколькими иностранными языками. Историю преподавал увлеченный тюменский краевед, художник-любитель П.А. Россомахин.

С 1924 по 1937 гг. сменился ряд директоров педтехникума: Г.В. Шананин, П.А. Россомахин, В.В. Северный, В.П. Пискарев, Б.О. Гриншпан, С.С. Контиев, В.П. Бородулин. Такая резкая смена кадрового потенциала не была неожиданностью в годы репрессий.

Учащиеся педтехникума в 20-30-е годы вели большую общественную работу в проведении коллективизации, выступая с разъяснительными беседами в деревнях, помогали в подготовке школ в период введения всеобщего начального обучения.

В 1937 году приказом Омского отдела народного образования педтехникум был переименован в педучилище. Его возглавила И.К. Тужик-Ми-

хайлова. Именно ей было суждено в 1941 году, после выпускного вечера, провожать на фронт мужчин-педагогов: Михаила Николаевича Кондакова, Александра Самсоновича Моносова, Сергея Петровича и Михаила Петровича Измestьевых, Павла Трофимовича Тужика, Константина Алексеевича Зобнина, Николая Михайловича Серебренникова, Александра Александровича Багуркина, Павла Сергеевича Прокофьева, Ивана Васильевича Патрикеева, Ивана Алексеевича Некрасова, Геннадия Герасимовича Чертищева, Владимира Сергеевича Новопашина, и своих студентов: Владимира Иванова, Тамару Хилько, Полину Семенову. Юноши и девушки, получая свидетельства об окончании училища, давали клятву отдать все силы и даже жизнь в боях за честь и свободу Родины. И клятву сдержали: многие из них погибли на полях сражений. Не вернулись с фронта талантливые педагоги: А.С. Моносов, М.Н. Кондаков, выпускники: В.Н. Хилько, В.Г. Иванов и другие. С начала войны училище срочно эвакуируется в Тобольск, а помещение оборудуется под госпиталь. Таким образом, три военных года в Тюмени не существовало педучилища.

Вновь тюменское педучилище возрождается в 1944 году. Сначала оно ютилось в подвальном помещении пединститута, затем – в здании начальной школы № 9, и только потом «бездомному» педучилищу отдают здание по улице Республики, 60 (бывшее сиропитательное заведение), возобновляет работу дневное школьное отделение, а в 1946 году – заочное.

Охват заочным обучением проводился в административно-волевом порядке: районо составлял списки учителей, подлежащих обучению, желаня и возможности в расчет не принимались. Для материального стимулирования за успешную учебу и сдачу переводных экзаменов практиковалось освобождение от платы за обучение (плата за год составляла – 150 рублей, на заочном отделении – 75 рублей), а за неуспеваемость – полное возмещение расходов. Заочники добирались из районов на попутных машинах и даже пешком, по этой причине часто опаздывали.

Попытка организовать общежитие в двух комнатах-классах, арендованных в начальной школе, не удалась из-за отсутствия кроватей и постельных принадлежностей, поэтому заочники размещались по частным квартирам. Среди причин исключения из педучилища, кроме неуспеваемости, можно выделить: мобилизацию в армию, тяжелые заболевания, неуплату за обучение и некоторые другие. Отсутствие учебно-наглядных пособий, методической литературы, писчей бумаги, карандашей, чернил приводило к снижению качественных показателей. Разделение педагогического состава училища на очное и заочное отделения, разрушение материальной базы, сокращение учебного плана негативно сказались на качестве подготовки учителей начальной школы.

1 октября 1944 года вновь начинаются занятия очного школьного отделения, вернувшегося из Тобольска. Всю подготовительную работу по набору педагогического состава вела Трофимова Валентина Федоровна, почетный гражданин города Тюмени, выпускница педтехникума и Омского пединститута – директор педучилища до 1957 года. Жизнь вновь возрожденного педучилища в первые послевоенные годы складывалась непросто: неуккомплектованность педагогического коллектива, нехватка парт, учебников, тетрадей, дров, транспорта. Обучение велось в одну утреннюю смену, непрерывная педагогическая практика проводилась в школах № 8, 9, 20, 2. С трудом были оборудованы 5 кабинетов: математики, физики, естествознания, военного дела и рисования. С довоенного времени сохранились скрипки, мандолина, гитара, балалайка-бас, а также библиотека. Долгое время не удавалось открыть общежитие и столовую. Для облегчения снабжения преподавателей и учащихся продовольственными товарами на период с 1945 по 1947 год педучилище получило около 2 га земли для посадки огородных культур и картофеля.

Администрация училища старалась наладить учебный процесс и дисциплину: принимались меры, адекватные военному времени. Материальная необеспеченность, низкая базовая подготовка, нежелание и неумение учиться – все это вместе с требовательностью преподавателей не позволяло обходиться без второгодничества и «испытаний на осень», зато отличникам полагалась 25-процентная повышенная стипендия.

Решению воспитательных задач способствовало проведение общих и классных комсомольских собраний с участием педколлектива, тематические вечера воспитывали у учащихся любовь к педагогическому труду, вечера-концерты классической музыки, бал-маскарады, пионерские костры, юбилейные литературные вечера, книжные выставки, выставки сельхозпродукции, фотографий учащихся и т.д. По параллелям работали лекторские группы, при комитете ВЛКСМ работал радиокомитет, в училище звучали ежедневные передачи, освещавшие жизнь педучилища и основные события в мире. Регулярно издавалась стенгазета «За кадры», корреспондентами и членами редколлегии были сами учащиеся. Хорошей традицией педучилища стало посещение выставок, концертов, театральных спектаклей и встречи с актерами тюменского драмтеатра.

Но летом 1957 года Тюменское педучилище было ликвидировано. Официальная версия – «выпуски учителей начальных классов начали превышать реальную потребность школ области, так как в середине 50-х в стране сказались демографические последствия войны». По стране прошло большое сокращение педучилищ. Не обошло оно и наше... Но пагубность этого решения сказалась уже через несколько лет, и в 1964

году в Тюмени вновь открылось среднее педагогическое заведение, временно размещенное в небольшом трехэтажном здании по улице Одесской, 50, арендованном у школы-интерната № 2. И, наконец, в ноябре 1968 года коллектив педучилища переезжает в специально построенное здание на улице Минской, 45.

Директором в то время стала Ефросинья Герасимовна Селянина, бывшая выпускница педучилища, отличный педагог, талантливый организатор. 270 учащихся школьного, дошкольного, музыкального отделений приступили к занятиям. Учитывая потребность в руководителях детских общественных организаций, в 1966 году открывается школьно-пионерское отделение. А когда городу и области потребовались преподаватели физкультуры, педучилище в 1973 году срочно открывает отделение физвоспитания. Жизнь вновь возвращенного педучилища была тщательно продумана, и в тесном содружестве партийной и комсомольской организаций педучилище очень скоро оказалось в числе лучших учебных заведений области. Огромное значение придавалось общественно-политическому, нравственному и эстетическому воспитанию: поездки групп учащихся в туристическом поезде «Тюменец» по городам-героям, по Золотому кольцу, экскурсии по историческим местам, незабываемые встречи с лауреатами международных конкурсов скрипачей, пианистов, композиторов, с участником антарктических экспедиций Бардиным, с заместителем начальника Байконура Журавлевым и т.д. По итогам соревнования в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, комсомольская организация педучилища заняла 1-е место и была награждена юбилейной Почетной грамотой и почетной лентой ЦК ВЛКСМ к комсомольскому знамени, а имя директора училища Е.Г. Селяниной было занесено в Книгу почета Ленинского района города Тюмени. Лучшие преподаватели были награждены юбилейными медалями. Для работы в педучилище приглашались талантливые педагоги, имеющие большой опыт работы в школах, увлеченные педагогической деятельностью.

В 1982 году на смену Е.Г. Селяниной к руководству педучилищем приходит инициативный, политически и профессионально грамотный, с большим опытом работы, заслуженный учитель школы РСФСР Леонид Григорьевич Перминов. Продолжая сложившиеся традиции, он внес много нового: прежде всего, решил проблему капитального ремонта, укрепил трудовую дисциплину, добился повышения успеваемости. Совместные усилия администрации, партийной и комсомольской организаций позволили поднять уровень учебно-воспитательной работы на новую высоту. В училище родилось научное общество учащихся, куда входило 18 кружков: «Мыслитель», «Человек и природа», «Хозяюшка», «Искатель»

и другие. Большой успех имели: конкурс: «Что? Где? Когда?», защита фантастических проектов «Школа будущего», «Сердце отдаю детям» и многое другое. Показательны такие цифры: более 400 учащихся педучилища вели кружки, секции, клубы в школах и Домах культуры Тюмени.

Весь коллектив работал под девизом: «Народный учитель – ваятель духовного мира юной личности, доверенное лицо общества».

В 1984 году в Книгу почета было занесено 50 учащихся, получивших диплом с отличием. В 1986 году по инициативе Леонида Григорьевича Перминова был открыт музей истории народного образования Тюменского края. У истоков создания музея стояли – Людмила Трифионовна Бархатова, Нина Федоровна Докшина, Нина Петровна Попова, Владислав Николаевич Бубякин, Михаил Иванович Сидоров, Наталья Сергеевна Руднева.

В 1987 году Перминов уходит на заслуженный отдых, директором педучилища становится преподаватель педагогики, секретарь парторганизации училища, энтузиаст и новатор, человек высокой культуры – Надежда Яковлевна Стрельцова. За 10 лет ее директорской деятельности: в училище появились кабельное телевидение, компьютерный кабинет, центр медико-психологических услуг, удалось приобщить учащихся к театральному искусству под руководством заслуженного деятеля искусств Е.А. Плавинского. В работе театральной студии участвовали и преподаватели, подавая пример прекрасного перевоплощения.

2 сентября 1993 года тюменское педучилище приказом Министерства образования РФ было преобразовано в педагогический колледж. Студенты создали экспериментальную школу при колледже, которая отличалась от обычной начальной школы более высоким уровнем культуры детей. Классным руководителем стала выпускница педучилища Маргарита Валентиновна Кипрушкина.

Тюменский педагогический колледж перешел на подготовку специалистов по сквозным учебным планам с Ишимским пединститутом и Тюменским институтом искусств и культуры (теперь – академия искусств, культуры и социальных технологий).

15 лет назад, на 75-летнем юбилее тюменского педучилища, в приветственном слове Марии Федоровны Шадриной прозвучали такие слова:

«Для нас, ветеранов, колледж – любимое и дорогое дитя. Мы счастливы, что тот труд, то здоровье, та частица души, которую мы отдавали нашим ученикам, принесли хорошие плоды».

С 1997 года колледжем руководит Татьяна Яковлевна Путинцева, преподаватель истории, в прошлом – заведующая дошкольным отделением,

заслуженный учитель РФ, отличник народного образования РФ, почетный работник науки и образования Тюменской области, компетентный руководитель, талантливый организатор, прошедший хорошую школу профессионализма, работая секретарем парторганизации во времена Л.Г. Перминова, а затем – Н.Я. Стрельцовой. Т.Я. Путинцева бережно сохраняет и умножает традиции коллектива педколледжа, побуждает преподавателей и студентов к творчеству и дружескому общению. Педагогический коллектив и сегодня не изменил основного профиля подготовки педагогических кадров. Набор специальностей и специализаций соответствует запросам современного общества. В тюменском педагогическом колледже созданы все условия для качественной подготовки выпускников. В колледже пять отделений: школьное, дошкольного образования, педагогики дополнительного образования, музыкального и художественного образования и заочное отделение. Особое внимание обращено на то, что в современных условиях дополнительное образование становится приоритетным направлением образовательной политики нашей страны, неотъемлемой частью учебно-воспитательного процесса всех типов образовательных учреждений.

Педколледж № 1 сегодня готовит:

- педагогов дополнительного образования в области физкультурно-оздоровительной деятельности, работающих в общеобразовательных центрах детского творчества, школах, детских спортивных школах;
- социальных педагогов;
- педагогов дополнительного образования детей в области хореографии;
- дизайнеров – представителей одной из самых престижных и высокооплачиваемых профессий;
- специалистов в области туризма, выпускники готовятся к профессиональной деятельности по оказанию услуг в сфере туризма.

Студенты педколледжа активно участвуют во множестве мероприятий, конкурсов и акций: областных олимпиадах по русскому языку, культуре речи, по математике, информатике, основам права, «Менделеевских ассамблеях» и т.д. Ежегодно и торжественно чествуются победители конкурса «Гордость колледжа» и конкурса студентов выпускных курсов «Студент года». Педагоги участвуют в областных, региональных, Всероссийских и Международных научно-практических конференциях и олимпиадах.

Педагогический коллектив колледжа один из немногих сохранил профсоюзные организации: председатель – Лариса Леонидовна Аверкина, студенческий профсоюз возглавляет Татьяна Владимировна Захарова. Творческое содружество этих руководителей позволяет проводить

яркие праздники для детей сотрудников и постоянно держать в поле зрения всех ветеранов коллектива, пенсионеров, оказывая им моральную и материальную поддержку.

Студенты, будущие специалисты, во время учебы в педколледже активно овладевают современными техническими средствами, учатся играть на музыкальных инструментах, занимаются хоровым пением и хореографией, приобретают навыки работы с бумагой, тканями и природными материалами.

С ноября 2001 года в музее тюменского педагогического колледжа №1 хранится капсула – «Послание в XXI век», в котором есть такие строки:

«Дорогие студенты! К вам обращаемся мы, студенты педколледжа №1, вступившие в 3-е тысячелетие, избравшие, как и вы, одну из самых гуманных профессий – профессию Учителя.»

Мы понимаем, какой груз ответственности ложится на наши плечи. Нам доверяют принимать будущее поколение и вести его дальше.

Мы убеждены, что никакая сверхсовершенная техника не заменит прикосновение человеческого сердца – сердца воспитателя к сердцу ребенка. И мы серьезно готовимся к этой встрече в стенах нашего уютного колледжа.

Дорогие друзья! Берегите наш гостеприимный дом! Умножайте добрые традиции, дружите с книгой, искусством! Учитесь великому искусству – слушать и слышать своего собеседника! Будьте гуманными и мудрыми!

Это послание вы прочтете в год 100-летия нашего колледжа. Примите наши поздравления и пожелания встретить эту дату с высоко поднятой головой и чувством гордости за свою профессию, за наш колледж, за нашу легендарную Сибирь!»

Студенты и преподаватели педколледжа.

Поэтическое послесловие

Ольга Борщевская

Преподаватель музыкальной литературы
педколледжа № 1 (с 1964 по 1983 гг.)

К дню знаний

*Войди с надеждой в храм святой,
Не в тот, где божий раб стенает,
И где поют «за упокой»,
И где лампы свет мерцает.*

*Войди в тот храм, где день царит
Богатством разума рожденный,
Где мудрость вечная парит,
Где жаждой знания зажженный
Науки жертвенник горит.*

**На день открытия Музея
просвещения в тюменском
педучилище**

*Кто сеял разумное, доброе, вечное,
Тому мой поклон, мое слово сердечное.
Тому, кто любовь и добро отдавал,
Жил без корысти, чинов не хватал,
Тому, кто отчизну любить научил
Не словом красивым, а делом своим,
Кто ночь за рабочим столом проводил
И свежую мысль на урок приносил,
Кто шел с ребягню в далекий поход
И с нею приветствовал солнца восход,
Кто душу ребенка от горя спасал,
И мать, и отца в тот момент заменял,
Кто новые силы в себе находил,
Когда уже не было более сил.
Всем тем – мое доброе, вечное.
Всем вам – мое слово сердечное!*

*Мы родом из честного детства,
Из чистых родительских снов.
Из галстуков мы пионерских,
Из пионерских костров.
Из валенок, шапок-ушанок,
Из девичьих бантов и кос,
Рогаток, чернильниц, шпартгалок,
Из детских дразнилок и слез.
Мы родом из трудного детства
Суровых военных годов.
Девчонки, без тени кокетства,
Помадой не мазали ртов.
Взрослели. Каникул не зная,
Работали взрослым подстать.
На поле колхозном, трудом помогая,
Мы тоже сражались за Родину-мать.
И был нам порукой не доллар досужий,
А с фронта желанная весть.
И школьному братству поныне мы служим.
Поныне порукой нам совесть и честь.
Но билась сердца наши в девичьем мире.
Отбросив на время печаль,
Бежали порой мы в кино, как шальные,
Смотреть на Франческу Гааль.
И ночь в полусне нас ласкала,
Отправив экранных героев в мечту,
И песнь колыбельную нам напевала
Про счастье, любовь и весну.
Спасибо наставникам нашим,
Чью память мы в сердце храним.
Мы с честью испили ту чашу,
Что называется ЖИЗНЬ.*

Краеведение

Город в моей судьбе

Людмила Дрозд
Краевед

Мои мимолетности

(Из впечатлений тюменской девчонки)

У Сергея Прокофьева есть чудный цикл фортепьянных пьес с красивым названием – «Мимолетности»...

Музыка всегда очень волновала меня, с самого детства! Со временем стала замечать, что всякий раз, когда слышу знакомую мелодию, или она сама вдруг зазвучит во мне, перед внутренним зрением всплывает какое-то конкретное событие. Часто даже не событие – мгновение, картинка – вспышки в памяти, дорогие и видимые только мне.

Зойкина молитва

«Дайте до детства счастливый билет»

Я родилась и выросла в Тюмени, на улице Свердлова.

Одной из первых книжек, прочитанных мною самостоятельно, была – «Дикие лебеди» Андерсена. Ах, как понравилась сказка!

Я совершенно ясно видела большой светлый зал королевского дворца, девочку – принцессу, сидящую за невысоким столом у большой раскрытой красивой книги, а вокруг – одиннадцать братьев, с любовью наблюдающих, как радуется их сестра, разглядывая чудесные картинки, оживающие всякий раз, когда она переворачивала страницу. И я радовалась вместе с ней! А потом горевала, когда злая мачеха заколдовала принцев, превратив их в диких лебедей, с шумом вылетевших в распахнутое окно зала, а Элизу, так звали принцессу, прогнала из дворца. Вместе мы долго плутали по лесам и болотам, и мне жгла руки крапива,

из которой Элиза, по совету доброй волшебницы, плела спасительные рубашки братьям. Я страдала от горькой, тяжелой несправедливости, выпавшей на ее долю, и, в конце концов, радовалась новому обретению братьев и счастья!

Не один день просыпалась и засыпала я с мыслями о сказке и все ждала чего-то необычного. И вдруг – приходит к нам мамина подруга Тюнечка Миронова, наша любимая тетя Тюня. Как всегда, она в нарядной белой блузке, с душистым кружевным платочком за рукавом и крошечными бирюзовыми цветочками в ушах. На дворе – лето, до нового года далеко, до дня рождения еще дальше, а она вынимает из сумки куклу с длинными волнистыми пепельными волосами и протягивает ее мне! Не веря глазам, выдыхаю: «Это Элиза?!». Чуть помолчав, внимательно глядя на меня, тетя Тюня говорит: «Да, это Элиза. А как ты догадалась?». Еле слышно шепчу: «Я узнала ее».

Во дворе мы с девчонками решили отпраздновать день рождения моей Элизы. У сестры Нины, шившей на заказ своим знакомым платья, я вымолила атласный лоскуток цвета утренних облаков, освещенных восходящим солнцем, и, отделив от него несколько нитей, оплела ими волосы Элизы, потому что именно так, «жемчужными нитями», украшали ее к свадьбе с принцем в сказке. Утром, уходя на работу, Нина подарила мне к праздничному столу две картофельных оладушки. Разрезав каждую на три части, я положила их на тарелочки кукольного сервиза. Гости не заставили себя ждать. Все уселись на полу и стали поздравлять Элизу. В этот миг дверь резко распахнулась, и в ней появилась громко кричащая соседка тетя Даша. Что она кричала, не помню, но изо рта ее вылетали красные, а из глаз – синие искры! Так же внезапно, как появилась, она исчезла. Галя, самая старшая из нас, быстро вскочила и набросила крючок на петлю двери. Ничего не понимая, мы испуганно смотрели друг на друга, а потом стали шепотом обсуждать, как наказать зловедную Дарью – так мы звали ее между собой – за испорченный праздник. Долго не могли придумать! Наконец, Зойка, самая отчаянная и единственная крещеная, говорит: «Я придумала! Пойдемте к Ларке». Чтобы не встретиться с Дарьей, мы по очереди выбрались во двор через окно. Этому обучил меня брат Толя – «на всякий случай». Я выбиралась первой, показывая каждой следующей, за что держаться и куда ставить ногу: мы жили на втором этаже. Прибегаем к Ларке. Зойка смело идет прямо в передний угол. Там над комодом висят украшенные бумажными цветами иконы – «Боженька» и «Богородица». Зойка опускается перед ними на колени и начинает читать молитву, приказав нам все повторять за ней в точности. Мы подчиняемся беспрекословно.

До сих пор не знаю, настоящая ли это молитва, но, поскольку других очень долго не знала совсем, эту иногда, тайно, про себя, читала перед экзаменами. Вот она: «Богородица по церкви похаживала, на головке крестик понашивала, спит ли, не спит ли Ангел мой, хранитель мой, сохрани мою душеньку, день и ночь, час и полчаса. Аминь». Затем Зойка (и мы за ней) касалась лбом пола и говорила: «Пусть у Дарьи зубы заболят». Повторив это трижды, она встала и гордо прошла мимо нас, еще сидящих на полу. У двери остановилась, оглянулась и говорит: «Ну, что расселись-то?! Пошли на улку!».

Двор встретил нас криками мальчишек: «Где вы там застряли? Все готово уже!». Посреди поляны лежало полено, а через него – доска. На том ее конце, который касался травы, аккуратной кучкой лежали коротенькие палочки. Второй конец доски торчал кверху. Нас ожидала игра «Двенадцать палочек». Встали в круг, и наш постоянный ведущий Вовка начал считалочку: «На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты такой? Выходи поскорей, не задерживай добрых людей».

За играми мы позабыли о своих огорчениях. Утром я только поела, слышу, девчонки зовут меня выходить. Выбегаю, они стоят напротив нашего крыльца и смотрят в сторону ворот. На всех лицах – изумление и трепет. К воротам подходит понурая Дарья, опухшая щека ее подвязана теплым платком!..

Мы не злорадствовали. Наоборот, стало жаль тетю Дашу – все же у нее скоро год, как погиб на фронте муж, отец Юрки. Она всякий раз, как получала за него деньги «по аттестату», на весь двор горестно причитала: «На кого покинул ты нас, сирот, кормилец наш?!». Шло лето 1945 года.

Больше мы никогда так не молились, а скоро и совсем забыли об этом. Вспомнили недавно, когда Зойка пришла ко мне на «ба-а-альшой» юбилей. Поохотали всем столом и взгрустнули чуть-чуть.

Маслята

«Это наш родной, родной любимый край!»

Летом 1945 года в двенадцати километрах от Тюмени был открыт пионерский лагерь – «Антипинский». В течение семи лет, начиная с самого первого заезда, я отдыхала в нем одну, а то и две смены. С транспортом

тогда, говоря по-современному, была жуткая напряженка: автобусов не было, отвозили и привозили нас то на грузовике, то на лошади, в телеге, а однажды мы домой возвращались пешком.

В первый раз сбор был объявлен по адресу: Осипенко, 1. На красивом деревянном старинном доме висела огромная, неуклюжая вывеска с названием конторы, нас отправлявшей, – «Промстрахкасса». Эта вывеска ужасно портила уютный дом! Позже в нем разместили детские ясли, и он сразу повеселел. У конторы было оченьлюдно и шумно. Невдалеке стоял грузовик – «полупортка». Нас тесно усадили на сколоченные поперек кузова деревянные скамейки. На машине, да еще так далеко и надолго, я ехала впервые.

Большинство ребят были знакомы. Они громко разговаривали и смеялись, а когда выехали за город, стали петь – про костры, картошку, птицу чибис и еще про многое другое. Я не знала этих песен, но они нравились. А еще очень нравились красные галстуки, хотелось иметь такой же, и также, четко и красиво, взмахивать руку к голове и говорить при встрече: «Салют!».

Провожая меня, мама разговаривала о чем-то с высокой, стройной, светловолосой женщиной. Как оказалось, это была директор лагеря – Зинаида Дмитриевна. Я ее запомнила очень хорошо – за доброту и улыбку. Она иногда подходила ко мне с каким-нибудь вопросом, видимо, по просьбе мамы: я оказалась самой малой в заезде, в школу пошла только осенью.

Место, где располагался лагерь, полюбили сразу и навсегда. Недавно ездила в Антипино. Ностальгически пыталась отыскать хоть какие-то остатки той прелести. Увы! Унылые многоэтажки обступали меня. А тогда... километра за два до лагеря начиналась сосновая роща. Высокая, золотисто-зеленая, полная света и хвойной свежести, она всегда радовалась нам! Здесь, на большой поляне, в углублении в виде звезды, зажигались наши вечерние костры, знаменовавшие начало и окончание смены или завершение игры «Зарница».

Сразу за рощей открывался прямоугольный травяной простор. В левой части его стояло деревянное здание деревенской школы. В нем размещались наши спальни, столовая и кухня. Посередине – деревянная трибуна и высокая мачта, на которую, под звуки горна и барабана, поднимался флаг пионерской дружины. Позади рощи, школы и трибуны шел крутой берег Туры, заросший кустами шиповника, калины и черемухи. Рискую свалиться, мы тайком совершали короткие спуски в это кустарниковое царство и находили там яркие, душистые, невероятно вкусные ягоды земляники!

Справа простор заканчивался большим оврагом. По краям его росли высокие сосны. Спускаясь, они становились все меньше и в самом низу превращались в пушистую поросль. Дно оврага было мягким и пестрым от насыпавшейся пожелтевшей хвои и пробивающейся сквозь нее травы с белыми и розовыми шариками кашки. Множество тропинок сбегало ко дну со всех сторон. По самой широкой мы ходили к реке купаться: девочки шли степенно, о чем-нибудь рассуждая, мальчишки бежали вприпрыжку, с гиканьем обгоняя нас, размахивая саблями из веток, воображая себя чапаевцами.

Самым запомнившимся мне событием той смены был необычный сончас, устроенный из-за жары прямо в овраге. Принесли матрацы, уложили их на дно, и... мир перевернулся! Сосны, многократно удлинившись, придерживали своими вершинами далекое-далекое небо. В обрамлении зеленых пушистых веток оно казалось голубым зеркалом, и я пыталась разглядеть в нем себя. Когда все угомонились, стало слышно, как сосны шепчутся с ветром, радуясь нашему вторжению и наблюдая за нами. А мы радовались им и тоже наблюдали. Уже задремав, вдруг ощутила необычный приятный запах и посмотрела на землю. У самого изголовья стояли малюсенькие сосенки и елочки. Под одной из них увидела крошечные, лоснящиеся, светло-коричневые головки. Они скользнули мне в руки, упругие, нежные. Впервые видела я это чудо, но как-то сразу поняла – маслята! Мне хотелось закричать, показать всем мою находку, но был сончас, и я радовалась молча. С тех пор маслята – мои любимые грибы – милая, светлая память о детстве, о пионерском лагере «Антипинский».

Пионерская песня

«А море бурное ревели и стонало»

У Зельды Израилевны, маминой приятельницы, была взрослая дочь – удивительная красавица: высокая, стройная, с огромными черными глазами и темными вьющимися волосами ниже плеч! Как-то пришла она к нам днем. Я была дома одна – накануне приехала из пионерского лагеря. Шурочка – так звали ее все – и взрослые, и дети, спросила, когда мама приходит с работы, а потом села на стул и стала задавать мне разные вопросы: как было в лагере, что интересного, какие пели песни? Я отвечала, что в лагере было хорошо, песни пели разные, но самую лучшую я выучила перед отъездом.

– Так спой же ее мне, – попросила Шурочка.

– Но она длинная! – говорю я с сомнением.

– Ничего, – отвечает, – я не тороплюсь, пой! Мне нужно Юлию Дмитриевну дождаться.

– А петь с выражением? – спросила я.

– Ну, конечно же, с выражением, Милочка! С самым настоящим выражением!

Я начала: «Они стояли на корабле, у борта. Он перед ней с протянутой рукой. На ней был белый шелк, на нем – бушлат потертый, он говорил с тревогой и мольбой...». Любви в песне не получилось, окончание было ужасным: «... и бросил леди он в бушующий простор! А море бурное ревел и стонало, на скалы с грохотом летел за валом вал! Как будто море жертвы ожидало. Стальной гигант качался и дрожал!».

Я допела. Шурочка поинтересовалась, кто же выучил меня такой интересной песне. Отвечаю, что ее пели в своей палате девочки из первого отряда, я слышала несколько раз и заучила.

– А в каком отряде была ты?

– В третьем, в самом младшем.

Тут пришла мама, и я убежала: девчонки уже не раз кричали – выходить.

Через какое-то время у нас были гости – на папин день рождения. Была и Шурочка. Когда все вместе спели «Из страны, страны далекой», «Вечерний звон» и «Быстры, как волны, все дни нашей жизни», а мама спела романсы, Шурочка говорит: «А пусть-ка нам Милочка споет песню – про море бурное». Все удивились: никто не знал такой песни. Я смущалась, но с удовольствием запела. Меня хвалили и смеялись – вот так пионерская песня! Шурочка рассказала, как узнала эту песню она.

С тех пор в нашем семейном репертуаре был и мой номер. Кто-нибудь всегда говорил: «Ну, Мила, давай твою – пионерскую». Голос у меня слабоват, не пионерский, скорее, это походило на мелодекламацию. Но каким украшением был папин аккомпанемент! Его гитара, действительно, мощно и зримо воспроизводила и бурное море, и грохот его валов, в котором тонули последние слова песни: «... и выбросило труп в пре-красном шелке на каменный гранит прибрежных скал!».

Тетя Соня

«До встречи, до встречи, до полной Победы...»

Женщины нашего двора считали ее чудаковатой, а я очень любила. Сначала за необыкновенную дочь, а потом...

Дочке тети Сони шел восемнадцатый год. Имя ее было красивым и тогда редким – Виктория. В сороковые годы люди, в основном, выглядели серо: в телогрейках, в неярких платьях. Вика всегда была в светлом. Волосы пышные, темные с золотистым отливом. Лицо бледное, но с постоянным нежным румянцем. Глаза огромные и яркие, сами карие, а белки как снег, и чуть с голубоватым отливом. Черные длинные ресницы красиво загнуты. Брови – две тоненькие веточки. Если мы встречались глазами, всегда казалось, будто она спрашивает: «Как удивительно хорошо сегодня, правда?». Я мысленно отвечала: «Да, да, очень!». Но говорили мы редко, и даже не припомню о чем. Ужасно нравилось просто видеть ее. Я знала, когда они с матерью проходили мимо нашего двора, поджидала у окна, а то и выбегала за ворота поздороваться. Смотрела им вслед, пока не исчезали: прямая, твердо, гордо ступающая мать и тоненькая, будто летящая, дочка. Запомнились красный узкий поясик Вики и косы, пересекавшие его двумя живыми ручейками.

Мы жили на улице Свердлова, там, где сейчас строится музейный комплекс, напротив гостиницы «Прометей». Они – в больнице, где тетя Соня работала, в самом большом и красивом здании ближайшей округи. Адрес так и значился: Больничный переулочек, 1. Теперь такого переулочка нет, а самый высокий дом нашего детства затерялся, став вдруг самым маленьким среди кирпичных громад современности. Но, слава Богу, сохранен. Как и прежде, белеет: в те давние времена – величаво, сейчас – трогательно. В нем – дорогая аптека. Новый адрес его – Елецкая, 1.

Весной 1946 года Вика умерла от туберкулеза. Нас впервые пустили в больницу – проститься. Она лежала посреди комнаты, как спящая царевна: поверх кружевного покрывала текли косы, на груди лежали две атласные розы цвета ее бывшего румянца.

Осиротев, тетя Соня как будто уменьшилась. Враз поседевшую голову навсегда покрыл черный гипюровый шарф. Не в силах оставаться в той комнате, она стала ночевать у кого-нибудь из знакомых. Мама предложила ей пожить «до лучших времен» в нашем кухонном закутке, что образовался благодаря перегородке между окном и углом русской печки. Поместились кровать, стол и стул. С занавеской на окне стало даже уютно.

Без Вики жизнь тети Сони заключалась в работе и... кино. Она ничего себе не готовила. Покупала только хлеб и молоко. Ела мимоходом и ежевечерне ходила в кино. Часто на два сеанса сразу. Об увиденном никогда ни с кем не говорила. Да и видела ли что там?! Воскресенье проводила на кладбище, непременно одна и в любую погоду.

Кинотеатров в городе было три: «Темп» – там, где он находился до недавнего времени, на углу улиц Республики и Дзержинского, «ВЛКСМ» (имени Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи) – здесь же, только на втором этаже, и «Победа» – красивое старинное деревянное, очень просторное здание с большим мезонином. Оно стояло в створе улиц Свердлова и Пристанской, у Масловского взвоза.

Изредка, и это было величайшим событием, тетя Соня брала с собой в кино меня. Особенно запомнились три фильма, из трофейных. Первым был «Грезы» – о жизни немецкого композитора Роберта Шумана. Содержание и музыка ошеломили: непередаваемые радость и печаль одновременно переполняли меня! Вторым – «Принц и нищий» – тоже замечательный, но по-другому. Третий – «Весенние дни»! Восторг от того, что увидела и услышала, был беспределен: красота актрисы Джанет Макдональд, игравшей оперную певицу, ее голос, романтические, благородные отношения между героями, множество прекрасных мелодий! Я (уже одна) посмотрела фильм трижды и собиралась еще, но мама, разоблачив «нецелевую» трату денег, что давались на школьные обеды, наложила запрет, и очередной сеанс состоялся без меня.

С тетей Соней мы расстались, когда к ней приехала родная сестра. Они совсем не были похожи. Хозяйка до мозга костей, голубоглазая, светло-волосая, глубоко верующая и тоже одинокая, тетя Маруся совершенно изменила жизнь старшей сестры. Вскоре после приезда она очень удивила меня и обрадовала, устроив необычное угощение. «Завтра Пасха, – сказала она, – я иду ко Всенощной, дождешься, будем разговляться». Слова непонятные и загадочные! Повязав голову праздничным белым платком, тетя Маруся ушла, а мы остались дома. Я что-то читала вслух тете Соне, но все ожидала чего-то необычайного, и оно действительно произошло. Возвратилась тетя Маруся очень поздно, радостная и просветленная. У нас уже второй раз закипал самовар. На столе из развязанного узелка появились разноцветные яйца и красивый, круглый, высокий, белый, в разноцветных пылинках, хлеб! Увидев крайнее мое изумление (в послевоенное время и простой хлеб еще был для нас лакомством), она сказала: «Это кулич. Христос Воскресе!» – и трижды поцеловала меня. Никогда в жизни не было все это вкуснее, чем в ту, первую в моей жизни, Пасхальную ночь!

Вскоре сестры купили домик на Заозерной улице. Хозяйский талант тети Маруси развернулся в полную силу. Тетя Соня во всем ей подчинялась, в кино ходила реже: из Зареки не наеддишься, на лодке переправляться надо было. Я иногда навещала их. Принимали очень радушно, угощали картошкой, капустой, огурчиками, выращенными на своем огороде. Оставляли ночевать, и тогда вечером все вместе мы слушали по радио «Театр у микрофона». Какая чудесная передача была! «Старуха Изергиль», «Поддубинские частушки», «Маленький принц» и еще многое – все в исполнении великих русских артистов, с прекрасным музыкальным сопровождением!

В последний раз вместе мы были в «Победе». Шла светлая, радостная, «наша» картина «В шесть часов вечера после войны». Играли любимые артисты – Марина Ладынина и Евгений Самойлов. Помню, вышли на улицу, день светлый-светлый! Я проводила тетю Соню до перевоза, помахала ей рукой, когда лодка отчалила от берега, и пошла к себе, «на Свердлова».

На всю жизнь осталась во мне бесконечная благодарность к этой необычной женщине. В какие счастливые мгновения ранней моей юности обратилось ее горестное пристрастие к кино! Поистине – «Нам не дано предугадать...»

Краеведение

Сибирские страницы военной истории

Тюмень в 1941-1945 гг. Вклад в Победу

Все для фронта, все для Победы

Историческая справка

В г. Тюмени были сформированы:

– 368-я стрелковая дивизия. 1941 г.

Карельский фронт. Оборона Оштинского рубежа по левому берегу реки Ошта между озерами Онежским и Ладожским. Освобождение Карелии, заполярного порта Петсамо (Печенга), норвежского города Киркенеса.

– 175-я стрелковая дивизия. 1942г.

Юго-Западный фронт в составе 28 армии. Бои на Харьковском направлении.

– 9-я и 10-я гвардейские истребительно-противотанковые артиллерийские бригады РГК (Резерв Главкомандования).

В г. Тюмени доформировались:

– 30-я истребительно-противотанковая бригада РГК.

Дислоцировались:

– Тюменское военно-пехотное училище.

– 2-е Тюменское военно-пехотное училище.

– Таллинское военно-пехотное училище.

За годы Великой Отечественной войны эти училища выпустили около 12 тысяч офицеров и до 20 тысяч курсантов, маршевыми ротами были направлены: в октябре-ноябре 1941 г. – на защиту Москвы, в январе-феврале 1942 г. – под Ржев, в феврале-марте 1943 г. – на Харьковское направление.

Разместились эвакуированные предприятия и организации:

– «Красный экскаватор» – из Киева, в августе-сентябре 1941 г., влился в завод «Механик» (с 28 марта 1942 года завод «Механик» официально стал именоваться «Завод № 762 Наркомата минометного вооружения»).

– Завод № 532 (цех по строительству торпедных катеров) – из Керчи, в августе-декабре 1941 г. влился в Тюменскую судовой верфь (судостроительный завод № 639). На декабрь 1941 г. тюменский завод № 639 был «единственной базой постройки торпедных катеров для ВМФ».

– Завод строительных механизмов имени 10-летия Октября – из Одессы, в 1941г., на площадке завода «Механик» (ныне Станкостроительный завод).

– Завод № 341 (цех по строительству торпедных катеров) – из Рыбинска, в августе – декабре 1941 г.

– Завод имени Коминтерна (цех № 7) – из Херсона, в августе – декабре 1941 г.

– Завод № 445 – из Москвы, в августе-декабре 1941 г.

– Завод № 363 – из Ленинграда, в августе-декабре 1941 г.

– Завод № 194 (цех катеростроения) – передан Тюменской судовой верфи по постановлению ГКО № 473 от 13.08.41.

– Камыш-Бурунский завод – из Крымской АССР. Передан Тюменской судовой верфи по решению Омского¹ облисполкома от 15.10.41.

– Мотоциклетный завод № 65 – из Таганрога, в ноябре-декабре 1941 г. Выехал из Тюмени в феврале 1944 г.

¹ Тюменская область образована 14 августа 1944 г. Ранее территория Тюменского края входила в состав Омской области.

- Завод мотоциклетных моторов – из Москвы. Мотоциклетный завод № 65.
- Мотоциклетный завод – из Серпухова. Мотоциклетный завод № 65.
- Завод № 241 НК авиационной промышленности – из Раменского Московской области. В ноябре 1941 г. базировался в молочном и мясном павильонах тюменского городского рынка. Выехал из Тюмени в сентябре 1942 г.
- Химико-фармацевтический завод имени Карпова – из Москвы, в декабре 1941 г. – завод № 39. (Тюменский химико-фармацевтический завод).
- Завод № 636 (в настоящее время завод Пластмасс) – в цехах водочного завода.
- Аккумуляторный завод – из Подольска, в ноябре 1941 г, в артели «Рекорд», (ныне Тюменский аккумуляторный завод).
- Гальвано-технический завод НК местпрома – из Киева, в ноябре 1941 г.
- Завод «Цепи Галля» – из Киева, в ноябре-декабре 1941 г.
- Кожевенный завод имени Серегина – из Кунцево Московской области, в декабре 1941 г.
- Протезный завод – из Киева, в декабре 1941 г. Выехал из Тюмени после освобождения Киева.
- Завод текстильного машиностроения НК легкой промышленности РСФСР – из Курска, в 1941 г.
- Завод АТЭ-2 – из Москвы, в декабре 1941 г.
- Электротехнический – из Ленинграда, в апреле-мае 1942 г. Вошел в состав завода АТЭ-2.
- Завод мотоэлектророборудования – из Калуги, в апреле-мае 1942 г. Вошел в состав завода АТЭ-2.
- Карбюраторный завод имени Куйбышева – из Ленинграда, в августе 1942 г.
- Завод № 94 НК химической промышленности – из Москвы, в октябре-декабре 1941 г. – завод № 636.
- Экскаваторный завод – из Дмитрова Московской области, в ноябре-декабре 1941 г. С октября 1942 г. – завод № 769.
- Завод № 14 – из Калуги, в конце 1941 г.
- Завод № 587 – выехал из Тюмени в феврале 1942 г. на ст. Юрга Томской ж.д.
- Завод № 210 – в сентябре 1941 г.
- Центральный Совет Осоавиахима.
- Наркомат мясомолочной промышленности.
- Украинский психоневрологический институт.
- Кубанский медицинский институт и др. организации.

Тюменские предприятия, артели промсоюза и коопинсоюза изготовляли и отправляли на фронт:

- Лыжи, обозы, валенки, полушубки, рукавицы, гимнастерки, бекешы, патронташи и другое обмундирование для фронта выпускали несколько тюменских предприятий: овчинно-шубный завод имени Кирова, текстильная фабрика имени Челюскинцев, швейная и сапоговаляльная фабрики, обозостроительный завод.
- Продукты питания: мука, макароны, лапша. Сливочное масло. Пряники и конфеты «подушечки» (артель «Пищевкусобъединение», находилась на улице Челюскинцев).
- 211 минометов калибра 82 мм и 120 мм (станкостроительный завод, «Механик»).
- 165 торпедных катеров: 134 – типа «Г-5» и 31 – типа «123 бис» («Комсомолец»). Во время Великой Отечественной войны тюменские катера выполняли боевые задания на Черном и Балтийском морях, на Тихом океане. По мнению вице-адмирала А.В. Кузьмина, команда бригады торпедных катеров Балтийского флота в 1941-1945 гг. «данный тип торпедного катера (т.е. «Комсомолец») является лучшим типом ТКА прибрежного действия».
- Мотоциклы: завод № 65, созданный по решению Совета по эвакуации от 10 октября 1941 г. из слияния Таганрогского, Московского и Серпуховского мото-

циклетных заводов на территории Тюменского пивоваренного завода. В 1942 г. завод выпустил 187 мотоциклов АМ-600, в 1943 г. – 427. Тюменскими мотоциклами оснащались мотоциклетные роты танковых и механизированных бригад 2-й и 3-й гвардейских танковых армий генералов С.И. Богданова и П.С. Рыбалко.

– 86 десантных планеров типа «А-7» конструкции О.К. Антонова – завод № 241, созданный на базе оборудования одноименного завода и ОКБ № 31 Тушинского завода авиационной промышленности. Тюменскими планерами были оснащены два авиадесантных полка: пилоты-планеристы совершали на них боевые вылеты в район Сталинграда, доставляя вооружение, боеприпасы и продовольствие; широко применялись во время десантных операций под Ржевом, парили над водами Днепра во время форсирования. – Первый и единственный в СССР образец крылатого танка КТ-60 («Крылья танка»). Создан также на заводе № 241. Испытательный полет состоялся на территории аэропорта «Плеханово».

– Электроаппаратура для автомобилей, танков, тракторов, мотоциклов и самолетов.

– Медицинские препараты: йод, соли кофеина, хлористый натрий (для физиологических растворов), сернокислый барий, сулема. Тюменцы полностью выполнили заказы санитарных управлений армии, флота, НКВД. Химфармзавод № 39 (до Великой Отечественной войны – Московский химико-фармацевтический имени Карпова) был размещен в помещении Тюменской мебельной фабрики «Победа».

– Авиафанера, дельта-древесина для производства самолетов ЛАГГ-3, ЯК-3, а позднее и для ЛА-5 и ЛА-7 (в годы Великой Отечественной войны – Тюменский авиафанерный комбинат № 15 НКАП, с марта 1946 г. – Тюменский фанерный комбинат Минлесхоза).

– Корпуса фугасных мин: осенью 1942 г. в адрес Тюменского авиафанерного комбината № 15 поступил срочный заказ. На помощь взрослым пришли школьники. 28 октября ученики тюменской школы № 23 Борис Ильинский, Юра Мотовилов и другие обратились с призывом к своим сверстникам: «Наши отцы и братья героически сражаются на фронте, бьют фашистов. Мы организовали бригаду и решили в свободное время работать на заводе (т.е. на комбинате). Мы работаем для фронта!». Вскоре во фронтовой бригаде юных патриотов работали 42 человека, а 5 пионеров выполняли дневную норму взрослого рабочего.

Последний залп тюменских мин был произведен в день безоговорочной капитуляции Японии.

– Смолы: бакелитовая и формальдегидная, необходимые для пропитки бронекорпусов танков и фюзеляжей самолетов. Бессменный во время Великой Отечественной войны директор завода № 636 (ныне Тюменский завод пластмасс) Георгий Ахалая первый из гражданских лиц получил боевой орден Красной Звезды.

– Поезд-баня – построен тюменским отделением железной дороги за 25 дней января 1942 г. На его строительство тюменцами было собрано 177 644 рубля. 6 февраля 1942 г. поезд на фронт повел машинист Илья Тимофеевич Садаков (награжден орденом Ленина, ему присвоено звание «Почетный железнодорожник»). Боевой путь поезда: Тюмень-Москва-Тула-Сталинград-Брянск-Брест-Минск-Прага-Варшава-Берлин. В ноябре 1945 г. состав прибыл в Москву и был расформирован.

Тыловая Тюмень стала центром восстановления здоровья раненых бойцов и командиров – в городе были дислоцированы 15 госпиталей, после слияния работали 14 госпиталей:

– № 1498 – с июня 1941 г.

– № 1499 – с июня 1941 г. Влит в госпиталь №1500.

– № 1500 – с июня 1941 г. по март 1943 г. Передислоцирован в г. Рыбинск.

– № 2475 – с августа 1941 г. по ноябрь 1944 г. Передислоцирован в г. Клинцы.

- № 3318 – с августа 1941 г. по август 1945 г.
- № 3330 – с октября 1941 г. по март 1943 г.
- № 3336 – с октября 1941 г.
- № 3344 – из Харькова, с октября 1941 г.
- № 3346 – из Харькова, с октября 1941 г.
- № 3352 – с октября 1941 г. по апрель 1944 г.
- № 3370 ---
- № 407 – сортировочный.
- № 3518 ---
- № 3570 – с 1941 г.
- № 1787 ---

(По документам ГАОПОТО, ГАТО и Музея истории здравоохранения)

Благодаря усилиям врачей и медперсонала тюменских госпиталей 65% раненых возвращались в строй.

- Только в городе Тюмени разместили более 6 тысяч семей эвакуированных из европейской части СССР.
- Тюмень приняла и помогла выжить детям-сиротам из блокадного Ленинграда и большого количества детских домов.

В Тюмени, в здании сельхозтехникума (ныне – сельхозакадемия), в обстановке строгой секретности с июля 1941 г. по 24 марта 1945 г. находился саркофаг с телом В.И. Ленина.

Список боевой техники, на которую тюменцы, в том числе жители города Тюмени, внесли средства в 1941-1945 гг:

- **Танковые колонны:** «Омский комсомолец», «Омский колхозник», «Омский тракторист», «Омский связист», «Омский физкультурник», «Омский патриот», «Малютка», «Боевые подруги», «Тоболяк», «Комсомол Урала», имени Потребкооперации, «Госбанковец СССР», «Прокурор – фронту», «Народный учитель».
- Танки: «Сорокинский мопровец», «Вагайский путеец», «Рабочий Вагайского совхоза», «Омутинский патриот».
- **Авиаэскадрильи:** «Омский комсомолец», «Омский осовавиахимовец», «Тюменский комсомолец», «Тюменцы – фронту», «Фанерщик», «Самаровский колхозник», санитарная эскадрилья.
- **Самолеты:** «Тоболяк», «Ямальский комсомолец», «Тюменский мопровец», «Вагайский путеец».
- **Поезда:** бронепоезд «Патриот», бронепоезд имени Мопра, поезд-баня.
- **Катера:** звено боевых катеров «Тюменский рабочий», «Тюменский пионер».
- **Подводная лодка** «Водник Сибири».

Документы ГАОПОТО.

Практически невозможно выделить вклад жителей города Тюмени из общего количества материальной помощи тюменцев фронту в 1941-1945 гг:

- 100 млн. рублей – в фонд обороны, Красной Армии, Верховного Главнокомандования,
- 20 млн. рублей – на строительство вооружений,
- 500 млн. рублей – на реализацию военных займов и билетов денежно-вещевой лотереи.

Итого – 620 млн. руб.

- 220 тысяч теплых вещей для воинов,
- свыше 100 тысяч посылок на фронт.

Ольга Данилова-Пушкарь
Член Союза писателей России

Дороги фронтовые

С Иваном Арсентьевичем Афанасьевым я познакомилась несколько лет назад, когда меня пригласили в библиотеку-филиал № 9 г. Тюмени почитать свои стихи перед читателями и членами литературного клуба библиотеки.

Оказалось, что Иван Арсентьевич, ветеран Великой Отечественной войны, полковник военной службы в отставке, тоже пишет стихи. Более того, на настоящий момент он издал уже семь поэтических книг и сейчас готовит к выходу восьмую. Впоследствии я еще не раз встречалась с ним на различных городских общественных и литературных мероприятиях, где он всегда радовал своей военной выправкой, статью, не по годам молоджавостью и глубиной, цельностью и настоящей патриотичностью личности. Накануне праздника победы в Великой Отечественной войне мне захотелось встретиться с этим поистине замечательным человеком, послушать его стихи, рассказы о себе, военные мемуары, прикоснуться к роднику нравственности и отдать дань огромной признательности героической жизни, подвигу, подарившему нам мир и свободу.

Иван Арсентьевич родился в 1924 году недалеко от Богандинки, за 50 км. от Тюмени. Остались в памяти детские воспоминания, когда Ваня 6-летним мальчиком с отцом приезжал на телеге в Тюмень в крестьянский дом, который находился тогда недалеко от водонапорной башни, служившей основным ориентиром в городе. Улицы были мощеные досками, на месте, где сейчас находится областная научная библиотека, был обширный пустырь. Дедушка Ивана был неграмотным, но приглянулся генералу царской армии, и он взял его к себе работать денщиком. Дед прослужил 10 лет и был обучен грамоте женой и дочками генерала. Особенно хорошо он читал, и впоследствии получал с сыном Арсентием газету «Известия».

– Дедушка приехал в Тюменскую область в 1907 году, когда папе было 7 лет, – вспоминал Иван Арсентьевич. – Отец лет с 12 работал на железной дороге, помогая старшему брату Тарасу, погибшему в 1914 году фельдфебелем. Помню, когда мне было 12 лет, дедушка уже плохо видел, я увидел, как он возле амбара перебирал свои позеленевшие награды: две медали и два креста, которыми он был за Шипку награжден». «Дедушка, дай поддержать!» – «Не говори, нельзя!» – отозвался дедушка. Это такое время было, когда дедушка приехал в период столыпинской реформы в Сибирь, они пять лет получали льготу, построили дом, скорее, избушку, землянку, где я затем и родился.

В крестьянской семье Афанасьевых имелось четыре лошади, и поэтому она считалась середнячком, но работали они сами, не используя ба траков. А соседи имели одну лошадь, но использовали наемный труд, и по этой причине были раскулачены. Отец Вани воевал в свое время против Колчака, был председателем сельсовета, любил охоту, а в 42-м году, когда ему самому было 42 года, ушел добровольно на фронт, тайно от жены, чтобы ее не волновать. Провожал его Иван из Тюмени, где отец ему сказал: «Не говори маме, я вернусь, сам все объясню». Но, к сожалению, не вернулся, на отца была получена похоронка, а меньше чем через полгода на фронт ушел и Иван, тогда ему было уже 18 лет, и до войны он уже работал в своей деревне Марай бригадиром.

Из военных воспоминаний одними из самых ярких остались в памяти ветерана два рукопашных боя, в которых ему приходилось участвовать. 12 января 1945 года началось генеральное наступление, и тут Иван Арсентьевич Афанасьев по-настоящему узнал, что такое война: «В такие пекла попадал, что почти не понимал, где ты находишься, особенно в рукопашной схватке». Рукопашный бой применялся тогда, когда стрелять нельзя было, чтобы своих не задеть. Если есть штыки на винтовках – штыками, а там были автоматы, и дрались прикладами. Старшина Семен Грабчук, о котором у моего героя остались самые теплые воспоминания, сломал, споткнувшись, приклад, забросил на плечо автомат и продолжал биться маленькой саперной лопатой. Об этом есть стихи у Ивана Арсентьевича: «И дружно батальон поднялся, подобно вихрю, напролом, и рукопашный бой начался – повсюду крики, стоны, гром!». А еще одним из самых страшных моментов войны оказалась жуткая смерть его друга Михаила Якимова, с которым учились вместе в снайперской школе в Камышлове, вместе прибыли после ее окончания на пополнение в стрелковую роту 69-й мотобригады 3-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. Иван Афанасьев был назначен командиром отделения, как и сержант Семен Григорье-

вич Грабчук, парторг роты. С Михаилом Иван договорился – запомнить адреса друг друга (Миша был из Пермской области).

– Как-то мы залегли, нас обстреляли, и никуда нельзя было повернуться, пули везде свистели над головой, еще из гранатометов стреляли, и Мише мина попала прямо на спину, – рассказывал Иван Арсентьевич. – Разбросало, и нечего хоронить... Как мне написать родителям?.. Я сам уже поправился в госпитале, гипс сняли, стало легче. Стал советоваться с ребятами. Только не пиши, говорят, что его мина разорвала, это очень тяжело будет перенести родителям. И я написал, что он геройски погиб, и мы похоронили нашего боевого товарища Михаила Якимова. А хоронить-то было нечего. Это был очень печальный случай в моей жизни...

Вспоминал ветеран, как Семен Григорьевич, бывший колхозный бригадир, простой и доброжелательный, учил молодых, необстрелянных ребят определять по звуку, откуда летит пуля, запомнил и начальника снайперской школы, с протезом вместо правой руки, полковника Грязнова, который, отправляя их на фронт, сказал напутственные слова, ставшие для Ивана Арсентьевича девизом всей жизни: «Комсомольцы, я знаю, вам придется быть в боях, в огне, в пороховом дыму, но Родину и жизнь, и честь не отдавайте никому!».

– Не знаю, – задумчиво говорит мой герой, – может быть, эти слова еще со времен наполеоновской войны...

Иван Афанасьев 80 км. не дошел до Берлина: уже за Одером, на польской стороне, в конце февраля 1945 года получил ранение в обе ноги и после госпиталя был комиссован. После войны, вернувшись в родную деревню, с горечью обнаружил, что его живописного села нет в помине: весь лес поблизости и возле школы был вырублен. Это было следствием бесхозяйного недомыслия руководства: в 4 км от деревни была масса леса, который можно было использовать. Расстроенный такой грустной метаморфозой 20-летний Иван не согласился остаться в своей неузнаваемой деревне Марай. Даже мама Анна Парфеновна не смогла уговорить, и он уехал в Тюмень. Там он попал в пожарную часть, где майор Скрипко предложил ему учиться вместе с фронтовым товарищем Сысоевым из Винзилей. Через полтора года он окончил 8 и 9 классы, ранее окончить которые помешала война, окончил омскую пожарно-техническую школу и в 1948 году стал работать пожарным инспектором. В это время Иван Арсентьевич уже был женат, и супруга Мария должна была родить сына Сережу. Жену Иван встретил еще до войны в деревне Червишево, куда его послали за горючим

для своей деревни. Иван Арсентьевич вспомнил, что, когда он ухаживал за своей будущей женой, уже в Тюмени, они часто ходили на танцы. После войны особенно хотелось праздника. Везде играли духовые оркестры: и в саду Шверника, и в Загородном саду, несмотря на то, что прихрамывал, он много танцевал.

Пожарной службе Иван Арсентьевич Афанасьев отдал 40 лет, прошел путь от инспектора до начальника, но даже будучи руководителем, непосредственно участвовал в тушении пожаров.

– А как же, мои подчиненные будут бороться со стихией, а я буду стоять в стороне? – спросил меня Афанасьев.

И он, действительно, – настоящий защитник, герой, в военные годы сражался с огнем врага, защищая Родину, а в мирное время 40 лет боролся с огнем пожарищ, спасая жизни людей, их дома, имущество, тоже, в конечном счете, спасая Родину, страну, город, людей. Он все время – на передовой. Выступая сейчас в школах, перед студентами, делится с молодым поколением бесценным опытом героической жизни, нравственного урока. Вспоминает о решениях снайперских задач, где, например, важны: закон отклонения пули вправо на каждые 100 м – 2 см, поправки на ветер, температуру и т.д., он советует молодым осваивать знания, подчеркивая их необыкновенную важность во всем.

Интересно, что свои первые поэтические пробы он начал на войне, помогал бойцам писать девушкам и родным письма. Изданием книг занялся в мирное время, уже после выхода на пенсию, когда накопился обширный жизненный багаж и появилось больше свободного времени. Названия книг говорят сами за себя: «За прошлое не стыдно», «Своя правда», «Со всеми вместе», «Чувство Родины» и т.д. Большая часть стихов – пронзительные, конечно же, на военную тему. Иван Арсентьевич – патриот, настоящий гражданин, у него болит душа за все, что происходит сейчас в стране, об этом он пишет, говорит. Он прочитал мне стихотворение «Крепись, Россия!»: «О, ты земля, была войной объята! А сколько шрамов на тебе! И неизвестного солдата пришлось укрыть в самой себе...», где поднял и проблемы современного общества. Есть раздел, который он озаглавил «Немного о пожарных», куда входят 20 стихов о службе в пожарной части. О чем вообще стихи ветерана? О проблемах общества, детстве, крестьянском труде, природе, Родине, о долге, чести, совести, доброте. Но большинство стихов, конечно, о войне. Ведь он, по-прежнему, – солдат, верен присяге.

Иван Афанасьев

Ветеран Великой Отечественной войны

В суровый час

*В суровый и досрочный час
Мы в строй солдат вставали.
Не жены целовали нас,
А пули целовали.*

*Мы рисковали головой –
Лихое поколение.
Мы были цепью боевой,
Идущей в наступление.*

*Не досыпали по ночам,
Кто был на фронте – знает.
По нашим сомкнутым плечам
История шагает.*

*О трудностях речь не вели,
Нелегкой шли дорогой.
В боях Победу обрели,
Но полегло нас много.*

*Друзей: сержантов, рядовых,
Мне все труднее встретить!
Ушедших больше, чем живых,
Осталось на планете..*

Во имя жизни

*У стен Москвы и Сандомира,
За Вислой, Одером, под Прагой,
Солдаты, зная цену мира,
За прочный мир дрались с отвагой.
Они могли погибнуть – знали,
Но поклялись стране недаром,
Прогнать врага. Сурово гнали!
Терпел удар враг за ударом.
В боях солдаты не сгибались,
Крепя порядки боевые,
Кровь проливали, погибали,
К Берлину двигались живые.
Живых и павших поименно,
Героев помнит Мать-Отчизна.
В боях армейские знамена
Прославлены во имя жизни.*

На Берлин

*Память горькая мне свята.
С автоматом, с вещмешком,
Я сержантом в сорок пятом
На Берлин шагал пешком.
И – на танках, в непогоду,
Телом прикрывал броню.
Обойдя и Львов, и Броды,
Битвы в памяти храню.
Вижу: рядом пули-шмели,
Искры сыплют из брони.
Дыр не счесть уж на шинели,
Что же жизнь мою хранит?
В безрассудстве толку мало,
Пуля-дура, разберись!
Не отмоешь кровью алой,
Если ей подставишь жизнь!
Приходилось: полз и ездил
Днем и ночью в тот январь.
Поучаствовал в возмездье,
Превозмог и дым, и гарь.
Полагался на сноровку,
На содружество бойцов,
На друзей бесстрашных, ловких,
На безусых молодцов.*

Подвиг бессмертен

*Был век недавно на исходе,
Был и ушел двадцатый век.
Но так устроено в природе,
В делах бессмертен человек.*

*Бессмертны стали все солдаты,
Что насмерть бились под Москвой.
Запомнятся года и даты
И подвиг беспримерный твой.*

*В веках бессмертным тот остался,
Кто лег костями за Сталинград,
Сполна с врагами рассчитался,
Не получив своих наград.*

*Не будет никогда забыта
Пора героических грозных лет,
Когда земля была изрыта –
Война оставила свой след.*

*Народ грядущих поколений
Перенесет из века в век,
Геройский подвиг – без сомнений,
Какой свершил наш Человек.*

Краеведение

Слово -
юным
краоведам

Андрей Тюстин

Ученик 9-в класса школы № 39 с углубленным изучением краеведения, г. Тюмень, участник научно-практической конференции «Шаг в будущее -2011»

Герои войны – мои земляки

(Научный руководитель – З.Д. Абдразакова, учитель истории)

Введение

О Великой Отечественной войне написано немало трудов и книг. Сотни писателей, бардов, кинематографистов сделали себе имена на этой теме. И неудивительно, так как за последние полвека вряд ли можно вспомнить в жизни страны событие, повлекшее за собой поистине всеобщую бурю чувств и страстей. Советские люди, быть может, в первый и последний раз за всю историю СССР так ясно представляли реально достижимое «светлое будущее» – не социализм, коммунизм или капитализм, а Победу. По утверждению многих, война была единственным временем, когда все достойные люди в нашей стране сплотились.

Современные историки, как и большинство российских граждан, искренно желают, чтобы Отечественная война 1941-1945 годов была последней, 9 мая –, по-прежнему, великим праздником Победы, а войны России были бы только делом исследований.

Сегодня трудно представить, как после провала начала лета и осени 1941 года советский народ смог выдержать страшный удар. Устоять и не согнуться. В результате роковых просчетов Сталина, ошибочной оценки им военно-стратегической ситуации накануне войны и преступлений предвоенных лет, когда была уничтожена большая часть среднего и высшего командного состава, Советское государство было поставлено на грань катастрофы. Когда на 6-й день войны немецкие войска вышли к Минску, Сталина это повергло в психологический шок. Он оказался не готов к тому, что события развивались, не считаясь с его волей. Но в народной толще нашлись глубинные духовные и физические силы, позволившие устоять в неимоверно тяжелой ситуации. И не только устоять, но и, перенеся катастрофические неудачи лета 1942 года, вырвать стратегическую инициативу у вермахта на Волге и не уступать ее уже до конца войны.

Великая Отечественная война для народа – не просто история. Это конкретное, бесценное духовное достояние, которое не стареет, не становится обыденным. В стране сегодня немного осталось тех, кто принес нам бесценную Победу, но мы видим, что в современной России не ослабевает, а растет интерес к крупномасштабной эпопее войны, ее отдельным страницам, датам, событиям, судьбам

людей, и это объясняется огромным желанием народа уйти от состояния полуправды. Этим же продиктован и огромный неостывающий интерес большинства российских граждан к военным мемуарам советских военачальников, к воспоминаниям простых участников войны. Разумный мир России никогда не перестанет поражаться духовной мощи советского народа, которая была им проявлена в Великой Отечественной войне, и будет чтить память о ней.

С рокового 1941 года советский народ нелегко шел к победе, источником которой стали его патриотизм, несгибаемое мужество и вера в Победу. «Когда мне было 14, моих родителей репрессировали, – вспоминает актер Е. Весник. – Я страдал, но, когда началась война, почувствовал: то, что происходит, по значимости для страны выше всех обид и ее ошибок. Это прозрение не позволило стать мне негодяем, ни удрать, ни прострелить руку или ногу, чтобы уйти в тыл, а такое встречается на фронте довольно часто. И когда политруки призывали нас, находившихся на передовой, «на передке», как мы тогда говорили: «За Родину! За Сталина!», а сами уходили в тыл, мы, ненавидя этих политруков, все же шли в бой. Я не припомню, чтобы кто-нибудь из солдат кричал такое. Это говорили политруки. В фильмах, например, часто можно увидеть: «Ура! В атаку! За Родину!», – и солдаты выскочили из окопов. Но это против здравого смысла! Их всех в одну минуту скосило бы. Нас двигала вперед не внешняя показуха, а внутреннее чувство. «За Родину» жило в душе. Я мог убит за нее, мог погибнуть. Я шел в атаку за любимую страну, которую не хотелось дать в обиду, за влюбленность в родителей. А говорить перед смертью «погибаю за Родину» – так никто не делал, поверьте».

К сожалению, подрастающее поколение России историю Великой Отечественной войны, как, впрочем, и остальную историю Отечества, знает плохо. Воспитание гражданской позиции невозможно без знания истории своей страны и уважения к ней. «Дать образование и не внушить моральных принципов – значит воспитать еще одну угрозу обществу», – говорил американский президент Т. Рузвельт.

«Когда народ плохо знает историю, он может пойти за любыми популистскими лозунгами и натворить много бед, такой народ лишается морали и совести», – утверждает О.В. Шилова, доцент Дальнегорского индустриально-экономического института. Назначение человека состоит не только в удовлетворении потребностей живого организма, он должен осознавать, кто он в этом мире, что представляет собой его страна. Пренебрежение историческими знаниями приводит к печальным последствиям. Потеря исторической памяти грозит вымиранием нации, и это хорошо осознавали советские люди в годы Великой Отечественной войны. Неужели нам, гражданам обновленной России, нужно оказаться на краю пропасти, чтобы вспомнить историю и осознать ее важность? Можно предположить, что нынешние молодые люди, кощунственно отвечающие на вопрос о великом танковом сражении Великой Отечественной войны – «проходило в деревне Простоквашино», – являются потенциальными руководителями государства. Как они будут руководить страной, если не знают историю и не хотят ее знать?

Цель работы – показать интернациональный характер Победы в ВОВ.

Задачи:

- изучить и проанализировать источники информации по теме,
- соотнести основные события ВОВ и участие в них тюменцев.

Предмет – события ВОВ.

Объект – герои ВОВ – уроженцы Тюменской области.

Сибиряки на фронтах ВОВ

Великая Отечественная война – трагедия народа нашей страны, потерявшего в ней миллионы человеческих жизней. Это время жертв, лишений, скорби, доблести воинов, самоотверженного труда в тылу. С течением времени события войны 1941-1945 гг. не тускнеют в памяти народа. Память о событиях войны, о погибших хранится в архивных документах, музейных материалах и передается новым поколениям.

Известие о войне пришло в Тюмень во второй половине дня 22 июня 1941 года. На бывшей Базарной площади (ныне Центральной) состоялся митинг. На нем присутствовало 20 тысяч человек. На следующий день в газетах появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации. В военкоматы пришли тысячи добровольцев. За первый день войны только тюменцами было подано около 500 заявлений с просьбой отправить их на фронт. Добровольцы писали: «Я готов отдать жизнь за то, чтобы грязный фашистский сапог не топтал священную землю моей Родины». Позже жители края стали писать: «Желая помочь фронту и четырем братьям, находящимся на фронте, в дни, когда наша Родина в опасности, прошу зачислить меня в сибирскую стрелковую бригаду. Не имея военных знаний, желаю в короткий срок изучить военную специальность...».

Уже после первых боев за Москву понятие «сибиряк» быстро наполнилось магической мощью. Нацистскому «Мефистофелю», Геббельсу, потребовалось мобилизовать все свои недюжинные дарования интеллектуала и оратора, чтобы объяснить ошеломленным немцам тайну выросших из-под земли богатырских полков из неведомой Сибири. О ней в гитлеровском учебнике географии за 1942 года писали: «Сибирь – холодный и пустынный край, где живут полудикие существа различных смешанных рас».

За передвижением сибирских частей тщательно следила вражеская разведка. Перед контрнаступлением немцы не считали зазорным быть разбитыми сибиряками. Хотя в сотысячной армии генерала Голикова были только две сибирские дивизии, но этого оказалось достаточно для отступления лучшей армии Гитлера, «вчера» проутюжившей Европу. До конца войны во всех немецких штабах после Москвы укоренилось: «Где сибиряки – там победа!»

Сибиряки под Москвой и Сталинградом

Впервые в самые тяжкие месяцы войны под Москвой враг рассматривал в бинокль Кремль и писал донесения: «Красная армия разгромлена. Остатки ее истекают кровью в лесах под Вязьмой. Москву охватила паника. Толпы обезумевших людей забили вокзальные площади и улицы». Между тем шесть эшелонов сибирской дивизии со скоростью курьерского поезда неслись к Москве. 16 октября 1941 года, в день наивысшего хаоса, сибирские полки вошли в Москву. За ними двигались другие дивизии из глубины Сибири. «Явление сибиряков под Москвой подобно чуду, – позже отметят историки, – ибо пришли они из земли, которая триста лет была Китежем русского народа, землей обетованной». Сибирская дивизия замелькает на страницах газет всего мира, войдет в военные учебники, донесения, станет стратегическим фактором войны – это явление духовного свойства, самый бесценный ресурс России воплотится в нем, и имя ему – сибирский характер Победы. Константин Рокоссовский, советский военачальник, маршал Советского Союза (1944 г.), дважды Герой Советского Союза, отмечал, что «среди наших прекрасных солдат сибиряки отличались особой стойкостью».

Нелегкий путь под Москвой прошли воины 16-й дивизии генерала Панфилова: житель деревни Кулаково Тюменского района Н.Г. Исаков и уроженец деревни Сергеевка Уватского района Д.А. Колмаков. Дмитрий Алексеевич Колмаков ушел на фронт добровольцем. В числе 550 сибиряков-коммунистов он защищал Москву. В ожесточенном сражении у села Пискухи за высоту 165 капитан Колмаков заменил погибшего командира. Бои шли больше двух суток. Потери были огромны. Каждый клочок земли там полит кровью. Высота покорилась, фашисты отступили. В последней смертельной схватке Колмаков был тяжело ранен: сняло теменную кость головы, он потерял левый глаз. Доблесть и отвагу капитана подтверждают полученные им девять орденов и медалей.

Если под Волоколамском значительный вклад внесла дивизия генерал-майора Ивана Панфилова, то в ноябре не менее значительный вклад внесла дивизия полковника Афанасия Белобородова. Он быстро развернул свои полки, и они двинулись в атаку. Сибиряки шли в атаку на врага во весь рост. Противник был смят, опрокинут, отброшен.

Сибирские полки в любой обстановке дрались, отступали и пробивались из окружения, бились до последнего патрона, оглохшие пушкари били прямой наводкой. Контуженые кидались в контратаки, схватывались в траншеях: людские потери были огромными. Более двадцати соединений сибиряков заслонили собой зимой 1941 года северную столицу – Ленинград.

Для бойцов 246-й стрелковой дивизии, сформированной из сибиряков и уральцев, в основном, приписанных к Голышмановскому, Абатскому, Казанскому, Нижнетавдинскому, Новозаимскому, Ялutorовскому и другим район-

ным военкоматам, пунктом сбора стал Рыбинск. Не все в военной форме, кое-как вооруженные (246-я насчитывала более одиннадцати тысяч бойцов, но только на каждого пятого-седьмого приходилась одна винтовка), первый бой воины-сибиряки приняли на Андреевской высоте (Ржевская битва 1941-1943 гг.). Им предстояло уничтожить группировку противника, которая готовила плацдарм для наступления на Москву. От врага отделяла одна верста. Позже ветераны о тех днях расскажут: «По всему направлению шли ожесточенные бои. Вода в Двине стала красной от крови, реку запрудили тела... А с Андреевской высоты все строчили и строчили пулеметы».

Ценой собственной жизни воины-сибиряки продолжали освободительные бои. На Гнездиловских ключевых высотах Смоленщины (1943 г.) дрогнувшие было в аду солдаты остановились как вкопанные от властного напоминания капитана Шестеля, выросшего над окопами: «Ни шагу назад, сибиряки!».

После Москвы и Сталинграда, где сибиряки держали «главную высоту России» – Мамаев курган, они уже стали легендой для фронтов.

«... Знай, мама, что пока я жив, здоров... Хочется поработать на полях своего родного дома. Как у нас с урожаем, огородом?..», – это письмо пришло весной 1943 года в село Ровниц Ишимского района семье Юрченко. Написал его родителям сын Григорий. Не суждено было сбыться его мечте. Григорий Юрченко погиб.

На Курской дуге

1943 год оказался переломным для СССР. Серьезное стратегическое значение сыграла победа советских солдат на Курской дуге. За участие в Курской битве звания Героя Советского Союза посмертно удостоен наш земляк Григорий Никифорович Кошкаров. Он родился в деревне Сергеевка Уватского района Тюменской области. За три дня его батарея из трех орудий прямой наводкой сожгла и подбила 20 танков. Противник бросал в атаку лавины танков, под прикрытием авиации наступал до пяти-шести раз. Мужественно, героически воевала батарея. В этом неравном бою лейтенант Кошкаров пал смертью храбрых. Был ему всего 21 год. Незадолго до гибели Григорий писал родным: «Мама, конечно, здесь тоже нелегко, лежишь в окопе и как будто отдыхаешь, но только отдых не очень приятный. Но, мама, нужно все пережить и перенести! Русский народ непобедим. Разобьем немецкую сволочь, тогда будем жить мирно и весело...».

Отделение, которым командовал уроженец села Салаирка Тюменского района Тимофей Егорович Несговоров, занимало оборону у деревни Прохоровка Курской области. Было приказано удерживать позицию любой ценой.

– Будем стоять насмерть! – сказал сержант товарищам. Гитлеровская авиация обрушилась на передовой край нашей обороны. Но плотный

огонь противотанковых пушек и ружей заставил фашистов откатиться назад. Так повторялось несколько раз. Когда на взвод, в котором находился сержант Несговоров, устремились восемь танков, он крикнул товарищам:

– Братцы! Не робеть! Гранаты к бою!

Стальная машина двинулась на окоп, тогда наш земляк, схватив две противотанковые гранаты, вскочил на бруствер и через мгновение бросился под гусеницы «тигра». Раздался взрыв. Танк застыл на месте.

Не был родом из Сибири Александр Матросов, но подвиг свой совершил в рядах сибирского добровольческого 19-го гвардейского корпуса. Двадцать сибиряков потом повторят его подвиг, и поэтому прорыв Матросова станут называть «сибирским».

О подвиге другого нашего земляка, Петра Яковлевича Панова, бойца из села Нахрачи Ханты-Мансийского округа, рассказывает пожелтевшая фронтовая листовка «Охотник за тиграми». В сражении на Орловско-Курской дуге на расположение отдельного истребительного противотанкового дивизиона, где находился расчет Панова, двинулось до ста фашистских танков. Их поддерживали самолеты. Дивизион был вынужден отступить. Расчет Панова прикрывал отход. В этом огненном аду расчет подбил 11 танков противника, в том числе пять «тигров», уничтожил около двух батальонов солдат и офицеров. Личный состав расчета и пушка остались невредимыми. За этот подвиг Петр Яковлевич Панов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Форсирование Днепра

Очевидцы рассказывают, что, получив пополнение в Сталинград, прямодушный Чуйков, который командовал маршевым батальоном, заявил:

– Сибиряки и уральцы – шаг вперед, остальные – за Волгу. Мне нужны мужчины, которые мгновенно отвечают ударом на удар.

И никого это не удивило: на фронтах Великой Отечественной войны сибиряки заняли особое, почетное, место. наших воинов не остановили ни доты, ни 700-800-метровая водная преграда. Ни яростное сопротивление врага на Днепре. Советская армия на берегах Днепра нанесла противнику жестокое поражение, сорвала его планы стабилизировать фронт на данной территории и создала благоприятные условия для полного освобождения Украины. За форсирование Днепра восемнадцати тюменцам присвоено звание Героя Советского Союза. Это Ахметрашит Аширбеков, Михаил Баранов, Прокопий Битюков, Александр Волохов, Анвар Калиев, Владимир Кармацких, Иван Корольков, Иван Мариков, Николай Маслов, Хамит Неатбаков, Роман Новопашин, Сидор Пцутилов, Константин Ражев, Василий Сысоев, Мартын Тепляков, Тимофей Чарков, Яков Черемнов, Николай Чихарев.

Сибиряки освобождают Восточную Европу

Более 70 тысяч воинов-тюменцев за ратные подвиги награждены орденами и медалями. 13 сибиряков стали полными кавалерами ордена Славы. Уроженец деревни Муллаши Тюменского района Хабибулла Хайруллоевич Якин воевал в составе 2-й гвардейской Таманской дивизии. Его ратные дела в 1943 году были отмечены двумя орденами Красной Звезды, но особенно наш земляк отличился в Моравско-Оставской наступательной операции при освобождении Карпат. В одной из деревень фашисты открыли сильный пулеметный огонь. В тяжелый момент боец Якин не растерялся, сделал несколько перебежек и гранатой уничтожил пулеметный расчет. Обстановка резко изменилась в нашу пользу. На подступах к городу Моравска-Острава он огнем из ручного пулемета способствовал продвижению однополчан. Что в итоге и определило успех боя.

Освобождали от фашистов западные государства тюменцы – Герои Советского Союза: А.Н. Логунов, Д.В. Гапоненко, В.Л. Худяков, Б.К. Опрокиднев, А.И. Зенковский, Н.В. Кузнецов, Н.А. Хохлов, И.А. Беспалов, П.А. Бабичев, И.З. Безносков, Т.К. Ишмухаметов, Л.И. Васильев. Не дожил до Победы В. Худяков, ученик средней школы № 1 г. Тюмени, любящий и любимый сын, любимец одноклассников и преподавателей. Он всегда мечтал стать летчиком, занимался в аэроклубе. Однако жизнь распорядилась по-своему. Началась война. После окончания артиллерийского училища он участвовал в освобождении Белоруссии, Литвы. В феврале 1945 года в сражении на Зеландском полуострове батарея Худякова восемь суток отбивала атаки фашистов. В последнем сражении, выводя бойцов из окружения, Виктор Худяков погиб.

Борьба с фашистами шла не только на фронте. На оккупированной территории развернулось партизанское движение. В украинских лесах, в партизанском соединении Героя Советского Союза Карасева воевал Петр Васильевич Велижанин. Родился он в деревне Быково Тюменской области, до войны работал слесарем в депо станции Тюмень. Немало испытаний выпало на его долю. В начале войны, после окончания спецшколы, Петр Велижанин был заброшен в расположение партизанского отряда на Украине. Познал все тяготы жизни на территории, оккупированной врагом. За боевые действия в партизанском отряде Велижанин П.В. был награжден орденом Великой Отечественной войны 2-й степени. После соединения партизан с регулярными частями советской армии участвовал в освобождении Венгрии, Румынии, Польши, Чехословакии.

Громогласная музыка

В годы Великой Отечественной войны немцы часто слышали на передовой звуки наших духовых оркестров. В напряженные дни сражений музыканты, оставив инструменты, подносили боеприпасы, выносили раненых с поля боя, участвовали в рукопашных схватках. На севере Европы воевала 368-я

Сибирская Краснознаменная стрелковая дивизия. В одном из ее полков, дравшихся в Норвегии, все музыканты оркестра были родом из Тюмени. Там дивизия получила боевое и почетное наименование «Печенгской». Удивительное имя! Ведь Печенга – не только название реки, но и имя русского монастыря, стоящего как часовой у самой границы с Норвегией. В присвоении дивизии имени «Печенгской» была и заслуга музыкантов, наших земляков. Не зря же все музыканты из Печенгской дивизии полка в полном составе были включены в «стотрубный» оркестр, которому предстояло играть на Красной площади 24 июня 1945 года на историческом Параде Победы.

Сибиряки на Параде Победы

Среди участников Парада Победы были и наши земляки. Один из них – Яков Николаевич Неумоев, Герой Советского Союза, командир 1-го эскадрона 28-го гвардейского кавалерийского полка, гвардии старший лейтенант.

«Поздравляем Вас с высокой правительственной наградой – присвоением звания Героя Советского Союза... Эту высокую награду Вы заслужили своей героической борьбой на поле брани со злейшим врагом человечества – немецко-фашистскими захватчиками, не щадя своих сил, презируя смерть. Весь личный состав дивизии законно гордится Вами», – эти слова поздравления были адресованы гвардии лейтенанту Я.Н. Неумоеву 17 июня 1944 года. Бесстрашный командир эскадрона Неумоев смог организовать захват, а затем и оборону высоты 247, господствующей над дорогой Невель-Городок. Враги предпринимали несколько атак, чтобы занять прежние позиции, но безуспешно. Грамотные военные действия и смекалка помогли кавалеристам: они не отступили от заданного рубежа. За хорошую подготовку личного состава и умелое выполнение заданий командования Яков Николаевич Неумоев был награжден именной серебряной шашкой кавказского образца и маузером. Он закончил войну на Эльбе, одним из первых встретился с американскими союзниками. Впоследствии вернулся на родину, руководил тюменским ипподромом.

Велик вклад сибиряков в Победу над фашистами. Более 70 тысяч воинов-сибиряков за ратные подвиги отмечены государственными наградами, 97 стали Героями Советского Союза, 13 – полными кавалерами ордена Славы. Среди награжденных: рядовые воины, сержанты, старшины, командиры частей и соединений. Каждый солдат-сибиряк с гордостью носит имя Победителя. Их именами названы улицы, школы, их помнят и чтят.

Вечная память героям – землякам...

66 лет прошло с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война. Ужасная память о ней будет жить всегда. Это исковерканные судьбы, несостоявшиеся семьи, нерожденные дети, ветхие избы постаревших вдов.

И бережно хранимые пожелтевшие треугольники писем, фотографии погибших, пропавших без вести, навсегда оставшихся молодыми, многочисленные обелиски в городах, селах и деревнях.

Время неумолимо уносит в прошлое имена, события, факты. Но память о них должна передаваться будущим поколениям. Ветераны Великой Отечественной войны были и будут образцом высокой духовности и мерилом нравственности.

9 мая 1968 года в Тюмени был открыт памятник, посвященный ратному и трудовому подвигу тюменцев в годы войны, был зажжен Вечный огонь. Общая композиция под официальным названием «Мемориал Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» была открыта на Исторической площади. Памятный знак выполнен из гранита, мрамора, бетона. Над ним работали два скульптора: Р. Мелик-Акопян и Л. Лазарев, и три архитектора: А. Тарантул, Е. Федоров, С. Соколов.

Еще одно священное место нашего города – площадь Памяти, у старого Текутьевского кладбища, с памятником воинам Красной армии. Здесь захоронено 227 воинов, умерших от ран в госпиталях Тюмени. Им, безвременно ушедшим из жизни, посвятил свою работу скульптор В.М. Белов.

Летом 1991 года в сквере напротив здания сельскохозяйственной академии состоялось открытие еще одного памятника – «Прощание», посвященного выпускникам школ города 1941 года. На нем высечена надпись: «Учащимся школ города Тюмени, не вернувшимся с войны». Авторы – скульптор Н.В. Распопов и архитектор Б.А. Жученко. По традиции ежегодно 22 июня оставшиеся в живых выпускники 40-х собираются у памятника своим сверстникам, чьи имена написаны на мраморных пилонах.

Заключение

Война равно сурово обходилась со всеми: убивала, калечила, отбирала близких и друзей, поэтому герои-воины были близки по духу, положению, не было у них понятия «ты – чужой, ты – иной», все сибиряки были вместе, а это была грозная сила на войне.

В словах академика Д.С. Лихачева: «Патриотизм – это чувство сопричастности к судьбам своей Родины, готовности служить ей, защищать ее интересы», – выражен смысл моей работы. Мои земляки-сибиряки – настоящие патриоты, герои, они воевали за Родину, за свою свободу, за жизни близких, своих детей, а это предназначение не имеет национальной принадлежности.

Сибиряки были самым бесценным ресурсом России, и имя ему – сибирский характер!

Краеведение

Забыть не суждено

70 лет трагедии...

28 августа 1941 г. – указ Сталина о депортации немцев Поволжья

*«... Пришла война, пришла беда,
Нас всех изгнали навсегда,
Отняв и Родину, и дом,
И все нажитое трудом...
Всем без разбору в тот же миг
Приклеили один ярлык.
Пускай как солнышко ты чист,
Но раз ты – немец, ты – фашист».*

(Из поэтической поэмы «О пасынке» В. Эстерле)

Депортация и трудармия

Материалы из книги Е.А. Эйхельберга «Немцы в Тюменской области: история и современное положение»

В этих двух словах заключена трагическая судьба большой этнической группы. В результате проведенного в годы и после войны геноцида численность советских немцев сократилась на одну треть. Немцы оказались распыленными по бесчисленным лагерям всесильного ГУЛАГа, раскинувшегося на огромных просторах Коми АССР, Сибири, Урала, Казахстана, Средней Азии.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г.

«О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья» гласил: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районе Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и советской власти.

В случае если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья и прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское

правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы, с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены избыточные пахотной землей районы Новосибирской, Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному комитету обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах».

Таким образом, судя по этому документу, выселение целой этнической группы производилось для ее же блага! Депортация немцев призвана была оправдать первые месяцы поражения на фронте наличием внутреннего врага – «пятой колонии». Кроме того, она пополняла оскудевшую сеть ГУЛАГа, давая бесправную рабочую силу для эвакуируемых предприятий промышленности. Однако с военной и экономической точек зрения депортация была нелогичной. Самоотверженный труд российских немцев на родине имел значительно больший военный и экономический эффект. Поэтому напрашивается вывод о том, что действительной целью их депортации и последовавшей за ней мобилизацией в трудовую армию был геноцид – целенаправленное уничтожение потенциально враждебной, по оценке сталинского режима, этнической группы.

Войска НКВД, милиции и Красной Армии общей численностью 14100 военнослужащих провели депортацию немцев в кратчайшие сроки – с 3 по 20 сентября. Немцам гарантировалось последующее возвращение в места прежнего пребывания. Но это был обманный маневр. Переселялись все лица немецкой национальности. Но пострадали не только они. Если русские жены были замужем за немцами и имели немецкие фамилии, то они выселялись тоже.

Всего подлежало переселению 872578 немцев.

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении в Омскую область немецкого населения» обкомом ВКП(б) 1 сентября 1941 г. был утвержден план приема и размещения 85 тысяч человек. В районы области направился партийный актив,

который вместе с райкомами проверял подготовку к приему переселяемых. По сообщению зам. зав. Орготделом ЦК ВКП(б) Ш., выявлено и подготовлено к вселению 5745 домов и 17744 квартиры. Очевидно, что этого резерва жилого фонда могло хватить лишь на небольшую часть немецкого населения. По сообщению партийного функционера, эшелоны с переселенцами стали прибывать с 13 сентября, и 1 октября основная масса переселенцев была принята и без задержек направлена в районы.

По плану приема и размещения переселяемого населения предполагалось разгрузить на станции Ишим и направить 1400 немцев в Абатский район, 1500 – в Бердюжский, 1200 – в Викуловский, 2500 – в Ишимский, 1600 – в Казанский, 1000 – в Сорокинский район; на станции Омутинское: 1200 – в Армизонский, 1200 – в Омутинский и 1500 – в Юргинский районы; на станции Катышка: 1600 – в Аромашевский, 2000 – в Голышмановский; на станции Новая Заимка: 1200 – для размещения в Новозаимском районе; на станции Тюмень: 1000 – для размещения в Велижанском районе; на станции имени Кагановича: 1000 – для размещения в Нижнетавдинском районе, 2500 – в Тюменском, 2000 – в Тобольском; на станции Маслянская: 1200 – для размещения в Маслянском районе; на станции Ялуторовск: 2000 – для Ялуторовского района; на станции Заводоуковск: 1600 – для Упоровского района. Таким образом, из 85 тысяч предполагаемых для размещения в Омской области спецпереселенцев 32,7 тысячи решено было разместить на территории нынешней Тюменской области.

Итак, из 17775 немецких семей, или 82030 человек, высланных в Омскую область в 1941 г., в 24 района нынешней Тюменской области было отправлено 6975 немецких семей, или 32316 человек. В справке от 27.11.41 г. «О приеме, размещении и политических настроениях эвакуированного в Омскую область немецкого населения» приводится и другая цифра – 83516 человек, высланных в Омскую (по некоторым данным, в ноябре в Омскую область прибыло только 80349 немцев). Не все доехали до места назначения. Большая часть отстала от эшелонов и умерла в пути, и в том числе 31890 остались в Тюменской области. Возможно, различие в цифрах по районам нынешней Тюменской области объясняется тем, что за этот месяц примерно 420 немцев были направлены в г. Омск. В справках УНКВД по Омской, а позднее УМВД СССР по Тюменской области приводится и другая цифра – 6606 семей с количеством 21721 человек, высланных из АССР немцев Поволжья. Но при сравнении этих цифр надо учесть следующие (уже через полгода) перемещения трудоспособных немцев в трудовую армию.

Таблица № 1

Численность немцев и немецких хозяйств, прибывших в районы Омской, относящиеся теперь к Тюменской области, по состоянию на 20 октября 1941 г.

Районы	Число прибывших немецких хозяйств (семей)	Численность прибывших немцев
1. Абатский	334	1421
2. Армизонский	257	1215
3. Аромашевский	355	1506
4. Бердюжский	228	1048
5. Велижанский	190	824
6. Викуловский	302	1212
7. Гольшмановский	226	1083
8. Исетский	446	1850
9. Ишимский	540	2508
10. Казанский	368	1498
11. Маслянинский	511	1871
12. Нижнетавдинский	237	981
13. Новозаимский	336	1535
14. Омутинский	327	1355
15. Сорокинский	226	1019
16. Тюменский	568	2786
17. Упоровский	311	1537
18. Юргинский	312	1456
19. Ялуторовский	267	2673
20. Байкаловский	266	1230
21. Дубровинский	63	263
22. Тобольский	96	463
23. Уватский	86	414
24. Яркоковский	124	568
Всего	6976	32316

В действительности на 20 октября 1941 г. в Омскую область прибыло 82 тысячи немцев, из них 32,3 тысячи – на территорию нынешней Тюменской области. В частности, по районам число прибывших выглядело так, как приведено в таблице.

В Тюменскую область были высланы немцы из трех кантонов нагорной правобережной части АССР НП: Франкского кантона (ныне Медведицкого района), Добринского и Эрленбахского кантона (ныне Камышинского и Жирновского районов Волгоградской области). А именно: в Франкском кантоне из сел Гуссенбах (ныне Линево), Диттель (Алешники), Ней-Дейгоф (Новника), Ней-Мессер (Пограничное), Франк (Медведицкое), Кляйн Вальтер. В Эрленбахском кантоне из сел Ней-Норка (Новые Норки Камышинского района) и Розенберг (Умет). В Добринском кантоне из сел Нижняя Добринка (ныне Добринка), Дрейшпиц (Верхняя Добринка), Гольштейн (Верхняя Кулилинка), Гебель (Усть-Грязнуха), Крафт (Верхняя Грязнуха), Мюльберг (Щербатовка), Щербаковка, Лейхтлин (Иловлинка), Гильдман (Пановка). Кроме того, из г. Аркадак Саратовской области и нескольких сел Аркадакского района, Новопокровского и Балашевского районов. Но список этих сел, возможно, еще не полон.

Размещение всех 32316 человек было произведено в 24 районах, по 120-800 хозяйств в каждом, а внутри районов – в отдельные колхозы и совхозы – группами семей. В городах Тюмени, Ишиме, Тобольске спецпереселенцев сразу не селили. Первоначально расселяли только в сельской местности южной зоны области. Но ссылали и на Север. Так, в 1941 г. в Ханты-Мансийский автономный округ было «завезено 165 немецких семей с количеством одна тысяча человек». Анализ карточек семейного учета спецпереселенцев, хранивших в спецкомендатуре, показывает, что приволжские немцы стали прибывать в Красноселькупский и другие северные районы уже в сентябре 1941 года.

К зиме 1941 г. в местах выселения оказалось более 1120 тысяч немцев. И почти сразу началась широкая мобилизация немцев в трудовую армию. По постановлению ГКО «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» от 10 января 1942 г. всех немцев-мужчин мобилизовали «в рабочие колонны на все время войны». Пункты 5 и 6 определяли положение немцев в качестве заключенных. «5. Поручить НКВД СССР дела в отношении не явившихся по мобилизации немцев на призывные пункты или на сборные пункты для отправки, а также в отношении находящихся в рабочих колоннах за нарушение дисциплины и отказ от работы, за неявку по мобилизации, за дезертирство из рабочих колонн рассматривать на Особом Совещании НКВД СССР с применением по отношению к наиболее злостным высшей меры наказания. 6. Установить нормы продовольственного и промтоварного снабжения НКВД СССР для мобилизованных немцев по нормам установленным ГУЛАГу НКВД СССР».

Мобилизованные должны были явиться на сборные пункты в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и десятидневным запасом продовольствия. Это требование постановления было невыполнимым для депортированных немцев. Но явились все, в том числе и нетрудоспособные. По воспоминаниям К.К. Коха и Г.В. Шонемана, вместе с ними (кроме немцев были также русские,

чуваши, сибирские татары и т.д.) встал в строй и мужчина на костылях, чтобы идти в трудовую армию: «Не смотри, есть ли у него ноги, руки – определили в грузчики, и только потом – в лагере – поставили сторожем».

На территории нынешней Тюменской области мобилизация и комплектование по наркоматам трудармейцев велись через военные комиссариаты и специальные мобилизационные отделы райисполкомов, начиная с осени 1941 г. Органами НКВД немцы направлялись в рабочие колонны при исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР – на стройки, шахты, лесоразработки в Новосибирской, Куйбышевской, Свердловской, Челябинской, Молотовской (ныне Пермской) областях, Коми АССР, Казахской ССР, Красноярского края. В лагерных пунктах создавались отряды по полторы-две тысячи человек, колонны в 250-500 человек и бригады в 35-100 человек. Каждая колонна размещалась в одном или двух смежных бараках, вокруг которых устанавливалось ограждение – зона, охранявшаяся военизированной охраной ГУЛАГа. Приказы Берии от 12 января и 10 октября 1942 г. «Об организации отрядов из мобилизованных немцев при лагерях НКВД», воспроизводившие соответствующие постановления ГКО, грозили высшей мерой наказания за неявку на мобилизационные пункты, дезертирство или отказ от работы. Их двуличие проявилось в том, что первый приказ объявлял немцам как приказ об их мобилизации в Красную Армию, и потому он был воспринят многими с воодушевлением.

Постановление ГКО «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР» от 7 октября 1942 г. обязывало мобилизовать всех немцев-мужчин 15-55 лет и провести мобилизацию женщин-немок 16-45 лет; тотальный режим нанес самый разрушительный удар по немецким семьям и немецкому этносу как таковому. 12 октября 1942 г. Омским обкомом ВКП(б) и облисполкомом было принято объединенное постановление «О дополнительной мобилизации немцев, проживающих в Омской области». Для организации практической работы в районах области создавались оперативные тройки, состоявшие из секретаря райкома, председателя райисполкома и начальника районного отдела НКВД. В середине ноября в районы были спущены директивные письма Омского обкома ВКП(б) о том, что будет проведена дополнительная мобилизация на все время войны немцев-мужчин и женщин в возрасте: мужчин от 15 до 55 лет и женщин – от 16 до 45 лет включительно, годных к физическому труду, переселенных из центральных областей СССР. От мобилизации освобождались только беременные или имеющие детей в возрасте до трех лет. Дети более старшего возраста передавались, по распоряжению властей, на воспитание остальным членам семьи или ближайшим родственникам. При их отсутствии о них заботились местные Советы.

В действительности призывались и школьницы-девятиклассницы, и молодые матери с маленькими детьми, которых обязывали оставлять на престарелых бабушек. Часто дети оставались без всякого присмотра и бродяжничали.

Отто Кох

«Отличник народного образования РСФСР»,
журналист (15.04.1937 – 02.09.2011 гг.)

Мальчик. Эпизоды бытия военного времени

Борису Галязимову посвящается

Daheim¹

«Пока Сталин жив, этого не будет», – сказала мать Мальчика в ответ на разговоры, начавшиеся сразу после начала войны, что скоро всех начнут выселять. «Всех» – это немцев Поволжья. Старики помнили и рассказывали, что такой план был еще у царя в конце Первой Мировой, что были погромы, и что они тогда уже всю готовились к отъезду, но помешала революция. Мать, учительница начальных классов и комсомолка, такие разговоры пресекала – мало ли что. Отец был в армии, призванный еще до войны. Там же жили еще брат отца – молодой тракторист, мать обоих братьев – Kochsmoder – Мать Кохов.

Материну фразу часто повторяли, иногда со злостью, иногда с иронией. Да она, небось, и сама ее вспоминала, бредя по пояс в снегу в ватных штанах по красноярской тайге. Предсказания стариков стали сбываться на редкость быстро. Не прошло и двух месяцев, как появился знаменитый указ о депортации от 28 августа 1941 года. Теперь это – День скорби, отмечаемый как в Германии, так и в России, впоследствии по аналогии названный «Первым Сталинским ударом». Потом был «Второй удар» – Трудармия, или мобилизация «в рабочие колонны». О «Третьем ударе» будет сказано особо.

Мальчику в то время было четыре с половиной года. Новость о переезде никакого удручающего впечатления не произвела, хотя кругом все вели себя как потерянные. Наоборот, недавно Мальчик впервые куда-то ездил на автобусе, и сейчас ему не терпелось рассказать об этом Роберту. Из гвалта, рыданий удалось выцепить одно слово – «поезд». Суета,

¹ Daheim (дома) – так почти повсеместно до сих пор говорят пожилые российские немцы о прежней родине – Республике Немцев Поволжья.

беготня, разбросанные вещи, стук молотков как-то радостно возбуждали его, настраивали на один лад: «Ура! Поедем!». Это настроение позднее поддерживалось при виде огромного каравана из подвод с вещами и Мальчиком на верхотуре.

Вечером по деревне разнесся дикий рев – это коровы в загоне решительно требовали дойки. На следующий день рев усилился. Коровы сломали загон и прибежали к хозяевам. Говорят, что из вымени брызгало молоко...

Дорога

Романтика, которую Мальчик себе навоображал в начале пути, быстро слетела с него. Чего стоил один только «туалет за занавесочкой», которым пользовались и взрослые, в основном, женщины, и старики. Окон не было. Не было, кажется, и нар. Спали и сидели на вещах. Или сплошные нары все же были? В некоторых воспоминаниях они упоминаются, но Мальчик того не помнил. Так началось долгое путешествие с берегов Волги в Сибирь и на Алтай. А Мальчик, который предвкушал свои приключения в августе 1941 года, это был я – Отто Оттович Кох.

Это было не единственное мое путешествие в вагоне такого типа, который в народе почему-то до сих пор называется «телятником». В таких вагонах нас с Целины везли в армию. Только в них было три яруса, а в середине стояла печка-буржуйка.

Занялся подсчетами. Давно занимал вопрос, сколько вагонов пришлось отвлечь с фронта для перевозки стариков и детей, и какую опасность для безопасности страны представляли мы с бабушкой. Теперь об этом можно прочитать в документах. Тогда товарищ Берия все, цифра в цифру, доложил товарищу Сталину. Так вот, вагон был на 40 мест, а всего, якобы, было 158 эшелонов. Перевозка заняла чуть более полумесяца. Надо еще учесть, что кроме Поволжья немцы жили еще в Причерноморье, на Украине и других регионах страны. Так что эшелонов было задействовано больше.

Пишу не исследование, не философско-политический трактат, а воспоминания, в основном, детские. Поэтому статистики будет мало. Тем более что написаны сотни статей о депортации. Хотя, кто их читал? В советской прессе на тему существовало табу, а если что и издавалось, то столь мизерным тиражом, что даже адресный читатель прочесть не мог. Тиражи мизерны и сейчас, а библиотеки такую литературу не хранили.

Быково. Первые дни

Однако вернемся в вагон. Приехали. За нами прибыли подводы – сплошь старички с берданками и ружьишками – «за фашистами». Обоюдное удивление и недоумение. Позднее это стало предметом шуток, превратилось в местный фольклор.

Нашей группе повезло – никого не выкинули в степи, никому не пришлось рыть землянки, скопом жить в клубе, заброшенном сарае или даже гараже (а такие случаи были). Наша семья вообще попала в отдельную комнату с печкой-голландкой. Хозяйка, которую никто иначе не звал как Ширяиха, жила с кучей детей – своих и не совсем своих. Дети, в основном, обитали на русской печке и на полатях, роясь в куче тряпья, «ремках», по-тамошнему. Мать моя не препятствовала общению. Она сносно говорила по-русски, и хоть бывшая, но учительница, встречена была с почтением. Вскоре дождалась из армии демобилизованного отца – аж директора школы, своего рода диковина: хорошо говорил по-русски, играл на скрипке, да и одет по-европейски.

Вообще, наша одежда выгодно отличалась от местной: наша считалась городской, и ее выгодно обменивали на продукты. Местные ходили, в основном, в домотканом: в каждой квартире стояли прялки и кросна. Цыгане доставляли красители.

Здоровый мужчина вызывал удивление, но только первое время. Вскоре пошли общие работы. Телогрейки, валенки, «пимы» – по-сибирски. Отец и брат его Карл работали, видимо, на зернотоке. Помню, как после работы в комнате прикручивалась, а то и выключалась лампа, и оба мужика высыпали из пимов пшеницу – «плоды» первых азов «колхозной науки».

Возле деревни было ухоженное кладбище с ограждением в виде канавы, скот туда не заходил, но деревья поражали воображение. Это были огромной высоты и толщины березы, сплошь в грачиных гнездах. Мальчишки (особый вид героизма), обдирая животы, лазили наверх, подвергаясь атакам грачей, зорили их гнезда, а яйца жарили на жестянках. Этот квадрат берез был единственным в своем роде. Кругом были только колки, а обычный березовый лес был далеко, и мы его не видели. Легенда гласила, что и кладбище, и канава вокруг него, и громадные березы были наследием местного помещика и его предков, как и школа, и молоканка с производством казеина. Мы время от времени удостаивались покрутить вдвоем огромный сепаратор, за что угощали тем же казеином. Кроме того, мы еще и приворовывали. В молоканку проходил сквозь дырку в стене металлический прут. У одного из нас руки были очень тонкие: они свободно проходи-

ли внутрь рядом со штырем. По знаку изнутри он вытаскивал тот же казеин для всех, но нас скоро разоблачили по крошкам на путях транспортировки.

Был еще один способ посягнуть на социалистическую собственность. В деревянном полу амбара была кем-то просверлена микроскопическая дырочка. Зерно через нее самотеком не просыпалось. Нужно было прутиком (или лучше провололочкой) привести его в движение. Секрет был открыт не всем, и его тщательно хранили. Брать разрешалось не более кружки, следы просыпавшихся зерен тщательно заматались. Власть, вероятно, знала о существовании живительной струи, но ни облав, ни обысков не делала. Но однажды амбар пришлось вымести подчистую. Лаз заделали, и больше этот промысел не возобновлялся.

Так, приворовывая и приторговывая, жизнь налаживалась. Я большую часть времени проводил с хозяйскими детьми на печке, осваивая русский язык. Ни отец, ни мать не препятствовали. Когда с гордостью продемонстрировал отцу новые познания в «великом и могучем», но матерном, он только спросил: «Кто этому научил?» – и ушел. Больше меня мату никто не учил.

А вскоре я уже сам мог заняться обучением этому нужному искусству. Против моего вечного пребывания на печке или полатах была только бабушка: я, по ее мнению, натаскаю домой вшей. Но до вшей еще было далеко. Зато были тараканы, которыми бабка очень брезговала. Видимо, в Поволжье эта тварь не водилась. По утрам они вплотную один к другому сидели сплошным ковром на шестке и молниеносно исчезали в подпечье, когда их шугала Ширяиха. С тараканами, насколько помню, не вели никакой борьбы, это было какое-то племя священных насекомых. Но скоро та райская жизнь кончилась: забрали в Трудармию (рабочие колонны) отца и его брата, моего дядю. То был Второй Сталинский Удар. Обошлось без особых слез – «русские мужики воюют, а мы поработаем».

Вскоре пришла разнарядка на всех женщин с 15 лет. Вот тут был стон и рев. Детей было велено передавать родственникам или «немецким колхозам». В семье Кинстлеров отца уже не было. Он что-то ляпнул политическое. Оставался парализованный дед, двойняшки-мальчишки, с ними я потом учился в одном классе. Мать рвалась из рук охранников, убежала, пряталась. Даже русские бабки плакали. Но все было напрасно – мать взяли. Наши бабки по очереди ходили к ним и ухаживали за стариком и ребятишками. Помогали и нам: как-никак учительская семья, а почтение к учителю и священнику у российских немцев, видимо, в крови. Особенно много внимания уделял нам некто Рихард Богер – бывший односельчанин. Почему-то его не забрали в Трудармию.

Тут бы самое время пропеть гимн русской печке, ибо славна она была не только тараканами. Мальчик иногда даже там ночевал. Ширяха принимала молодежь. Нужно было иметь ламповое стекло и керосин, плюс балалайку или гармошку. Нравы и обычаи молодежи изучались из-под занавески, когда считалось, что мы уснули. Но это тема для отдельного большого сюжета.

Мои университеты

Подросло время идти в школу. Бабушка снарядила по высшему разряду: с Daheim сохранилась шелковая сумка для газет с вышивкой и плетеной ручкой. Вот ее-то она и приспособила под школьную сумку – предмет всеобщей зависти и удивления.

Само здание школы помню плохо. В памяти сохранились только высокое крыльцо с перилами и огромные круглые печи до потолка, своего рода достопримечательность – таких печей в селе не было ни у кого. Считалось, что это наследие помещика, как и сама школа, дуброва и аккуратная канава вокруг дубровы.

Наша школа считалась хорошей. В ней было две классных комнаты и две учительницы. Имя «своей» я помню – Татьяна Федоровна. Занятия, разумеется, в две смены – второй и четвертый, первый и третий.

Одна учительница ходила из класса в класс, раздавая задания и контролируя их выполнение. К этому привлекались и школьники – переростков в каждом классе было достаточно. Они ставили даже оценки, не в журнал, а устно, скажем, за чтение. Класс мог и не одобрить оценку, которую называл один из «старейшин».

Война шла не первый год, учебники поистрепались. Буквари, замызганные и затрепанные, были далеко не у всех. Их получали только те, кому учеба давалась особенно трудно, и чьи родители соглашались принимать несколько человек для выполнения домашнего задания. Не все дети посещали школу весь год – у многих не было обуви и одежды. Мне же букварь был не нужен: научился читать на русской печке, благо «учителей» было полно. За это я носил на печку школьные альбомы из комплектов матери (уезжали в Сибирь, надеясь на школьную работу). Подписи под репродукциями были, в основном, на русском языке, а в школе подобных альбомов не было.

Не все понимали даже в подписях. Помню, как озадачила надпись: «Худ. А. Лаптев». Попытка интерпретации: «худой, но в лаптях». В школу брать

альбомы бабка не разрешала, так что спросить было не у кого. А там еще были какие-то «бурлаки». И тоже какой-то «худ»! Но с этим быстро разобрались. Из соседнего села прибыл на каникулы пятиклассник, пошмеялся и все-все разъяснил наперед. Так что букварь мне был не нужен. Т.Ф. давала мне для чтения хрестоматии, сборники диктантов и даже сборники стихов.

Я был не один такой. Иногда мы сами подбирали тексты. По картинкам. Коллективно. Так было даже интереснее, чем в десятый раз слушать один и тот же текст по букварю. Учительница сама слушала только подготовленный учебный отрывок. Остальным оценки ставила, учитывая мнение класса.

Тетради были из газет. Их делали старшие параллели: резали, сгибали, линовали и сшивали. Больше всего мы любили «Пионерскую правду» – за картинки и за то, что на ее бумаге не так расплывались чернила. «Канторские» девочки приносили тетради из старых бухгалтерских, канцелярских книг, но тоже самодельные. У них же можно было выпросить и листок для рисования. Сложно было с чернилами. Выпросить или поменять их у канторских было невозможно, им запрещали родители. Чернилниц не было. «Пюзирек» с драгоценной влагой нужно было держать в руках. А мы «шакалили» (как сказал бы сейчас наш премьер), и руки были по локоть в чернилах, то есть надо было ухитриться макнуть у зазевавшейся или особенно прилежной соседки. Успешность таких операций считалась делом чести, доблести и героизма.

Не обладавшие такими доблестями, довольствовались отваром конского щавеля – вполне сносный краситель, если знать добавочные ингредиенты. Химика-изготовителя принято было вознаграждать. Но были примеры любовного симбиоза, даже длительного. Такие пары «гонялись» друг за другом на переменах, делились бумагой, говорили «моя», но никогда «мой», ревновали и даже дрались за подружек. Их дразнили, сплетничали, иногда родители препятствовали их дружбе. Но они упорно макали в один «пюзирек». Где же ныне те, мои «однопюзирницы»?

Сага (короткая) про вошь

Сказание – не сказание, а пару слов сказать надо. Вошь появилась не сразу. Но к началу учебы было такое засилье, так что ее уже и не стеснялись. Расхожая фраза-шутка – приглашение весной в солнечный денек посидеть на завалинке: «Приходи, кума, погреемся да поишимся».

Искались большими тупыми ножами женщины и девушки. Убивали насекомых ими же. Было ли у ножей другое назначение, не знаю, не видел. Игрой с вошью развлекались даже на уроках, особенно переростки и второгодники. Они сидели сзади, и учителя с этим не боролись. Вошь обмакивали в чернила и пускали на газету. Над получившимся следом развлекались. Были поклонники этих развлечений и у обычных ребят, но это скрывалось.

Быково

Быково разводило табак. В каждом доме стояли приспособления для его резки. Так как ни отец, ни его брат не курили, табак был для них своего рода валютой.

Десятилетки в селе не было, а, следовательно, это была обычная начальная сельская школа. Однако нетипичная: кирпичное, единственное на всю деревню каменное здание на высоком фундаменте. По легенде школу построил тот же местный помещик до революции. В это верили.

Местный пейзаж – это колки. А здесь была дубрава, по местному «дуброва», с березами в два обхвата и грачиными гнездами. Их там было видимо-невидимо, гнездо – на гнезде. Крик, грай, грачи щедро поливали нас пометом. Яйца мы жарили на жестянках. Эта роца была обнесена канавой, которая хорошо сохранилась. Там было кладбище. Кроме того, за деревней были следы пожара. Ничего, кроме золы. Мы занимались там раскопками, искали там баскушки – осколки цветной посуды. Дарили девочкам за знаки особого внимания. Болтали, что вот де у Зинки или у Клавки – дочек местной знати, были не осколки, а целые блюда. Так что поверить в легендарного помещика или купца было легко. А уж кто там поураганил – большевички, местные активисты или народная стихия – сейчас трудно сказать.

В школе много второгодников – это было «выгодным»: они становились помощниками учителя. Тем, кто учился без букварей, давали сборники диктантов, книжки для чтения. Всем всегда было интересно. Учителя подбирали задание, потом перешли на собственное усмотрение. В таких случаях выбирали целым классом, по картинкам.

Один такой случай особенно запомнился. Это текст Некрасова «Крестьянские дети». Помните, там дети судачат о часах охотника и о цепи к ним: «И цепь золотая... Чай, дорого стоит». Я никак не мог понять, при чем здесь «чай». И никто не мог. Спросил у Т.Ф., но ей было как-то не до меня, отмахнулась. Не

знаю, как товарищи, но меня эта загадка не переставала занимать. Наконец, она разрешилась. В армии я служил вместе с горьковчанами, а у них это «чай» – чуть ли не через слово. После я учился в Горьком, и там были довольно популярны стихи местного поэта, где поется гимн тому словечку, как поволжской филологической – не то диковине, не то достопримечательности.

А переводится эта диковина как «небось, я так думаю, полагаю, вероятно, ведь».

В классе во втором в «Пионерской правде» печатался «Сын полка» Катаева. Нам его вслух читала Татьяна Федоровна. Она делала вырезки и для третьего, и четвертого классов. Была в той книге и «жалостная» сцена – Ваня попался в руки к немцам. Т.Ф. всплакнула, а вслед за ней и мы заплакали. Т.Ф. не унимала нас. И ДАЖЕ ОТЧАЯННЫЕ ДРАЧУНЫ не смеялись над «ПЛАКСАМИ». Плакал, но я помнил, что я тоже немец, а немец – это плохо...

Были в школе и другие яркие события. Во втором классе на «октябрьскую» мы с Толей Куликовым получили премию! Это было непостижимо. В клубе! При всем народе! Немец! Одна мамаша дала тумак своему второгоднику и попрекнула его немчуренком. Отлился ли мне после этот тумак, не помню – был переполнен радостью. Товарищи чуть ли не облизывали наши карандаши и тетради. Кажется, в них даже были красные поля!

Kochsmoder тоже не скрывала торжества, и с чувством превосходства озираала «зал». Премия была бесценна: две «тетради» (в клетку и в линейку), два пера (правда, без ручек-вставочек, которых тогда еще не было), простой карандаш и карандаш «фимический». Тетрадей до этого мы не видели. Для уроков чистописания выдавали только тетрадный листок, но и он оставался в школе. Истинным сокровищем был химический карандаш – из него можно было делать чернила.

«Кетрадь, фимический» и т.п. особенности – это не описки или опечатки, так в нашей деревне, а, следовательно, и в школе, говорили все, и учителя не могли эту особенность вытравить. Как и другую привычку: говорить «Колька, Толька, куриса, сариса». Удивительно, но в соседней деревне этой особенности не было, там говорили «по-городскому».

А вот и праздник коллективный: начало учебного года в третьем классе, уже после войны. Его ждали, и было в нем что-то секретное. Учителя таинственно молчали и торжественно улыбались. Болтали разное: кто про обед с мясом в школе, кто про новые книги, кто даже про бесплатное кино. Никто не угадал...

Первого сентября уроки были сдвоенные и спаренные. Это случалось и раньше. Но тут крутились еще чьи-то родители. Мы просто сгорали от нетерпения, но никто не выдал интриги (вот как надо организовывать праздники!). Но, чу! В обеих классных комнатах одновременно открылись двери, и родители следом за учителями внесли стопки тетрадей. Не помню, как мы их встретили. Был какой-то праздничный гул и рев. Раздали всем по две или три тетради. Кинулись сравнивать, у всех ли лощеная бумага, у всех ли «красенькие» поля, у всех ли одинаковые обложки. Оказалось, что у всех все в порядке. Ликование было полное.

Когда ажиотаж немного улегся, учительница вдруг предложила немислимое: «А не завести ли нам еще и тетрадь по рисованию?». В это настолько трудно было поверить, что сначала все просто онемели. Крики одобрения и согласия раздалась с некоторым опозданием, но мы-таки завели эти тетради! В разгар веселья в школу приехал председатель и с ним еще «какой-то дядечка». Они поздравляли, говорили что-то про товарища Сталина, но ничто нам не могло уже испортить настроения.

Вскоре представился и случай блеснуть талантом. На урок рисования (если он вообще проводился) вешали на стенку что-нибудь из старых наглядных пособий. На этот раз это был гусь. Я справился довольно быстро, но где взять красный карандаш для клюва и лапок? Сторговался с конторской девочкой, пообещав ей большую «баскушку» с цветочками с помещицкого пепелища. Мои старания были вознаграждены четверткой, и я гордо показал ее бабушке.

Кофе

У конторских и кое-что американское было – банки из-под сала, тушенки, мы даже видели, да и те же девчонки изредка хвастались. Фантастические события были не только у детей.

Как ни далеко была деревня от Америки, а кое-какие калории от американского изобилия доставались и нам. Ферма была завалена американским соевым жмыхом. И хоть он по вкусу был много хуже украинского подсолнечного, у нас щека всегда оттопыривалась соевым куском. Еще я помню фиолетовую американскую кормовую картошку – на редкость безвкусный продукт. Зато безукоризненно гладкая, почти как мячик. Оказывается, сорт такой специально вывели для механической обработки и транспортировки. Наша картошка для этого не годится: обломки картофельных выступов способствуют гниению при хранении, транспортировке в вагонах и трюмах.

Так вот о фантастике. Среди американских даров был однажды необжаренный кофе в зернах. Нам, немцам, он никогда бы не достался, если бы в деревне знали, как его употреблять: помещик-то давно умер (или тоже, небось, где-то лес валил)! Сперва сельская элита распробовала – не понравилось: «хуже всякого пойла», да и варили его как фасоль.

Свои же напитки на Алтае были замечательные – в лесу было полно ягод и солодки. А между тем кофе для поволжских немцев – предмет воспоминаний, вожделений и мечтаний! И вдруг настоящий кофе! И много! Весть эта со скоростью молнии разнеслась. И вмиг все расхватили. А вот интеллигентному человеку, пасечнику, никто не сообщил. Он потом приходил и кофе на мед менял.

Третий сталинский удар

Это была пресловутая регистрация, пожалуй, самая болезненная акция. Знал об этом от родителей и деда, но когда она нагрелась, был ошеломлен и раздавлен.

Мне исполнилось шестнадцать. Урок. Дежурный из сельсовета: «Кнаус, Майер, Кох». Сельсовет. Военный в погонах. Пустографка: сверху вниз типографским шрифтом – месяцы, горизонтально – графы для дат и росписи. Январь, февраль, март разделены. Лейтенант вежлив, пытается заговорить, но меня душат слезы, расписываюсь и убегаю. И так ежемесячно до девятнадцати лет я, комсомолец, свидетельствовал, что никуда не сбежал, а при выезде на комсомольскую конференцию (активист сраный!) в райцентр (более 30 км!) брал заранее разрешение у того же лейтенанта. За то время плакал лишь дважды – второй раз, когда пригласили расписаться об отмене указа о депортации...

Немцы были не единственным народом-изгоем. Рядом, уже в Омской области, через огород жили калмыки: Мацак Убушаевич был у себя в Калмыкии чуть ли не министром образования, прекрасно говорил на русском языке и преподавал у нас; его жена Лидия Манжиевна вела математику и астрономию. Все запомнили ее знаменитое: «запишите заголовку». Когда Илюмжинов организовал поезд заслуженных деятелей республики по местам их депортации, я навел справки о бывших соседях и учителях: все они уважаемые люди. Когда калмыков реабилитировали и возвращали их на родину вместе с государственностью, я был в армии, а мои родители были уверены, что вот-вот очередь дойдет и до нас. Тщетно.

Бабушка

Семья небольшая, но отец с братом валили лес где-то в Молотовской области (там упавшим деревом отец и повредил спину). Мать тоже тайгу осваивала, но красноярскую. Тетка где-то под Уралом на кирпичном заводе крепила оборонную мощь. Так что мы с бабушкой остались одни, а младший братик умер вскоре от скарлатины. Поэтому самые яркие воспоминания связаны с бабушкой.

На полевые работы, кроме зимних, она ходила, как и все. Деревня на то время пустела. Детсада не было, и мы, дети, были предоставлены сами себе, но пожара не было. Любимым местом были заросли конопли и полыни много выше нашего роста. Летом там был штаб по налетам на огороды. График и секретность соблюдались, а справедливость почиталась.

Предпочтение отдавалось наиболее богатым огородам. Так как одно время завели зверскую моду ставить капканы, то в обязанности детей владельца огорода входило знание их расположения. Детей наказывали, но никто не выдал тайны нашей сечи. Заходили всегда со стороны ручья, с купалки, так что из деревни воришек не было видно. Разумеется, я тоже участвовал в налетах, но допустить, что ее Оттохе тоже среди воришек, она не могла. Поэтому все списывалось на «этих руссен», которые считались нечистыми на руку по рождению и по определению.

Бабка была неграмотна и помочь ничем не могла. Как-то в школе показали атлас. Мы с бабушкой достали из сундука свой, и я стал похваляться знаниями. Бабка сразу захотела узнать, где находится наше Дахайм и Америка. Дахайм я, разумеется, не знал, зато смог показать ей Америку: уже знал, что коричневый – это горы, зеленый – лес, синий – вода. Про два синих океана она заметила: «Как много воды. Наверное, это ихняя Волга...». Русского языка она не знала совершенно. Роль переводчика исполнял я. Часто от нее можно было слышать сетования типа: «Эх, если бы мне язык... давай, поучи меня... особенно ругаться (fluchen)».

Роль русского мата при достижении целей в общении с местным начальством она поняла очень скоро, и, кажется, сама. Языковые курсы мы вели, как правило, после сидения на плите, длинных разговоров за семечками, уже в постели под согретым одеялом. Разумеется, в программу входили оба пласта великого и могучего, но особого успеха в лингвистике мы не достигли.

Смысл самых смачных русских выражений по малолетству не понимал. И запоминал только звучание, а бабка тем более. Выражение «в душу мать» слышал довольно часто и хорошо помнил. С него и начали. Кажется, и бабка его запомнила, но когда через некоторое время опробовала его с отрепетированным жестом, раздался хохот. В бабкиной редакции это звучало как «ту же мать». Бабка подумала обо мне плохо, что нарочно что-то искажил.

Самое неприятное было то, что за бабкой «ту же мать, та же мать» приклеилось в качестве прозвища. Должно быть, Рихарду пришлось позже объяснять ей смысл всего выражения. Хотя повзрослев, стал сомневаться, что и Рихарду удалось передать всю диалектику и тонкости такого сложного явления русской духовной жизни, как мат, которого, как известно, в немецком языке нет, особенно сложности взаимоотношений между «матерью» и «душой» в процессе «русского секса».

Налоги в те суровые времена существовали почти на все, например, на яйца и шерсть, даже если хозяин не держал ни кур, ни овец. Самым распространенным был налог на молоко. Его на молоканку носили ребяташки. Была специальная книжка, в которой каждый раз отмечалось количество сданного молока. Время от времени замеряли жирность, и если она – ниже нормы, то увеличивали задание по молоку. За всеми налогами строго следили специальные агенты, как правило, женщины.

За ходом выполнения планов по сдаче налогов следили и в колхозе, и даже в районе. Иногда приезжали уполномоченные на колхозные собрания. Моя бабушка с удовольствием посещала их и тащила туда и меня. Там она заводила свою вечную песню про «два син и один снох в трудармей», а то и вспоминала «ту же мать».

Самое удивительное, что ей многое сходило с рук. Например, мы ни разу не выполнили налог на молоко. На молоканку ходил я: носил также стульчик и веточку от комаров к загону для скота. Сборище загона было традиционным местом сбора всей деревни, центром новостей и слухов.

Однажды к нам пожаловала налоговая агентша, с прутиком и обрывком веревки в руках. Бабка люто ее ненавидела и звала не иначе как «шепмайлих» и «мисгебурд», что по-русски было бы примерно «косорылка или криворотая, уродина», так как у нее, действительно, был дефект ротовой полости. Тетя эта сказала, чтобы я перевел, что она пришла забрать корову, так как мы не выполняем план по молоку. Я не сразу решился переводить, так как знал, какую бурю это вызовет.

«Waas!!?», – взревела бабка, выхватила из-под себя стульчик и бросилась в погоню. Разумеется, не догнала и бросила стульчик вдогон, но не попала. Одобрительный хохот: ибо кто же любит налоговых агентов. На следующий день я был снаряжен в Сельсовет жаловаться. Там под хохот канцелярских теток сцена была повторена с неизменной присказкой на счет «два син и один снох в трудармей».

Однажды агентша заявила зимой. У бабки как всегда болели пальцы, голова перевязана платком с сырой картошкой – проверенный способ исцеления от головной боли. И вообще, она была не в духе. Что нужно было бедной женщине на этот раз, не помню, но когда бабушка, не меняя позы, весьма усталым голосом сказала мне по-немецки: «Сына (а она чаще всего называла меня так), принеси-ка мне из сенцев топор, я этой заразе башку отрублю», должно быть, я изменился в лице, но перевел. Агентша выскочила мгновенно и, кажется, больше не беспокоила. Может быть, ей посоветовали отстать от скандальной старухи.

Бабушка была брезглива, и иногда над этим подшучивали. Поля во время войны были крайне запущены, и в них жило множество сусликов, зверьков весьма симпатичных. Мы, пацаны, имели там промысел: шкурка суслика принималась, кажется, за шесть копеек, а мясо ели не только пацаны, но и взрослые. Охота была коллективной, так как входов и выходов у норок было множество. Сусликов выливали, благо воды на полях было в избытке. Я, разумеется, тоже участвовал и в охоте, и в трапезе, но бабка о том не подозревала. Когда я первый раз рассказал, она даже ножик с золой вымыла.

И вот однажды она заходит к соседям. А там чудный мясной дух. Бабке объяснили, что корова повредила ножку курице, пришлось зарезать, и угостили мою брезгливую бабушку. Бабка расхвалила жаркое, а потом соседи под дружный хохот всей семьи поведали ей рецепт. Моих талантов не хватит, чтобы описать последовавшую за тем реакцию. Случай, как и эпизод с налоговницей, тоже вошел в анналы местного фольклора.

Кажется, в первом классе задумали нас принять в октябрята. Всем раздали по красному лоскутку и картонную звездочку. Предполагалось ту звездочку обшить. Как ни странно, это сделали не все: деды и старухи усмотрели в том что-то религиозное. Бабушка взяла эту тряпочку и изобразила жест, что ею подтирается: было от чего прийти в ужас. Никто не спросил, почему не ношу значок. Кстати, в пионерах я тоже не был.

В конторе

Раннее утро. На полу вдоль стен и лавок сидят «мужики»: парни призывного и допризывного возраста, бородатые деды и редкие мужчины, видимо, инвалиды. Все курят. Мы с бабушкой пришли просить быка – привезти дров. До этого трижды ходила хозяйка. При нашем появлении легкое оживление: «немчуренок пришел», кое-кто подтягивается к двери в половину председателя. Мы здесь – не первый раз, и молодежь ожидает спектакля.

Оба молчим. Очередь доходит до нас. Председатель: «Что у вас, зачем пришли?». Я молчу. Бабка: «Was froucht den der Wanst?»² Бабушка не справедлива к председателю – он не толстяк, не толстопузик, просто слегка полноватый мужчина. Был ли он на фронте, не знаю, а следов ранения не видно. Я: «Der froucht, was mir wolle»³. Бабка встряхивает меня: «Na Tunner Weder, du waast woll net, was mir wolle. Sachs dem, das mir kaa Holz hun. Es is kalt im Kwartier. Der Asch is mir an die Plitt gefrore»⁴. Все это добро-совестно перевожу. Раздается хохот. Хохочет и председатель. Бабка уже готова завести излюбленную про «два син и один снох в трудармей», но председатель уже послал на скотный двор: «Будет вам сегодня бык».

Отправляемся домой готовиться к встрече Гриши Бахаря.

Это местная достопримечательность: могучий мужчина, живущий в землянке с горбуньей Феклой. В лес он что-то на ноги надевал, а по деревне и зимой ходил босиком. У него была жива и мать: ее он любил катать на санях или телеге, с улыбкой на лице, гикая и посвистывая, сам впрягаясь в оглобли, на потеху нам, пацанам. Был он безотказный для любой работы, но любил хорошо и много покушать, и в дом, где его плохо покормили, он шел неохотно и не сразу. В мороз, вьюгу или буран он прислушивался к шуму ветра и бормотал: «Федька орет. Родька ревет». Говорили, что это его братья, где-то сгинувшие – то ли в тайге, то ли на севере на «великих стройках коммунизма».

Тот Гриша и привел на наш двор после сытного обеда быка, решившего наши проблемы.

Прошло уже 70 лет с тех пор, как Мальчик солнечным утром «примечтал» романтическую поездку. Много воды и слез утекло с тех пор. Мальчику сейчас уже много лет, и он разочаровался не только в вагонном туалете.

2 Что спрашивает этот толстяк (пузан)?

3 Он спрашивает, зачем мы пришли.

4 Черт побери, ты что, не знаешь, что нам надо. Скажи ему, что у нас нет дров. В комнате холодно. У меня жопа к плите примерзла.

Конечно, нельзя сказать, что мы, по-прежнему: «На реках вавилонских седомом и плакахом, вспоминая о Сионе», то бишь о Волге. Под наш случай вполне подходит хоть и менее возвышенная цитата: «Барон фон Грюнвальд-дис,/ сей доблестный рыцарь,/ все в той же позиции,/ на камне сидит».

Сейчас хватает доказательств, что сидеть нам вечно, и быть иначе не может. Впрочем, это сформулировал еще товарищ Микоян в пору надежд на приемы в ЦК КПСС: «Нельзя, кто же работать будет на вашем месте». Правда, был еще вариант Ельцина – Капустин Яр (где, возможно, и пригодился бы трудовой энтузиазм наших немцев, плюс помощь ФРГ). Вот вам и Поволжье, хе-хе...

У деда по матери была огромная семья, а разбросало ее по всему СССР, даже в Киргизии родня оказалась. Когда начала выходить газета для советских немцев, то была полна объявлений о поисках родственников. Мы были избавлены от такой необходимости: одна из теток была замужем за украинцем. Ему предлагали развестись, но он отказался. Благодаря той семье все списались, а после и перебрались в Сибирь.

В заключение замечу, что за время войны, пока советские немцы не были удалены с фронта, девять из них успели получить звание Героя Советского Союза (двое стали Героями России уже в постсоветское время за фронтовые подвиги). Допускаю, что героизм немцев преувеличивался в пропагандистских целях в первые недели войны, но это не национальное чванство, о котором говорят противники полной реабилитации. Может быть, впору говорить о национальной гордости? Только гордости не великогерманцев (это уже было, и кончилось плохо), а просто о гордости за страну, в которой выпало жить...

Краеведение

Имя в истории

Лариса Беспалова

Кандидат филологических наук,
«Отличник народного образования»,
награждена орденом «Знак почета»

Первый день Нового года – день памяти русского богатыря

1 января – день рождения Ильи Муромца

Уходят в прошлое век за веком, год за годом. Беззвучно и непрерывно текущее время уносит многое, но остаются наша история, великие дела и славные герои. А один из них – богатырь Илья Муромец, герой эпических песен-былин.

Древние произведения нашего героического эпоса широко бытовали на всей русской земле, а потом сохранялись, в основном, на русском севере. Там записывали их в XIX веке знаменитые фольклористы П. Рыбников, А. Гильфердинг и другие. Но сказывались былины и в нашем крае. В начале XX века крестьянский начальник Тюменского уезда Петр Алексеевич Городцов совмещал служебные обязанности с глубоко заинтересованным отношением к устному народному творчеству. В деревнях по рекам Тобол и Тавда он нашел много народно-поэтических произведений. От сказителя Луки Леонтьевича Заякина, жителя деревни Артамоновой, Городцов в 1907 году записал былинку об Илье Муромце в форме рассказа-побывальщины.

Наверно, все помнят хрестоматийные строки: «В славном городе Муроме, в славном селе Карачарове родился там детинушка Илья Муромец». Все знают о его чудесном исцелении от тяжелой болезни, о том, как он отправился в Киев к князю Владимиру, который знаменует в былинах единство Руси.

Илья выступает как идеальный богатырь-воин, защитник государства от внешних врагов и помощник бедных, вдов, обездоленных. Он посвящает себя общественному служению и лишен корысти. Когда побежденный им Соловей-Разбойник, много лет грабивший народ, стал предлагать за свое освобождение золотую казну, Илья не пошел на подкуп, он стоит на позициях нравственной жизни.

Вот Илья подъезжает к камню, от которого расходятся три дороги. Надпись на камне дает варианты выбора: богатому быть, женатому быть либо убито-

му быть. Богатырь выбирает третью дорогу и освобождает ее от разбойников. Возвратясь к камню, он пишет, что дорога очищена. Оказывается, богатыри были не только смелыми заступниками за народ, но и грамотными.

Илья Муромец возглавляет богатырскую заставу, защищающую от вражеских сил древнерусское государство с центром в Киеве. Застава зорко смотрит, «не проехал бы чужеземный нахвальщина», не принес бы вреда русской земле.

В большинстве былин Илья Муромец, сын Иванович, обрисовывается как человек из гущи народа, крестьянский сын. Но ему свойственно большое чувство человеческого достоинства. Однажды он уехал из Киева от князя Владимира, встретив невнимательное, неуважительное отношение к себе. Но когда напали враги, он находит в себе силы стать выше личных обид и идет на победоносный бой. Илья рисуется в былинах монументально, мощно: «Где повернется – там улицы, поворотится – часть площади». И конь его скачет «выше леса стоячего, чуть пониже облака ходячего».

Былины – не летопись, они не описывают точных событий, а выражают историческое сознание народа. Но давно на Руси сложилось убеждение, что Илья действительно существовал. В конце жизни он принял монашество и умер в Киево-Печерской лавре в 1188 году.

Илью Муромца знали и чтили не только на Руси, он пользовался известностью и в других государствах. В средневековых поэмах, посвященных немецкому витязю Дитриху Бернскому, есть и наш богатырь «Илья из Руси», «Илья русский».

В XVI веке Илья Муромец был канонизирован, то есть объявлен святым. В книге инока Киево-Печерского монастыря Афанасия Кальнофойского, напечатанной в 1638 году, повествуется о святых. Среди них назван Илья Муромец, живший, по словам автора, в XII веке. Мощи его покоятся в подземной нише Ближних пещер монастыря. Его память отмечалась 19 декабря, а по новому стилю – это 1 января.

Образ русского богатыря нашел широкое отражение в искусстве. Он воспет в стихотворениях и поэмах Н.М. Карамзина, И.С. Никитина и других. Прекрасно нарисовал его в балладе на фоне цветущей природы А.К. Толстой, подчеркнув народные черты богатыря:

*Под броней с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья.*

*Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь...*

Об Илье созданы драмы и повести, кантаты и симфонии. Композитор А.Н. Серов написал ораторию «Илья Муромец», где партию богатыря пел Ф.И. Шаляпин. Художник В.М. Васнецов в картине «Богатыри», над которой работал около 20-ти лет, воспроизвел могучий образ Ильи Муромца и его соратников Добрыню Никитича и Алешу Поповича. Прообразом Ильи на картине был крестьянин Иван Петров.

Увидев картину «Богатыри» на выставке в 1898 году, современник-искусствовед писал: «На картине видится не только впечатление силы, но еще впечатление благости, великодушия и добродушия, ими полон особенно Илья Муромец – главная срединная фигура». Написал современник и о том, что «художник зовет к самобытности, к уважению собственной истории и своих героев». Зовет к тому, чтобы мы критически относились к Западу, потому что Запад «лезет к нам, и много непрошенного и продажного мутит наш взор». Действительно, Васнецов не раз высказывал опасение, что «молодежь слишком безразборно смотрит на обольстительное и низкое», идущее с Запада. Он хотел, чтобы молодежь знала и ценила свое родное, национальное.

Как верна позиция Васнецова, высказанная сто лет тому назад! Сейчас нашу молодежь привлекают такие богатыри современной «цивили-

Репродукция картины «Богатыри» художника Виктора Васнецова.

зации», как Шварценеггер и подобные ему. Эти мускулистые «герои» стреляют, взрывают, рушат, льются лужи крови, а герои воплощают мстительную силу без моральных ограничений. В былинах же видна разница между злодейством и героизмом. Русские богатыри не злодействовали, а защищали Русь и народ от иноземных насильников.

В городе Муроме, на Воеводиной горе, на берегу Оки, в 1999 году поставлен памятник Илье Муромцу работы скульптора В. Клыкова. А в селе Карачарове (сейчас вошло в состав Мурома) потомками Ильи называют Гуциных, в частности, Евгения Васильевича. Перед его домом находится глубокий колодец, когда-то выбитый, как считают, копытом могучего коня Ильи.

Сейчас много Иванов, не помнящих родства. Они тащат к нам то с Запада, то с Востока многое чуждое для нас. В преддверии Нового года они усиленно навязывают восточный календарь, о котором поэт писал:

*С нескрываемым волнением,
Чуть приблизится январь,
Смотрим мы в оцепененьи
На восточный календарь.
Он зловещим полон смыслом,
Сердце екает в груди –
Только свиньи, только крысы.
Только змеи впереди...*

Накануне 2001-го года люди, бессмысленно придерживаясь восточного календаря, несли из магазинов... кобр и гадюк. Неужели приятно иметь дома змею, пусть и игрушку! А ведь Бог проклял змею за то, что она принесла в мир зло. Удивляешься людской неразборчивости и падкости на все чужое, даже такое неприятное, как змея.

Очень хотелось бы, чтобы церковь ввела в самый широкий обиход день поминовения Ильи Муромского-Печерского. Это способствовало бы укреплению русского национального сознания, тем более что мы – великий народ с тысячелетней культурой и героической историей.

Беспалова Л.Г.

«Тюмень из дальних и близких лет», издательство «Вектор-Бук», Тюмень, 2001 г.

Вера Кубочкина

Историк-краевед, член Союза журналистов РФ

Санкт-Петербург. Набережная Мойки, 12

**27 января 1837 г. – дуэль А.С. Пушкина
с кавалергардским поручиком бароном Дантесом**

Однажды моя знакомая сказала: «Надо ли говорить о том, как дорог нам Пушкин? Он входил в наше детство, когда читали «У лукоморья дуб зеленый...» и ждали чуда. Потом встречались с ним в пору юности уже другим, полным огромной любви ко всему живущему. И все, связанное с ним, бесконечно свято, и не отступает чувство боли и даже вины – как будто от тебя зависело жить в те времена и выбить из холодной руки недрогнувший пистолет...». И, конечно же, она была права. За все годы без Пушкина он стал чем-то неизмеримо большим, чем родоначальник русской литературы. И для каждого он непременно «свой».

Первое соприкосновение с Пушкиным

Вот и я хочу совершить небольшой экскурс в прошлое, когда, по существу, впервые в послевоенном Ленинграде соприкоснулась с творчеством великого поэта.

Осенью 1949 года, будучи студенткой-второкурсницей исторического факультета ленинградского вуза, с величайшим трудом проникла в Царскосельский лицей, где проходила юбилейная сессия Академии Наук СССР. Приглашены на нее были только действительные члены, члены-корреспонденты Академии Наук СССР, ведущие специалисты Института русской литературы (Пушкинского Дома).

Прекрасное утро. Город Пушкин встретил багряной осенней листвой деревьев, дворцами, хотя и носящими еще раны жестокой войны. И вот я – у заветного входа в лицей. К зданию идут солидные ученые мужи. Они подходят и сразу же растворяются в его вестибюле. Подхожу и я: девчонка с косами, в простом ситцевом платьишке, тряпичных босоножках. Но на пути преграда – строгий швейцар в ливрее. Пытаюсь доказать свое желание быть там. Бесполезно!

Необыкновенно приподнятое настроение, волнение от прикосновения к истории мгновенно исчезают, и появляются предательские слезы. Это наш «диалог» задержал у входных дверей не один десяток ученых. И тут появляется очень солидный мужчина. Поняв в чем дело, он разрешил мне пройти. Позднее я увидела его открывающим юбилейную сессию. Это был один из руководителей Института русской литературы Академии Наук СССР – Николай Бельчиков. С трепетом вхожу в зал, тот самый, посреди которого когда-то стоял Пушкин и читал стихи в присутствии Гавриила Державина. Бегло осматриваю его и поражаюсь размерам. Он показался маленьким, совсем не таким, каким запомнился по кинофильму о Пушкине, который видела еще до войны.

Надо ли говорить, какое впечатление на меня произвело торжественное заседание. Выступления ученых я тщательно конспектировала, в них было так много нового и интересного! В перерыве присутствующие осмотрели музей и комнаты – «кельи», где жили Пушкин и Пущин.

А через несколько дней я написала свой реферат, получивший оценку «отлично». Руководитель спецсеминара был немало удивлен моими знаниями. Пришлось в ответ на его вопросы рассказать и о своих похождениях.

Знакомый адрес

Адрес моего института (ныне университета) до сих пор остался прежним: Санкт-Петербург, Мойка, 48. Здесь я училась, тут же было и общежитие.

Сколько осталось воспоминаний! И сам город, и, конечно, наши преподаватели – представители старой интеллигенции. Достаточно назвать имена академиков Василия Струве, Дмитрия Лихачева, возглавлявшего Пушкинский Дом и в течение 20 лет работавшего по совместительству на кафедре русского языка и литературы нашего вуза. Незабываемы и курсы лекций по искусству, которые сопровождались экскурсиями в театры, музеи, по памятным местам Ленинграда.

Не раз посещали дом на Мойке, 12, который до сих пор хранит память о последних днях Пушкина. Вещи, документы, воспоминания его современников позволяют зримо представить события зимы 1837 года. В этот дом Александр Сергеевич со своей семьей переехал с дач на Каменном острове в сентябре 1836 года, заключив договор о найме квартиры первого этажа на два года. Здесь он много работал. Квартира на Мойке состояла из 11 комнат. Как говорил один из современников, «кабинет был просторный, светлый, чистый. Посреди стоял огромный стол про-

стого дерева, заваленный бумагами, письменными принадлежностями и книгами». И сейчас на этом столе стоит чернильница с арапчонком – подарок Павла Нащекина под Новый год («Посылаю тебе твоего предка с чернильницами»). Здесь же бронзовый колокольчик. Нож слоновой

О. А. Кипренский. Портрет поэта А.С. Пушкина, 1827 г.

кости для разрезания бумаг и книг, гусиное перо. На книжных полках – четыре тысячи книг на четырнадцати языках. Поэт всю жизнь собирал их.

... На следующий день после смерти все смогли прочитать некролог. Он начинался словами: «Солнце нашей поэзии закатилось!». Под ним было проставлено: 29 января – по старому стилю (10 февраля – по новому стилю), 2 часа 45 минут пополудни. В этот момент и остановилось сердце Пушкина. Часы в его кабинете перестали показывать время: Василий Жуковский придержал рукой маятник...

В феврале 1837 года, через две недели после смерти Пушкина, Василий Жуковский начертил план всей квартиры. Наталия Николаевна вскоре покинула Петербург и больше никогда не переступала порога дома на Мойке. Вещи и книги были вывезены.

И только в 1925 году на основе плана Жуковского и сохранившихся воспоминаний современников здесь создали мемориальный музей «Последняя квартира А.С. Пушкина».

К 150-летию гибели поэта (1987г.) здание реставрировали. Пушкинской квартире возвратили исторический облик.

Наше почтение

Еще в далеком 1899 году, к столетию со дня рождения поэта, стараниями городского головы, купца и мецената Андрея Текутьева распахнула двери первая бесплатная публичная библиотека в Тюмени, которой было присвоено имя Пушкина. К ее открытию Текутьев лично привез из Петербурга бронзовый бюст поэта. Книжный дом не раз менял свое место жительства. Но неизменным остались его название и добрые традиции.

В заречной библиотеке имени Пушкина г. Тюмени – рядом великий поэт и наш земляк Текутьев: скульптура и портрет, бронза и полотно.

И посещая это заведение, всегда вспоминаешь замечательные слова, сказанные Андреем Текутьевым более ста лет назад: «Пушкин был русский. Пушкин был русской весной, русским утром. В его стихах – вера в будущее Отечества. Безраздельно, беззаветно он слился с народной стихией. Поэт был просто не в состоянии отделить себя от той России, в которой он родился, в которой вырос, возмужал и которую возлюбил бесконечно, как сын любит свою мать. Имя поэта никогда не забудется. Он всегда – с нами, он – живой, он любимый – наш великий Пушкин».

Сергей Комаров

Доктор филологических наук,
профессор ТюмГУ

Константин Лагунов: место в культуре

В мирочувствовании Константина Лагунова многое, если не все, объясняет его принадлежность к поколению, явившемуся на свет именно в конце 1910-х – 1920-е годы. В статье на годовщину смерти Блока Осип Мандельштам пронизательно заметил: «Установление литературного генезиса поэта, его литературных источников, его родства и происхождения сразу выводит нас на твердую почву. На вопрос, что хотел сказать поэт, критик может и не отвечать, но на вопрос, откуда он пришел, отвечать обязан...». Лагунов принадлежит к поколению Абрамова, Астафьева, Бондарева, Володина, Самойлова, Солженицына, Трифонова, Шукшина. Не случайно в архиве его сохранились письма от Солженицына, Абрамова, Астафьева, Лакшина, Шафаревича. Часть из них опубликована в томе «Константин Лагунов: Книга памяти».

Не случайно он прилагал немало усилий, чтобы его сверстник Виктор Астафьев в свое время оказался жителем и писателем Тюмени. К сожалению, не получилось... А представляете, если бы все в этой истории по переезду Астафьева обернулось иначе еще в 1960-е годы.

Писателя и общественного деятеля не только благодарили за труды. Так, в период умирания советской цивилизации (1994 год) Лагунова один из авторов публично окрестил на страницах «Тюменских известий» человеком «с головой, повернутой назад». Там же через два года иронически сообщили о нем, что «короткое замыкание прозаика оказалось долгим». Причем, обе эти формулы были вынесены в заголовки материалов. В воспоминаниях о Лагунове коллег по писательскому цеху и сегодня встречаем такие оценки: «был он, конечно, сугубый традиционалист, истинный сын своего времени», «был из тех коммунистов, которые колебались вместе с линией партии».

Конечно, Лагунов был официальным и ответственным лицом, иначе ему бы не удалось возглавлять писательскую организацию самой большой области советской страны на протяжении двадцати лет. Но ведь мы понимаем, что сердце писателя – в его книгах, художественным текстом разгова-

ривает он со своим читателем. Открываем роман «Красные петухи» 1978 года издания и читаем текст, выполненный автором в форме несобственно прямой речи, то есть одновременно от повествователя и героя, а значит, выражающий так или иначе и авторскую позицию: «Красиво умирают русские мужики. Приемлют смерть как должное, не вымаливают у бога чуда, не хватаются судорожно за рясу, не проклинают, не плачут. Умирают, как и живут, – естественно и просто. Не зря перед кончиной завидовал им граф Толстой. Говорят, будущее России – фабричные рабочие с их чугунками, дымными шахтами и заводами. Нет, Россия держится на землепашце, на миллионах вот таких Силантиев. Русь зачата мужиком, им взлелеяна, вскормлена, вспоена, оборонена. Исконно мужицкая Русь погибнет без пахаря. А ему тяжко. Крошится, дробится крестьянский фундамент страны. Трещит, качается деревня, как и вся матушка Россия». Спросим: это ли официальная линия коммунистической партии, как бы она ни колебалась?

Лагунов был по убеждению и по природе своей русским мужиком. Если это будет нами понято, осознано, то сразу многое и объяснится в его феномене. Ставил задачу перед собой и всегда решал, слово держал – потому что мужик. Писал ежедневно, как землю пахал, – потому что мужик. Стал вопреки всем трудностям изучать закрытое официальной властью крестьянское восстание 1921 года в Тобольской губернии, чувствуя свой долг перед земляками, – потому что мужик. Писал большие, как вещь для хозяйства, романы и так (для собственного отдыха!) детские сказки, ведь надо «все по-серьезу», «без баловства» – потому что мужик. Да и сказки-то его с полукрестьянской философией: про труд, землю, дружбу, добро.

Константин Яковлевич Лагунов.

Он мог бы стать крупным детским писателем, если бы начал специализироваться в этой сфере, может быть, даже классиком детской литературы. Не случайно детские книги его так любимы уже несколькими поколениями сибиряков. Да и мультфильмы по ним весьма удачны, смотрбельны. И начинал ведь свою писательскую карьеру Константин Яковлевич именно с детских стихотворных книг – «Вертолет» (1958), «Перепляс» (1961). Одно из немногих сохранных им писем тех лет – письмо литературного секретаря Самуила Маршака.

Он всю жизнь интересовался человеком, считал человека «тайной», работал на возвышение его. Любимым автором Лагунова был Достоевский, одним из нелюбимых – Платонов, он не принимал стилевое слово создателя «Котлована». Один из коллег Лагунова по писательскому цеху вспоминает: «Среди «богемы» распространялось мнение о том, что в образности он проигрывает И. Ермакову и вообще писатель по властной обязательке. Сам Ермаков оговорился как-то, что у Константина Яковлевича из-за плохого зрения страдает зрительный образ, то есть следовало понимать: он выстраивал образ мысленно и шел от мысли-абстракции, а не от первичного восприятия натуры». Зато, акцентирует мемуарист, он «мастерски выстраивал характеры в динамике – крупными рельефными мазками писал».

Действительно, Константин Лагунов сознательно развивал линию русского философско-идеологического романа. Достоевский – Горький – Леонов – Залыгин – вехи этой линии. Духовная страстность героев, обилие рассуждений повествователя и персонажей, логическая четкость фразы, внимание к жизни идеи и человеку идеи, его самосознанию – таковы отличительные черты романов и повестей Лагунова. Сам же он говаривал: «От писателя после смерти остаются книги и периодика, все остальное позабывается, уносится ветром, как пыль».

В «Книге памяти» один из его молодых коллег Юрий Басков замечательно назвал Лагунова «тюменским «каторжанином» и по-писательски сильно закончил свой текст: «Юбиляр сидел на сцене рядом со стендом, на котором были выставлены его книги – плод его многолетнего каторжного труда. Писатель был счастлив. Хорошо вспоминать счастливого человека».

Краеведение

Наша история

Павел Белоглазов

Директор Ялуторовского музейного комплекса, член Союза журналистов РФ, лауреат губернаторской премии «Золотое перо», «Легенда тюменской прессы»

Город декабристов

155 лет назад «первенцы свободы» вернулись из сибирской ссылки

«Опальной столицей декабристов» назвала Ялуторовск известная поэтесса Юлия Друнина, шагнувшая в 1942 году на фронт с порога Ялуторовского райвоенкомата. И это не только поэтическая метафора. С 1829 по 1856 год у нас находились на поселении девять декабристов. Шестеро из них тесно связаны с Южным обществом декабристов, самым радикальным крылом декабристского движения. «Южане» – полковник В.И. Враницкий, из рода чешских пивоваров, и подполковник артиллерии А.В. Ентальцев, герои Отечественной войны 1812 года, нашли вечное успокоение в ялуторовской земле. Место захоронения первого достоверно не установлено, могила последнего – памятник федерального значения. На поселении в Ялуторовске в разные годы также находились члены Южного общества декабристов: поручик А.И. Черкасов, представитель древнего баронского рода; полковник, командир Полтавского полка В.К. Тизенгаузен, род которого тоже имеет баронские корни; поручик Н.В. Басаргин, оставивший потомкам записки о Сибири. Наиболее известные представители дружной ялуторовской колонии декабристов – лицейский друг Пушкина И.И. Пущин, князь Е.П. Оболенский, И.Д. Якушкин и, конечно же, М.И. Муравьев-Апостол – старший брат командира Черниговского полка С.И. Муравьева-Апостола, в числе пяти декабристов казненного на кронверке Петропавловской крепости.

Декабристское наследие можно с полным основанием назвать градообразующим фактором, определившим досоветскую, советскую и постсоветскую историю Ялуторовска, в отличие от многих городов за Уралом сохранившего материальные свидетельства пребывания «лучших из дворян» в Сибири. Я говорю еще о трех памятниках федерального значения – первой в Сибири школе для девочек, основанной в 1846 году И.Д. Якушкиным при содействии протоиерея Сретенского кафедрального собора С.Я. Знаменского, мемориальных домах М.И. Муравьева-Апостола и И.Д. Якушкина, входящих в состав историко-мемориального музея Ялуторовского музейного комплекса, выросшего из первого в СССР музея памяти декабристов. Они пережили и своих хозяев, и социальные

катаклизмы двадцатого столетия. Статус исторического города России, присвоенный Ялуторовску в 1970 году, наполнен воздухом декабризма.

В 350-летней истории г. Ялуторовска особое место занимает деревянный дом, в котором два десятилетия провел русский дворянин Матвей Иванович Муравьев-Апостол со своей спутницей жизни Марией Константиновной. Во-первых, это историческое здание, появившееся на свет в конце XVIII века, среди своих деревянных собратьев являет пример долгожителя. Подобных ему по возрасту строений в Западной и Восточной Сибири – единицы. А по знатности, во-вторых, оно может поспорить с княжескими усадьбами Волконских и Трубецких в Иркутске. Его внешний облик и внутренний интерьер запечатлены на рисунках художника Михаила Знаменского, воспитанника декабристской школы.

Местные краеведы восстановили многовековую биографию дома-легенды, главного экспоната Ялуторовского музейного комплекса и главной достопримечательности города. В научных исследованиях помог и сам Матвей Иванович, не шутки ради, а «для пользы и удовольствия будущих археологов» положив под плаху чернового пола бутылку с духовным завещанием потомкам, где она и пролежала с 1849 по 1935 год. Это тоже уникальный музейный предмет, единственный и неповторимый. На пожелтевшем от времени листке бумаги рукой Муравьева-Апостола выведено:

«По преданиям этот дом построен в последних годах царствования Екатерины 2-й Егором Прокофьевичем Белоусовым.

В 1838 году по кончине Егора Прокофьевича этот дом был куплен государственным преступником Матвеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом.

В 1839 году Муравьев поднял и переделал совершенно этот дом.

В 1849 году из сеней сделана комната и печь, под которой Муравьев кладет эту записку».

Автор «Записки» также отмечает, что до него в этом доме некоторое время проживал князь Сибирский, кригс-комиссар, который был сослан Павлом I в последний или предпоследний год его царствования за то, что Преображенский полк явился к разводу в новых мундирах неуставного цвета.

В Россию князь возвратился после восшествия на престол Александра I. При этом упоминается очень важная деталь: опальный генерал оштукатурил занимаемую им комнату. Это было в Сибири в диковинку. И еще одна интересная подробность: князь происходил из рода сибирского хана Кучума, потомки которого служили московскому царю верой и правдой.

Точную дату постройки дома – 1795 год – установил в 1993 году И.С. Терентьев, бывший директор Ялуторовского музея. Из документов, найденных им в Государственном архиве Тюменской области, стали известны и другие важные подробности. Согласно купчей крепости, дом декабристу за 500 рублей серебром продала Пелагея Аласина, дочь мещанина Е.П. Белоусова,

«по разрешению господина генерал-губернатора Западной Сибири и согласию Ялуторовского городничего». Дом стоял в приходе церкви Вознесения Господня, где, к слову сказать, в 1841 году крещен Савва Иванович Мамонтов, в будущем известный промышленник и меценат. В 1856 году М.И. Муравьев-Апостол, готовясь к отъезду в европейскую Россию, оформил доверенность на продажу дома на Н.В. Басаргина. Женатый на старшей сестре Д.И. Менделеева Ольге Ивановне, владевшей мельницей, Николай Васильевич по деловым надобностям дольше всех декабристов задержался в Ялуторовске, и ему пришлось урегулировать житейские дела своих товарищей. Лишь в 1858 году он продал дом помещику В.А. Васильеву.

В дальнейшем сменилось несколько хозяев. В 1880 году, когда домом владела Н.К. Меньшикова, он был описан по претензиям кредиторов и продан за 451 рубль серебром А.А. Тараканову, секретарю городской управы. А вскоре здесь был открыт первый в городе рейнский погреб. Усадьба «с постройками длиннику 27 и поперечнику 27 сажень» включала в себя две конюшни, амбар, погреб, кухню и баню. С 1887 по 1915 год домом владели Августа Васильева, крестьянка Суерской волости Ялуторовского округа, и ее наследники.

На 12 лет летопись дома прерывается. Кто в нем жил во время революции, Гражданской войны, крестьянского восстания 1921 года, доподлинно неизвестно. Второе рождение дома связано с именем Ивана Юрьевича Озолина (1864-1947), агронома и краеведа, первого директора Ялуторовского музея. В Сибирь его забросили вихри Гражданской войны. Озолин становится работником Тюменского губсовнархоза, создает советское хозяйство из того наследства, что осталось от купцов Колмаковых, Поклевских-Козелл, Жернаковых, заведует коммунами округа, работает районным агрономом в Ялуторовске. И все это время его не покидает страсть к краеведению.

Неудивительно, что именно он оказался в числе приглашенных 9 ноября 1927 года на открытие краеведческого музея в помещении городской библиотеки, а через три года, когда экспонатов стало много, предоставил под них две комнаты в своем доме, став хранителем, смотрителем и директором в одном лице. Жил же он в доме М.И. Муравьева-Апостола. В 1935 году, ремонтируя печь, Иван Юрьевич нашел бутылку с «Завещанием» декабриста.

Из документов Государственного архива Омской области видно, сколько усилий прилагал новоявленный музейщик, чтобы наладить музейное дело. Сохранилась его переписка с такими авторитетными специалистами, как А.Ф. Палашенков и П.А. Россомахин. Даже до Москвы не боялся достучаться! Особенно сложно пришлось в 1941-1944 годах, когда в музее жили эвакуированные из Ленинграда журналисты, а экспонаты хранились на улице. Озолина практически заново пришлось восстанавливать свое детище, и уже в мае 1944 года краеведческий музей памяти декабристов вновь открыл свои двери для посетителей.

В середине 1990-х годов дом М.И. Муравьева-Апостола был отреставрирован. Ежегодно он принимает тысячи людей со всех уголков России и из-за рубежа, в том числе и потомков декабристов, разбросанных по всему белу свету. Дважды приезжала сюда из Ниццы Мари Вуарен Бибикофф, праправнучатая племянница Матвея Ивановича. В дни, когда проводится областной историко-культурный фестиваль «Декабристские вечера», здесь звучат стихи, романсы под звуки старинного фортепиано. В музейных экспозициях вела съемки фильма «Одна любовь души моей» режиссер Наталья Сергеевна Бондарчук. Особую ауру этого удивительного места хорошо прочувствовала Лидия Либединская:

*«Я в этот дом вхожу с благоговеньем,
Как выразить признательность свою?
Здесь помнят все: высоких дум стремленье,
Надежду, верность, дружбу и терпенье,
Закованные в ледяном краю.
Закат погаснет, в окнах розовея,
И явится, бесшумна и легка,
Тень братьев – Ипполита и Сергея,
Черниговцев бессмертного полка.
Матвей Апостол сядет у камина,
Нахмурится Якушкин – писем нет давно,
И Пущин в день лицейской годовщины
Поднимет здесь печальное вино».*

Переживший все социально-политические потрясения, стоящий по прихоти судьбы на улице Революции, дом декабриста одинаково притягивает к себе и левых, и правых, и бедных, и богатых, и детей, и взрослых. Дом живет полнокровной жизнью и трудится на ниве просвещения новых поколений сибиряков.

Так и Ялуторовск, вступив в двадцать первый век, продолжает именоваться городом декабристов. Память о них нашла отражение в названии городских улиц, школы, привокзальной площади, в центре которой находится мемориал с фигурами девяти ссыльных (работа лауреата Ленинской премии скульптора В.Е. Матросова). Их именем названа роща, где они любили гулять, оказавшаяся сегодня в черте города. Наш земляк поэт Григорий Пятков в одном из своих стихотворений, обращаясь к родному Ялуторовску, очень точно сказал: «Он весь – как песнь о декабристах...».

Сегодня в России по-разному относятся к тем, кого Герцен назвал «гигантами». Но мы, сибиряки, всегда с благодарностью говорим о сибирском подвиге декабристов, которые принесли в наш край просвещение и свободомыслие.

Два десятка светлых декабрей

Зародившись на закате советской эпохи, пройдя по бурному морю горбачевской перестройки и ельцинских рыночных реформ, с высоко поднятой головой вступив в новый век и новое тысячелетие, историко-культурный фестиваль «Декабристские вечера» хранит и творчески развивает лучшие традиции российской культуры, ежегодно становясь событием в интеллигентной среде не только Ялуторовска, но и всего Тюменского региона. В колеблющемся пламени свечей, зажигаемых в мемориальном доме М.И. Муравьева-Апостола, можно увидеть и ностальгию по духовному общению, и сегодняшнее состояние духовности, изо всех сил сопротивляющейся натиску коммерциализации, и робкий свет в конце длинного тоннеля, ведущего в грядущее.

Больше двух десятилетий творческого горения, поиска новых идей, соприкосновения с лучшими образцами вечного искусства, общения с интереснейшими людьми и творческими коллективами, гостями города и музея, потомками декабристов – вот что такое «Декабристские вечера» в Ялуторовске. Давайте перелистаем некоторые их страницы, наслаждаясь каждым глотком напитка, выдержанного в дубовой бочке времени.

Первый фестиваль «Декабристские вечера» состоялся 12-17 декабря 1988 года. И сразу же была высоко поднята планка взыскательности, ниже которой нельзя было опускаться ни в коем случае. Именно с тех пор духовным стержнем всех фестивалей стал салонный вечер «Зажгутся свечи в доме Муравьевых», который провела научный сотрудник Н.К. Лыкова. Его участниками стали член Союза художников СССР, скульптор Г.П. Вострецов, писатель А.И. Васильев, автор книги о В.К. Кюхельбекере, творческая интеллигенция г. Ялуторовска. Ансамбль скрипачей привела Т.С. Тренина. М.Д. Прокопьев с дочерью Ириной танцевали мазурку. Народный театр поставил фрагмент пьесы В. Котенко «Железный занавес». Роли исполняли: Михаил Медведев, Любовь Потапова, Анатолий Мясников, Любовь Калинина, Александр Попов. Virtuозно играли на гитарах Н.Н. Шитик и П.И. Химич. В.П. Ахтырский прочитал новое стихотворение «Пионеры свободы». С большим накалом прошли и городские мероприятия. В новеньком здании детской музыкальной школы дал концерт симфонический оркестр Тюменского училища искусств под управлением Е.Н. Шапиро. Тюменская областная филармония провела вечер старинного романса. На сцене городского Дома Культуры выступал ансамбль танца «Зори Тюмени», начавший тогда восхождение к Олимпу большого искусства.

Главным событием второго фестиваля (11-16 декабря 1989 г.) стал концерт старинной духовной музыки в исполнении архиерейского хора Кресто-Воздвиженского кафедрального собора (г. Омск) под управлением регента А.А. Пивоваровой, на котором присутствовал владыка Феодосий, архиепископ Омской и Тюменской епархии. В музее прошла встреча с тобольским писателем Юрием Надточием, который прочитал отрывки из своей повести

«Пробуждение». На салонном вечере блистала исполнительница романсов Н.Ф. Мальцева. Звучал старинный музыкальный инструмент – фисгармония.

1990 год. Фестиваль открылся митингом на мемориальном кладбище, посвященном 165-й годовщине восстания на Сенатской площади. Впервые на салонном вечере выступали учащиеся и преподаватели Тюменского училища искусств. Народный театр ставил сцену из спектакля Г. Гладкого «Мария Волконская». В большой праздник музыки вылился концерт ансамбля скрипачей Сибири под управлением Михаила Пархимовского.

1991 год. Вместо фестиваля горожан потчевали общением с потомками С.И. Мамонтова, которые приезжали в Ялуторовск по случаю его 150-летия.

30 октября 1992 года неподалеку от памятника А.В. Ентальцову было установлено памятное надгробие Вацлаву Враницкому. И 14 декабря, в первый день фестиваля «Декабристские вечера», к могилам декабристов были возложены венки. Это тоже стало традицией. В октябре 1992 года Ялуторовск посетил правнучатый племянник М.И. Муравьева-Апостола Андрей Владимирович Муравьев-Апостол-Коробин с женой. В то время он возглавлял Международную Федерацию социальных работников, штаб-квартира которой находилась в Женеве.

В рамках V городского фестиваля «Декабристские вечера» (9-14 декабря 1993 г.) в музее прошли «Якушкинские чтения». В них приняли участие: Варвара Ивановна Осмоловская, старший научный сотрудник биологического факультета МГУ, зоолог, праправнучка И.Д. Якушкина; потомки купца Н.Я. Балакшина – Кира Константиновна Карташова, праправнучка, доктор архитектуры и Олег Борисович Балакшин, праправнук: доктор технических наук; ответственный секретарь Московского отделения Российского общества «Наследие декабристов» А.А. Лучшева и члены общества – В.И. Поляков, М.А. Кукулевич, А.П. Жигулевцева. Из общегородских мероприятий следует выделить встречу с исполнителем авторской песни Михаилом Кукулевым и презентацию книги Анатолия Омельчука «Манящий свет звезды полярной».

Главным событием VI городского фестиваля «Декабристские вечера» (14-18 декабря 1994 г.) стало торжественное открытие после реставрации дома М.И. Муравьева-Апостола и развернутой в нем экспозиции «Декабристы в Ялуторовске». От Московского отделения Российского общества «Наследие декабристов» на нем присутствовали В.И. Поляков и А.А. Лучшева, а также правнучка воспитанника декабриста Г.С. Батенькова – А.Э. Лучшева.

Кульминация VII городского фестиваля «Декабристские вечера» (1995 г.) – открытие отреставрированного мемориального дома И.Д. Якушкина с двумя экспозициями: «Декабрист И.Д. Якушкин, ученый, просветитель, человек», «Сибирский мещанский интерьер XIX века». В торжестве приняли участие гости из Москвы: праправнук декабриста Иван Георгиевич Якушкин, доктор физико-

математических наук, праправнук декабристов В.С. Норова и П.С. Поливанова, А.М. Поливанов с женой, В.И. Поляков, член Московского отделения общества «Наследие декабристов». В доме М.И. Муравьева-Апостола ялуторовский народный театр поставил литературный спектакль «Иван Якушкин». На здании краеведческого музея была открыта памятная доска И.Ю. Озолину, краеведу, Почетному гражданину города Ялуторовска, в городском Доме культуры состоялся концерт исполнительницы романсов Валентины Пономаревой.

С 1996 года фестиваль носит статус областного. Главные его мероприятия в тот год были посвящены 200-летию со дня рождения видного декабриста князя Е.П. Оболенского. В научно-практической конференции «Культура исторического города: пути сохранения и развития», организованной совместно с Российским институтом культурного и природного наследия, приняли участие ученые и музейщики из Москвы, Тюмени, Ишима, Тобольска, Сургута. В 1996 году в Ялуторовск приезжал праправнук Е.П. Оболенского Владимир Николаевич Токарев, подполковник, инженер-конструктор, с женой Людмилой Николаевной. Впервые возложены цветы к мемориальному комплексу декабристов на Привокзальной площади, к мемориальным доскам И.Ю. Озолину, Н.В. Зубареву, Е.П. Оболенскому. В сопровождении струнного оркестра проникновенно прозвучало бессмертное творение итальянского композитора Перголези «Stabat mater» в исполнении хора учащихся детской музыкальной школы.

IX областной историко-культурный фестиваль «Декабристские вечера» прошел в два этапа. В ноябре 1997 года в рамках празднования 70-летия музея состоялась научно-практическая конференция «Декабристы в Сибири: проблемы, исследования, открытия» с участием доцента Иркутского госуниверситета, крупного декабристоведа С.Ф. Коваля, директора Иркутского музея декабристов Е.А. Ячменева, заведующего научно-информационным отделом Бородинского военно-исторического музея-заповедника Д.Г. Целорунго, научного сотрудника ГИМа Л.Л. Бойчук.

X областной фестиваль (8-14 декабря 1998 г.) был посвящен 200-летию И.И. Пущина и А.С. Пушкина. «Иван и Александр» – так символично назывался мини-спектакль по запискам И.И. Пущина, песням Булата Окуджавы, стихам А.С. Пушкина в исполнении главного (тогда) режиссера Тюменского театра кукол и масок Г.М. Гольдмана.

«Пушкин через два столетия» – главная тема XI фестиваля (9-14 декабря 1999 г.). В музее на музыкальном салоне «Романса звук прелестный» блистали лауреат международных конкурсов Ирина Бибеева, аккомпаниатор Валентина Багрова, Надежда Мальцева, а также молодые исполнители. Тюменский театр драмы и комедии привез в Ялуторовск спектакль «Барышня-крестьянка», а Тюменская филармония – концерт «Моцарт и Сальери» в исполнении симфонического оркестра и хора «Ренессанс».

Очень насыщенной была программа XII фестиваля (7-14 декабря 2000 г.), проходившего в рамках общероссийской акции «Первенцы свободы». Поддержан институтом «Открытое общество» (Фонд Дж. Сороса). В научно-практической конференции «Сенатская площадь – Сибирь. Дорога длиною в 175 лет» приняли участие: И.А. Сердюков, генеральный секретарь Российского Союза Исторических городов и регионов, Н.А. Формозов, потомок И.Д. Якушкина, профессор МГУ, Ю.А. Дворяшин, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Сургутского педагогического института. При участии губернатора Тюменской области Л.Ю. Рокецкого, потомков купца С.К. Воробейчикова из Москвы, Екатеринбург, Красноярск состоялось открытие музея «Дом природы». В краеведческом музее открылась выставка «Хлеб и Масло Сибири», поддержанная Фондом Сороса. Музыкально-литературный салон в доме М.И. Муравьева-Апостола украсили выступления исполнительницы авторских песен и романсов Юлии Шаламовой, исполнителя игры на классической гитаре, составителя словаря-справочника «Классическая гитара в России» Михаила Яблокова. В Тюмени, Тобольске, Ялуторовске, Ишиме прошли Дни культуры исторических городов.

Культурная инициатива «Сибирский подвиг декабристов», поддержанная Фондом Сороса, стала стержнем XIII и XIV фестивалей «Декабристские вечера» в 2001-2002 гг. В них приняли участие ансамбль «Брамс-трио» Московской филармонии, лауреат международных конкурсов Михаил Цинман (скрипка) и другие известные исполнители. Любительский коллектив ДК «Геолог» (г. Тюмень) выступил со спектаклем «Граф Нулин». 11 декабря 2002 года в актовом зале администрации города прошла научно-практическая конференция «Сибирский подвиг декабристов», на которой выступили: А.К. Нарышкин, профессор Московского энергетического университета, потомок декабриста М.М. Нарышкина; В.А. Ефремова, член Московского общества «Наследие декабристов»; Т.А. Перцева, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Иркутского музея декабристов; Е.А. Ячменев, директор этого музея; О.И. Еремеева, зав. отделом истории духовной культуры ТГИАМЗ. Ведущим торжественного открытия фестиваля был заслуженный работник культуры РФ В.М. Волчек. Литературно-музыкальный салон «Музыка в жизни декабристов» организовали гости из Иркутска: Галина Григорьева (лирико-колоратурное сопрано), Евгений Ячменев (драматический тенор, фортепиано, ведущий), Юрий Исаев (фортепиано), Александр Чернышев (художественное слово). На торжественном закрытии фестиваля состоялась кинопреьера фильма «Одна любовь души моей» с участием заслуженной артистки России, кинорежиссера Натальи Бондарчук.

XV фестиваль, посвященный 210-летию М.И. Муравьева-Апостола и И.Д. Якушкина (11-14 декабря 2003 г.), ознаменовался приездом потомка девяти декабристов (Муравьевых-Апостолов, Муравьевых, Вадковского, Лунина) Мари Вуарен Бибикофф из Ниццы (Франция) и О.М. Кравченко,

представителя Московского общества «Наследие декабристов», художницы, занимающейся иконографией декабристов. В краеведческом музее открылась выставка «Художник Михаил Знаменский. Жизнь и творчество». В заключительный день фестиваля состоялась презентация документального фильма о г. Ялуторовске режиссера А.Н. Батрака.

Тема XVI фестиваля «Декабристские вечера» в 2004 г. – «Замечательная страна Сибирь». В школе им. Декабристов прошла встреча «Мы претворяли их мечту» с Героем Социалистического Труда, бывшим директором Заводуковского ОПХ В.И. Архиповым. Юбилейный концерт композитора Геннадия Цибульского и русского народного хора Дворца культуры железнодорожников (г. Тюмень) прошел на сцене киноконцертного зала «Юбилейный».

В два этапа проходил XVII фестиваль «Декабристские вечера», проводимый в рамках Международной акции «Товарищ, верь!..», посвященной 180-й годовщине восстания декабристов. Среди его учредителей: комитет по культуре Тюменской области, Международная общественная организация «Мужество и гуманизм», Российско-Белорусское общество «Славомир». Фестиваль открылся 18 ноября 2005 года торжественным митингом у мемориала декабристов на Привокзальной площади. В музейных чтениях приняли участие: Е.А. Бонч-Осмоловская, потомок декабриста И.Д. Якушкина, заведующая лабораторией института микробиологии РАН; Т.С. Макеева, директор дома-усадыбы декабриста М.И. Муравьева-Апостола в Москве; Т.П. Савченкова, кандидат филологических наук, преподаватель Ишимского пединститута им. П.П. Ершова; Н.Л. Проскуракова, заведующая музеем П.П. Ершова в Ишиме. 8 декабря 2005 г. в рамках второго этапа фестиваля в краеведческом музее открылась выставка «Мир русской женщины» из фондов Тюменского областного краеведческого музея.

При финансовой поддержке департамента стратегического развития Тюменской области проходил XVIII фестиваль «Декабристские вечера» (7-14 декабря 2006 г.). В работе научно-практической конференции «Наследие декабристов – развитию Сибири» приняли участие: Т.А. Перцева, кандидат исторических наук, доцент Иркутского университета, ответственный секретарь редакционной коллегии альманаха «Полярная звезда», заместитель директора по научной работе Иркутского музея декабристов; Л.Я. Подольская, кандидат исторических наук, доцент Иркутского филиала государственной юридической академии; И.Л. Егорова, старший научный сотрудник ТГИАМЗ; В.Д. Юшковский, соискатель Томского государственного университета; З.Ф. Мачихина, директор Туринского музея декабристов. В школе имени Декабристов прошел костюмированный бал «Романтика прошлых столетий». Наталья Бондарчук представила новый фильм «Пушкин. Последняя дуэль». В историко-мемориальном музее состоялась презентация выставки «Породнен с Ялуторовском», посвященной 210-летию Е.П. Оболенского.

В 2007 г. XIX фестиваль «Декабристские вечера» также проходил при финансовом содействии департамента стратегического развития. Научно-практическая конференция «Наследие декабристов – развитию Сибири» была посвящена 195-летию Отечественной войны 1812 года и 80-летию первого в Сибири музея декабристов в Ялуторовске. В ней приняли участие: В.Д. Зимнев, глава г. Ялуторовска; К.Э. Кузнецова, председатель декабристской секции Государственного музея истории Санкт-Петербурга; Т.Н. Ознобишина, правнучатая племянница декабриста В.Н. Лихарева, архитектор из Санкт-Петербурга; С.М. Жабинский, научный сотрудник Иркутского музея декабристов; С.А. Пахомчик, кандидат экономических наук, профессор, директор института геологии и геоинформатики Тюменского государственного нефтегазового университета; А.Е. Стефашов, кандидат филологических наук, доцент Тюменской государственной академии искусств и культуры; Ю.А. Петров, заведующий сектором истории департамента внешних и внутренних связей Центрального банка России, доктор исторических наук; сотрудники Ялуторовского музейного комплекса – А.Г. Болотова, О.Г. Коржень, И.В. Петелина, Т.Г. Бурлакова, Л.А. Плоскова. На торжественной ноте прошел праздничный вечер «Я в этот дом вхожу с благоговением...», посвященный 80-летию музейного комплекса, с участием лучших творческих коллективов города. В краеведческом музее состоялся вечер, посвященный памяти Героя Социалистического Труда, директора школы имени Декабристов Я.В. Бородина. Санаторий-профилакторий «Светлый» стал местом проведения первого костюмированного бала «На балу у Наташи Ростовской». В центральной городской библиотеке состоялась презентация электронного фильма «Письма из Сибири». Фестиваль закрылся концертом ансамбля танца «Зори Тюмени» и возложением цветов к могилам декабристов.

14 декабря 2008 г. в Ялуторовске завершился XX областной историко-культурный фестиваль «Декабристские вечера». Организаторы остались верны традиции. В этот памятный и трагический для декабристов день противостояния 1825 года на Сенатской площади Санкт-Петербурга к подножию памятников А.В. Ентальцеву и В.И. Вранцкому, умершим в ялуторовской ссылке, были возложены цветы. А закрыли фестиваль хоровые коллективы детской школы искусств.

Не мною сказано: «Человечество живет, пока помнит!». Юбилей фестиваля стал хорошим поводом взыскательно оглянуться на пройденный путь, с высот современности оценить декабристское наследие, воздать должное тем, кто бережно сохраняет и преумножает его. За два десятилетия этот духовный форум пережил немало тяжелых периодов, связанных со сменой общественно-экономической формации, развалом экономики и крушением нравственных основ, однако смог выстоять и расправить крылья, выйдя на общероссийский простор. Выстоит, надо полагать, и сейчас, пред натиском мирового экономического кризиса. Участвуя

в интернет-проекте «Семь чудес России», Ялуторовский музей вошел в первую двадцатку чудес страны, получил второе «золото» на Межрегиональном конкурсе «Евразия. Музей года-2008» в Екатеринбурге, а также назван лучшим музеем нашего региона, в рамках престижного конкурса на лучшую организацию туристической индустрии Тюменской области.

Двадцатый декабрь в Ялуторовске запомнился творческим общением с потомком декабриста Н.А. Бестужева – Татьяной Ситниковой, историком и педагогом из Новосибирска; презентацией каталога исторических городов Тюменской области; открытием необычной выставки «Тайна веера» в мемориальном доме М.И. Муравьева-Апостола. Для тех, кто интересуется иконографией декабристов, настоящей сенсацией стала демонстрация Сергеем Филем неизвестного портрета Н.Д. Фонвизиной, одной из одиннадцати отважных женщин, последовавших за своими возлюбленными в добровольное изгнание в Сибирь. Развернутая в фойе Дворца культуры музейная выставка «Времен дыханье, связь эпох» раскрыла двадцатилетнюю историю фестиваля «Декабристские вечера» в Ялуторовске – заслуженные работники культуры РФ Любовь Могутова и Владимир Волчек. Гурманы высокого искусства были очарованы блистательным выступлением лауреата Международных и Всероссийских конкурсов вокалистов Ларисы Луста (Санкт-Петербург) на сцене Дворца культуры. Очарованная городом декабристов примадонна петербургской эстрады выложились, что называется, по-настоящему и заключительные романсы пела вместе с залом под нескончаемые аплодисменты. Восторженная публика рукоплескала стоя. Выражаясь высоким слогом, можно сказать: вновь силой большого искусства переброшен духовный мостик между Санкт-Петербургом, где берет начало гражданский подвиг декабристов, и Ялуторовском, с легкой руки Юлии Друниной названным «опальной столицей декабристов».

Юбилейный фестиваль прошел при финансовой поддержке департамента стратегического развития Тюменской области, и не случайно в его программе было несколько крупномасштабных мероприятий, направленных на популяризацию туристического продукта. Это и вечер при свечах в ресторанно-гостиничном комплексе «Ретро», и турнир по бильярду, и исторические балы во Дворце культуры и Центре национальных культур и ремесел с участием гостей города, и первые «Якушкинские катания» в ледовом Дворце спорта. И в этом не было никакой натяжки. И.Д. Якушкин, как известно, первым в Сибири встал на коньки, положив начало конькобежному спорту. Обстановка была максимально приближена к атмосфере XIX века. Туристы, пожелавшие с помощью турфирмы «Глобус» окунуться в эпоху декабристов, имели возможность облачиться в соответствующий реквизит – от роскошного вечернего платья до гусарского одеяния. Полученные по конкурсу средства были также направле-

ны на изготовление красочных баннеров, установленных на федеральной трассе Тюмень-Омск, издание буклета и компакт-диска «Двадцать светлых декаблей», третьего выпуска альманаха «Ялутур-городок».

На фестивальных мероприятиях в музее и учреждениях культуры, на экскурсиях по достопримечательностям Ялуторовска, с посещением декабристских могил, осмотром деревянного острога, строящегося Сре-тенского кафедрального собора, находящихся на реставрации «Торговых рядов», можно было встретить множество гостей из Тюмени и Нижневар-товска, Заводоуковска и Упорова. Приезжали целыми семьями, организо-ванными туристическими группами. Педагоги тюменской гимназии № 83 с лингвистическим уклоном сочли нужным посетить музыкальный салон в доме-музее декабриста М.И. Муравьева-Апостола, и в его залах звучала иностранная речь. Еще один салон был проведен для международной организации фармацевтов. Турфирма «Континент» привезла тюменских школьников, чтобы глубже познакомить с историческим наследием горо-да. Теперь уже ни у кого нет сомнения: Ялуторовск становится одним из самых привлекательных для туристов городов Тюменской области.

14 декабря 2009 г., в очередную годовщину выступления декабристов на Сенатской площади Санкт-Петербурга, завершился областной фестиваль «Декабристские вечера» с двадцать первым порядковым номером. В этот день алые гвоздики легли к подножию памятников декабристам А.В. Ентальцева и В.И. Враницкого на старом кладбище Ялуторовска, как и в других городах России, где чтят память достойных сынов Отечества.

Ялуторовск, не так давно отметивший свое 350-летие, становится круп-ным центром Западной Сибири, хранящим наследие декабристов, по-добно Иркутску – в Восточной. «Декабристские вечера» (10-14 декабря) со всей очевидностью продемонстрировали эту объединительную роль. Культурный форум заинтересовал музейщиков Березова, Тобольска, Кургана, Заводоуковска, Голышманово, Исетского, культурные круги из Тюмени и Ростова. Столицу представляли член Московского общества «Наследие декабристов» Щипилова и И.В. Фролова, потомок декабриста В.К. Тизенгаузена. И это неслучайно.

Сразу несколько знаковых дат соединились в декабристской летописи 2009 года. И две из них напрямую связаны с выходцем из аристократиче-ской семьи прибалтийских баронов со скандинавскими корнями, присяг-нувших на верность Российскому государству еще при Петре I. В 1829 году, 180 лет назад, был переведен из Сургута в Ялуторовск первый дека-брист – бывший командир Полтавского полка, член Южного общества полковник – В.К. Тизенгаузен. Был он самым старым по возрасту, 1789 года рождения. Вильгельм Карлович прожил в Ялуторовске до 1853 года, заслужил славу первого ялуторовского садовода (надо ли отдельно гово-

речь о том, почему главным яством музыкального салона в мемориальном доме декабриста М.И. Муравьева-Апостола стал большой яблочный пирог, испеченный сотрудницами музея ?!). Саженыцы плодовых деревьев, по просьбе В.К. Тизенгаузена, прислал декабрист М.М. Нарышкин из Кургана. Его большой дом с мезонином, который, скорее всего, стоял на улице Вознесенской (нынешняя Первомайская), не сохранился до наших дней. Старожилы утверждают, что во время гражданской войны в него попал снаряд, выпущенный с бронепоезда, и он сгорел.

В 2009 году исполнилось бы 210 лет со дня рождения еще одного представителя ялуторовской колонии декабристов – поручика, члена Южного общества А.И. Черкасова, переведенного к нам на поселение из Березова в 1833 году, тоже обладателя баронского звания. В 1837 году, вскоре после посещения Ялуторовска цесаревичем Александром, он был по высочайшему повелению определен рядовым в отдельный Кавказский корпус, за храбрость произведен в чин прапорщика и после увольнения с военной службы жил в имении мачехи в селе Володькове Белевского уезда.

«Декабристские вечера» – один из самых любимых, как показывают опросы общественного мнения, праздников ялуторовчан. В фестивале были задействованы лучшие творческие силы города и региона: хоровая капелла Тюменской областной филармонии под управлением Анжелики Таланцевой, известная исполнительница романсов Тамара Савич (г. Екатеринбург), детская школа искусств, городская библиотека, АНОК «Арт-вояж» и АНОК «ЦНК и Р». Горожанам и гостям была предложена насыщенная программа на самый изысканный вкус: «Вечер при свечах» в ресторанно-гостиничном комплексе «РЕТРО», шахматный турнир имени барона В.К. Тизенгаузена, исторические балы для детей, старшекласников, туристов, «Якушкинские катания» в Ялуторовском деревянном остроге, автобусные экскурсии по декабристским местам города. И, конечно, центром притяжения в те фестивальные дни стал Ялуторовский музейный комплекс, главный организатор праздника. Театрализованная экскурсия «В гостях у Матвея Ивановича», выставка кукол «Искусство всех изяществом пленять», с помощью которой можно проследить, как менялась причудливая мода, и салонный вечер «Зажгутся свечи в доме Муравьева» позволили окунуться в атмосферу XIX века. В стенах мемориального дома звучали романсы в исполнении известного тюменского барда Вячеслава Девяткова и «ялуторовского соловья» Надежды Мальцевой, на старинном ломберном столике демонстрировались карточные игры, с помощью преподавателей лингвистической гимназии из Тюмени «оживила» картина «Сватовство майора». Гостей встречали нарядные дамы в вечерних туалетах (Альбина Болотова, Ольга Коржень, Лариса Иванова) и хозяин дома (Анатолий Мясников). Удачно в программу фестиваля вписалась новая книга пресс-атташе ректора Тюменского государственного нефтегазового университета Леонида Иванова «Первый парень на деревне», где один из очерков

посвящен финской ветви рода Тизенгаузенов, с представителями которых автор знаком лично. Все было зажигательно, трогательно и творчески. Даже «круглый стол» на, казалось бы, академическую тему «Наследие декабристов и современность» вылился в оживленную дискуссию с участием руководителей музеев Тюменского региона, итогом которой стала обоюдная договоренность крепить узы музейного братства. А Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, как подтвердила его директор Светлана Сидорова, готов взять на себя эту миссию.

Меняется программа фестивалей, их гостями становятся разные люди, неизменными остаются традиции, заложенные в конце 80-х годов двадцатого столетия: бережно хранить и преумножать память о достойных сынах Отечества, которые очень многое сделали для просвещения Сибири. Им благодарны Тобольск и Березово, Курган и Туринск, Ялуторовск и Ишим. Факт остается фактом: исторический статус целого ряда старинных поселений Сибири наполнен воздухом декабризма, значимого явления в общественно-политической жизни России.

Двадцать второй историко-культурный форум «Декабристские вечера-2010» был посвящен 185-й годовщине исторического выступления декабристов на Сенатской площади Санкт-Петербурга, и главной его особенностью стало широкое участие творческой элиты Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Тюмени, Тобольска и заинтересованное взаимодействие ведущих музеев нашей области. Пять фестивальных дней пролетели как одно мгновение и вылились в торжество таланта и разума.

После красочного открытия фестиваля на Площади декабристов, проведенного силами МАУК «Арт-вояж», и автобусных экскурсий по декабристским местам Ялуторовска с посещением некрополя декабристов, основные мероприятия переместились в музейный комплекс. В мемориальном доме М.И. Муравьева-Апостола прошла театрализованная экскурсия «В гостях у Матвея Ивановича» с участием «хозяина», «хозяйки» и «прислуги» и презентация пятого выпуска историко-краеведческого альманаха «Явлутур-городок», который стал явлением в кругах культурной общественности региона.

Возвышенные светлые чувства пробуждал торжественный вечер «Первенцы свободы» во Дворце культуры, произведения Д. Шостаковича, Д. Бортнянского в исполнении оркестра «Камерата Сибири» под управлением заслуженного деятеля искусств России и Украины А. Шароева стали эмоциональным продолжением исторического пролога. Остальные фестивальные дни выдались столь же творческими и насыщенными, как первый. Литературные произведения известной тюменской журналистки Ольги Ожгибесовой, которая сегодня возглавляет издательский отдел областной научной библиотеки имени Д.И. Менделеева, всегда вызывают большой интерес у вдумчивого читателя. В краеведческом музее она пре-

зентовала сразу две новые книги «В поисках родины» и «С другом люблю и в тюрьме». Последняя приурочена к открытию фестиваля и издана при участии ялуторовских музейщиков. В этой книге, имеющей подзаголовок «Частная жизнь декабристов в Сибири», исследуются малоизвестные широкой публике подробности сибирской ссылки В. Кюхельбекера, И. Пущина, Е. Оболенского и других декабристов, мотивы их неординарных поступков. На иллюстрациях запечатлены политические изгнанники и места, связанные с их пребыванием в Ялуторовске. Обе книги приняты хорошо, хотя не обошлось и без оживленной дискуссии, в которой участвовали: потомок декабриста М.И. Муравьева-Апостола – В.С. Муравьев-Амурский, профессор, заведующий кафедрой графики художественно-промышленной академии им. Штиглица (г. Санкт-Петербург); его супруга В.К. Стрельцова, профессор той же академии; потомки купца С.К. Воробейчикова – О.В. Иванова (г. Екатеринбург) и В.Е. Клименко (г. Троицк).

Знаковым культурным событием стали: выставка работ художника, воспитанника декабристов Михаила Знаменского (из фондов ТГИАМЗ) и литературный этюд, основанный на переписке Натальи Фонвизиной и писателя Федора Достоевского, который был блестяще исполнен сотрудниками Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Выставка останется в мемориальном доме декабриста М.И. Муравьева-Апостола до 1 февраля. С благословения директора ГАУК ТО «ТГИАМЗ» С.Ю. Сидоровой гости из Тобольска передали в дар ялуторовским музейщикам факсимильное издание «Евангелия», которое Н. Фонвизина подарила Ф. Достоевскому в 1850 году, и комментарии к нему.

Исторический бал «Минувших дней очарованье» во Дворце культуры, организованный творческими коллективами МАУК «Арт-воаяж», завершил программу второго дня фестиваля. Его изюминкой стало перевоплощение гостей города и музея в героев девятнадцатого века. В импозантном костюме гусара В.С. Муравьев-Амурский так удивительно походил на своего далекого предка! Главным событием третьего дня фестиваля стало открытие выставки «По волнам времени. История дома С.К. Воробейчикова», посвященной 10-летию музея «Дом природы». К уже перечисленным выше потомкам этого купца присоединились Н.А. Безрукова и Т.Д. Кондратьева с сыном Даниилом (г. Москва), известный натуралист и краевед П.С. Ситников, один из авторов экспозиции «Животный и растительный мир нашего края» в музее «Дом природы». Презентация вылилась в живой рассказ о трех периодах жизни этого добротного купеческого дома, в котором до изгнания из Ялуторовска в период гражданской войны проживала большая и трудолюбивая семья Воробейчиковых. Глава семейства известен в истории Ялуторовска общественной деятельностью на благо города. Возглавляя строительный комитет по ремонту Сретенского кафедрального собора, он смог достучаться до самого Синода и завер-

шил благое дело. Потом, в революционное время, в деревянном особняке проходили съезды Советов, позднее, без малого шестьдесят лет, размещалась аптека. После реставрации здесь развернуто самое молодое структурное подразделение Ялуторовского музейного комплекса. К стати, по залам Дома природы и Экологическому двору уже прошло свыше 60 тысяч посетителей. Потомки передали музею несколько семейных реликвий, в том числе уникальный альбом, подаренный С.К. Воробейчикову за его участие в русско-японской войне 1904-1905 гг. На выставке были представлены предметы из фондов Тюменского музейного комплекса.

Последние дни фестиваля прошли при участии новых гостей. Побывав на аналогичных торжествах в Кургане, в Ялуторовск завернули: председатель Московского общества «Наследие декабристов» А.А. Понамаренко, полковник запаса, потомок декабриста А.Ф. Бриггена, к стати, тоже полковника; Э.Б. Лихарева, потомок декабриста В.Н. Лихарева; В.В. Маркова, потомок декабриста А.Е. Розена; Р.А. Киреева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник института истории РАН, консультант фильмов «Звезда пленительного счастья», «Первенцы свободы», «Из рода Киреевых»; Э.М. Резунова, секретарь общества «Наследие декабристов»; Л.Д. Шипилова, заместитель директора по воспитательной работе Московской школы № 933, руководитель исторического кружка. Гости встретились с учащимися школы имени Декабристов и студентами филиала Тюменского нефтегазового университета, состоялись: заседание историко-краеведческого клуба «Наша родословная» и музейные чтения «В потомках ваше племя оживет». Именно 14 декабря, в день памяти декабристов, к могилам А.В. Ентальцева и В.И. Враницкого на старом кладбище Ялуторовска легли алые гвоздики. И знак с небес – декабрьский дождь, который словно оплакивал души декабристов.

Встретившись с главой города Н.М. Столяренко, представители столичной интеллигенции дали высокую оценку культурному потенциалу и градостроительному облику Ялуторовска. Из их рук ялуторовские школьники получили почетные грамоты Международного Союза «Мужество и гуманизм» и Московского общества «Наследие декабристов» за активное участие во Всероссийском конкурсе «Товарищ, верь!..», посвященном 185-й годовщине восстания.

Знаменательный эпизод произошел в один из дней двадцать второго фестиваля: туристическая фирма «Явлу-тур» на комфортабельном экскурсионном автобусе привезла в музейный комплекс 47 школьников из Тобольска. Проторена стежка-дорожка по старому новому тобольскому тракту! Это не может не радовать тех, кто ратует за увеличение туристического потока между двумя историческими городами Тюменской области. Новый путь сокращает расстояние между ними на 82 километра, или на целый час! А это очень существенно для туристического бизнеса.

Не гаснет декабристская свеча!

С 9 по 14 декабря в Ялуторовске проходил областной историко-культурный фестиваль «Декабристские вечера», 23-й по счету. Этот популярный форум искусства, соединяющий историю и современность, подарил искушенной публике немало духовной пищи, которой так не хватает в наши смутные дни всем нам, а молодежи – в особенности.

На «Декабристских вечерах-2011».

Надолго запомнятся подрастающему поколению встречи с членами Московского общества «Наследие декабристов» – инженером-кораблестроителем Алексеем Борисовичем Максимым из рода князя А.И. Одоевского, поэта и декабриста, отбывавшего ссылку в Ишиме, и капитаном первого ранга в отставке, моряком-подводником Вениамином Ивановичем Поляковым, который вместе со спутницей жизни Ниной Павловной посетил в эти памятные дни Туринск, Ялуторовск и Тобольск – города, кровно связанные с декабристами своей историей. Мемориал декабристов на площади Декабристов, музейный комплекс, библиотека, музыкальная школа, Дворец культуры, школа имени Декабристов, ледовый Дворец спорта имени В.Ф. Альфера, молодежный социально-деловой центр – эти места стали творческими площадками для духовного общения нескольких поколений людей, кому интересна отечественная история, кто хранит и развивает наследие. И везде чувствовался неподдельный интерес к настоящему искусству, осененному сибирским подвигом декабристов.

В 2011 году в истории декабристского движения соединилось несколько крупных дат: 185 лет назад началась сибирская ссылка декабристов, 155 лет назад была объявлена царская амнистия, 165 лет назад открылась в Ялutorовске первая в Сибири всеобщая школа для девочек, положившая начало светскому образованию.

Под аплодисменты театральной публики на сцене Дворца культуры прошла премьера литературного спектакля «Друг мой тайный». Это – детище двух учреждений культуры – ГАУК ТО «Ялutorовский музейный комплекс» и МАУК «Арт-вожж». Отзывы замечательные! Давно уже взыскательные любители театрального искусства не наслаждались талантливой режиссурой, точной игрой актеров народного театра. У многих на глазах выступали слезы. История любви между декабристом Иваном Пуциным и Натальей Фонвизиной (пушкинской Татьяной Лариной) никого не оставила равнодушным. Письма из девятнадцатого века, положенные в основу сценария, звучали по-современному в эпоху компьютера и интернета.

Содержательными и многоплановыми оказались главные музейные мероприятия – декабристские чтения и салонный вечер, посвященный 215-летию князя Е.П. Оболенского. Деля научное сообщение, студентки 3 курса филологического факультета Ишимского педагогического инсти-

Алексей Максин из рода Одоевских, член московского общества «Наследие декабристов».

Фрагменты театрализованного открытия фестиваля на мемориале декабристов.

туда им. П.П. Ершова – Наталья Рагозина и Юлия Доронина – представили известного просветителя и краеведа Тобольской губернии – Капитона Голодника с неожиданной стороны – как создателя стихотворной сказки «Ковер-самолет», такой же самобытной и яркой, как ершовский «Конек-Горбунок». Спасибо доценту пединститута Т.П. Савченковой за участие в подготовке этого интересного доклада! Ольга Пяткова и ее дочь Нина из Тюмени, потомки ялutorовской крестьянки Варвары Барановой, которая 6 февраля 1846 года обвенчалась с Е.П. Оболенским в Сретенском соборе, рассказали о своей родословной линии. Украшением салона стала исполнительница романсов, бардовских и народных песен Ольга Бредихина, сотрудница ГТРК «Регион-Тюмень»: чудесный голос широкого диапазона, роскошные косы, загадочная улыбка на лице – настоящая русская красавица с гитарой! Мемориальные комнаты довольно-таки просторного дома М.И. Муравьева-Апостола едва смогли вместить гостей из Москвы, Тюмени, Екатеринбурга, Ишима. Звучали стихи собственного сочинения, воспоминания, лились чарующие звуки фортепиано. Искристым дополнением к дружеской беседе стал бокал знойного аргентинского вина, присланного в музей С.С. Мамонтовым, потомком знаменитого предпринимателя и мецената!

Потомки Варвары Барановой.

Ялуторовский художник Геннадий Ратанов, активно работающий в декабристской теме, презентовал новое живописное полотно «Декабрист И.Д. Якушкин за сбором гербария в окрестностях Ялуторовска», написанное маслом по мотивам известного рисунка Михаила Знаменского. Кисти мастера принадлежит еще несколько работ, украшающих экспозицию мемориального дома, на которых мы видим воспитанниц Муравьевых-Апостолов – Гутеньку Созонович и Аннушку Бородинскую, каждую в отдельности и вместе с Матвеем Ивановичем и Марией Константиновной. Неизменный интерес у посетителей вызывает копия картины французского художника Менье, на которой изображен маленький Матвей со своей сестрой и маменькой. Ее подлинник хранится в Михайловском замке в Санкт-Петербурге. А фотокопия семейного портрета декабриста Николая Васильевича Басаргина и его жены Ольги Ивановны (в девичестве Менделеевой), написанного Г. Ратановым на основе двух плохоньких фотографий, недавно подарена Туринскому музею декабристов. Как известно, Н.В. Басаргин до перевода в Ялуторовск отбывал ссылку в Туринске.

По многочисленным отзывам, 23-й историко-культурный фестиваль «Декабристские вечера-2011» стал очередным событием в культурной жизни Ялуторовска и зарядил участников программных мероприятий энергией, жадной творить, созидать, беречь то, что завещано предками. И пониманием того, что тщетны попытки переписать историю. История всегда современна, злободневна и поучительна, если она не служит идеологическим обоснованием политических устремлений новых элит российского общества!

*Тому, что было истинно великим,
суды и пересуды не страшны!*

Краеведение

Открытия. Факты

Наталья Косполова

Художник-реставратор III категории,
журналист

Неизвестный иконописец Ковригин

Как-то видный московский реставратор Валентин Евгеньевич Петров, поклон которому низкий, наградил нас комплиментом: «Российское могущество да прирастет Сибирью...». Мы, неоперившиеся реставраторы из Тюмени, запомнили этот аванс как напутствие, только потом почувствовав на своем опыте, что для настоящего реставратора нет ни незначительных находок, ни случайных тем.

Реставрация – это не просто превращение запыленного и разрушенного в блистающее и сверкающее новыми красками. Она – долгий путь к истине, состоящий из анализа, и не только химического, а из анализа фактов, порою противоречивых. Итог часто непредсказуем: неожиданные открытия, находки, превращения, в ходе которых можно уточнить дату, пробиться к скрытой столетиями истине, узнать имя автора. А новое имя – не просто пресловутый адреналин реставратора.

... Иконописная культура Сибири специфична: мы слишком далеко от Москвы, Суздаля, Владимира, Ярославля, Новгорода – исторических центров иконописания. Но и у нас есть материал для своих – «тюменских проселков», драматичная история иконописания в Сибири, не вполне изученная, так как во времена Сулоцкого утверждалось, что технологические ошибки ослабили сибирскую иконопись на рубеже XVIII – XIX веков; позднее преувеличивалось значение светских писем, приближающих икону к портрету; считалось, наконец, что кроме блещущей позолотой и узорочьем Невьянской школы ничего ценного на сибирской ниве нет.

Опровергая эти утверждения, на моем реставраторском пути встретились удивительные иконы, которые спешу показать и описать словами. Эта встреча добавила красок в нет-нет да и вспыхивающем споре о том самом сибирском богатстве, то есть, могуществе...

Явление первое

Во время реставрации тюменских икон в Москве, на первой моей серьезной стажировке, икона Трое­ручица обратила на себя внимание Адольфа Николаевича Овчинникова и Валентина Евгеньевича Петрова самобытностью и монументальностью; обликом Богоматери, чистым, печальным.

После реставрации икона зажила новой жизнью: сразу попала на тюменскую выставку «Возрожденное время»; а вскоре после этого была привезена в Москву как экспонат выставки «Сибирские реликвии в Московском Кремле». В научном паспорте иконы в главе «автор» тогда стояло «неизвестен».

Икона «Трое­ручица».

Явление второе

Вскоре, однако, мне пришлось реставрировать еще одну работу этого «неизвестного» автора. На доске малого формата была написана Богоматерь Казанская.

Она выглядела как отражение в зеркале «Трое­ручицы»: и Богоматерь, и Младенец обращены, согласно канонам, в противоположную сторону. Лики же Богоматери Трое­ручицы и Казанской Богоматери изумляли своим безупречным сходством, как и лики Младенца на этих иконах.

Икона «Богоматерь Казанская».

Икона «Семистрельная».

Явление третье

Работая над реставрацией икон Нижнетавдинского окружного музея, я была потрясена сходством иконы Семистрельная из Нижнетавдинской коллекции со всеми описанными выше иконами. Семистрельная пишется без Младенца, а эта Семистрельная была еще и без мафория (мафорий – канонизированная одежда Богоматери, представляющая собой длинное женское покрывало, окутывающее всю фигуру и украшенное каймой и бахромой), и видна была опись и пропись волос. От сходства всех описанных икон дух захватывало.

Икона «Богоматерь Тихвинская».

Явление четвертое

Бывает, реставратора просят просто уточнить век какой-то иконы. Ко мне обратились с такой просьбой относительно «Богоматери Тихвинской» из частной коллекции. Опять сходство ликов Богоматери... И ликов Христа. Конечно, это один автор, блестящий профессионал – личник (мастер, специализирующийся на писании ликов). «Богоматерь Тихвинская» отличалась лишь добавлением голубого цвета в письме фона. Мастер, возможно, разжился редкой краской...

Так или иначе, появилось закономерное желание узнать – кто же этот мастер?

Концепция единого авторства окончательно сформировалась, когда сделалось возможным сравнить все иконы со случайно попавшим ко мне на реставраци-

онный стол «Николай Чудотворцем». Личное письмо Николы Чудотворца и Семистрельной можно было сравнивать и сравнивать, благо, волосы и там, и там открыты, благо, Богоматерь изображена без мафория.

Надбровные дуги, нос, пропорции и т.д., не говоря уже об общем колорите, использовании одних и тех же пигментов, одинаковых разделках и санкири (санкирь – первый цветовой слой при написании лика), – все подобно.

Как у Николы было... все!

Икона «Никола Чудотворец».

Небывалым реставраторским счастьем и исследовательским чудом оказалось то, что на обороте иконы «Никола Чудотворец» обнаружился текст: «Работа Михаила Ковригина/Николау 30»... Автор всех икон, наконец, обнаружился!

Обычно имя автора на иконе не указывалось. Нужны были какие-то исключительные обстоятельства, заставившие иконника оставить подпись. Возможно, он проставил свое имя на обороте иконы как представитель династии, как, например, на поддужных колоколах оставили свои имена

Илья и Лука Каркины – тюменские колокольники. В любом случае, это редкая радость, когда к реставратору попадает подписная икона.

Фамилия Ковригин относится к Вагайскому району – местам поселения старообрядцев. Ни Рафайловские, ни Невьянские, ни западные влияния не коснулись исследуемой манеры. Эта экспрессивность уникальна и созвучна, скорее, новгородским образцам.

Был ли Михаил Ковригин артельщиком? Возможно, хотя в период написания рассматриваемых икон артельное писание в Сибири угасает. Устойчивый стиль письма, впитавший северную монументальность и старообрядческий пафос, сам стал уже традицией, которая не прерывалась, скорее всего, благодаря династическому устройству иконописных школ.

От одной к другой рассматриваемой нами иконе повторяется один и тот же облик в трактовке Христа, Богоматери и Николы Чудотворца: почти неизменные пропорции, удлинённый нос, крутые дуги надбровий, глубокие глазницы, выразительные карие глаза, крупный подбородок и высокий лоб, четких линий монолитная шея, твердая линия рта... Экспрессия и выразительность, пламенность.

Художник словно и хотел бы изменить черты ликов, но не в силах был отойти от очарования одного и того же лирического образа, что делает схожим его подход с мастерами Возрождения. Подобно тому, как Рафаэль, пленённый обликом Форнарины, повторял его в образах своих мадонн, Ковригин как будто глаз был не в силах оторвать от одной и той же «сибирской модели» с огромными живыми карими, чаще печальными, чем радостными, глазами... Это чувство преклонения, удивления, трепета передавалось тем, для кого были написаны иконы, и теперь передается нам, всматривающимся в типические, истинно сибирские черты, исполненные таинственного одухотворения, притягивающие как магнит.

... Невольно задерживающая на себе внимание бывалых искусствоведов неброская и лаконичная по письму «Троеручица» из фондов ТОКМ имени Ивана Словоцова поставила перед исследователями загадку, разгадав которую, мы узнали имя сибирского иконописца Михаила Ковригина.

Благодаря цепи музейных находок мастер прошлого предстал перед нами как живой.

Краеведение

Музыкальная история Тюмени

Ольга Глазунова

«Отличник Министерства культуры РФ»,
член Ассоциации лекторов-музыковедов России,
член президиума Международного союза
музыкальных деятелей

Полвека - тюменскому оркестру русских народных инструментов...

Художественный руководитель и дирижер – Александр Андрюшкин, «Заслуженный работник культуры РФ», Лауреат премии Министерства культуры РФ «Душа России», Лауреат областной премии им. В.И. Муравленко, Лауреат проекта «Социальная звезда», 2004 г.

Оркестр основан в 1959-м году. Его организатор – замечательный музыкант Леонид Федорович Беззубов, под началом которого коллектив стал дипломантом и лауреатом региональных, все-российских конкурсов и фестивалей, побывал с концертами в различных городах России.

Александр Андрюшкин.

Полвека творческой работы Тюменского оркестра русских народных инструментов посвящены высокой задаче сохранения, развития и пропаганды коллективного исполнительства на русских народных инструментах.

**Этапы творческой биографии
Тюменского оркестра русских народных инструментов:**

9 ноября 1959г. – первая репетиция. Первый руководитель и дирижер – Л. Беззубов.

25 апреля 1960 г. – первый концерт оркестра в Тюменском драматическом театре.

1961 г. – первые гастроли оркестра в Москве, диплом ВДНХ СССР, Почетная грамота Д. Шостаковича.

1963 – 1966 гг. – гастроли по Тюменскому Северу.

1967 г. – участие в зональном фестивале самодеятельного творчества в г. Свердловске (Екатеринбурге).

1968 г. – лауреат премии Тюменского комсомола: гастроли в Польской Народной Республике.

1969 г. – с этого года за дирижерским пультом – А.Е. Андрюшкин.

1976 г. – лауреат Всесоюзного фестиваля народного творчества, г. Свердловск, гастроли по Тюменскому Северу.

1977 г. – зональный конкурс самодеятельного творчества, г. Свердловск (Екатеринбург).

1977 г. – диплом 1-й степени Всесоюзного фестиваля народного творчества, г. Ташкент.

1980 г. – участие в конкурсе патриотической музыки для русского народного оркестра, г. Чита.

1987 г. – участие оркестра в концерте, посвященном 100-летию оркестра им. В.В. Андреева, г. Москва, концертный зал им. П.И. Чайковского.

1995 г. – гастроли в Югославии.

1996 г. – гастроли по Тюменскому Северу.

2000 г. – лауреат международного фестиваля «Русское чудо в Тунисе» – Северная Африка, Тунис.

2000 г. – участие в концерте в честь 70-летия со дня рождения Народного артиста СССР Ю. Гуляева – Тюмень, концертный зал филармонии.

2003 г. – гастроли по Тюменскому Северу.

2009 г. – участие в совместном творческом проекте «Культура России» партии «Единая Россия» и комитета по культуре Тюменской области – концерты в 23 муниципальных образованиях юга Тюменской области.

Оркестр постоянно совершенствует свое мастерство, свидетельство тому – обновление репертуара, активная концертная деятельность и сотрудничество с выдающимися мастерами вокального искусства, среди них: Народный артист СССР А. Иванов, Народная артистка СССР Л. Зыкина, Народный артист России, руководитель Государственного оркестра им. Н. Осипова Н. Калинин, Народный артист СССР, солист Государственного академического Большого театра В. Пьявко, Народный артист России и Татарстана Р. Ибрагимов, солист Миланской Оперы «Ла Скала» М. Аугустини.

В репертуаре коллектива сегодня – более 600 произведений (русская и зарубежная классика, обработки русских народных песен, современные пьесы), пропаганда этого наследия – основная задача музыкантов оркестра и сегодня. Концертные программы коллектива рассчитаны на самую различную аудиторию. Так, концертный абонемент «Звонкие струны России» рассчитан на семейную аудиторию (за последние годы подготовлено более 10 различных программ). Для школьников старших классов предназначены программы, посвященные А.С. Пушкину («Я помню чудное мгновенье», «Музыкальная Пушкиниана»).

Без участия этого яркого самобытного коллектива сегодня невозможно представить культурную жизнь Тюмени и области.

В 2010-м году Тюменскому оркестру русских народных инструментов присвоено имя его основателя – Леонида Федоровича Беззубова.

Тюменский оркестр русских народных инструментов.

Околмузыкальные размышления с историческими экскурсами

Все началось более 100 лет назад: в октябре 1887 года в Петербурге был создан «Первый кружок любителей игры на балалайке».

20 марта 1888-го состоялся первый публичный концерт этого «родоначальника всех русских народных оркестров».

В 1897-м балалаечный кружок был реорганизован в Великорусский оркестр, десятилетний юбилей отмечен открытым концертом: в составе коллектива играли 23, а в сводном оркестре – целых 200 музыкантов!..

Думал ли тогда Василий Васильевич Андреев (кстати, в январе этого года исполнилось 150 лет со дня рождения этого замечательного музыканта, дирижера, композитора, организатора), как отзовется дело всей его недолгой жизни в будущем? А ведь он сам всеми силами и помышлениями приближал это самое «прекрасное далеко»: обучал игре на балалайке солдат петербургского гарнизона, чтобы они, возвращаясь домой после службы, «несли балалайку в народ». Сомневался Василий Васильевич в правильности выбранного пути, советовался с Л. Толстым, спрашивал, нужна ли народу его песня и может ли на образцах этой песни, передаваемой в совершенстве балалайкой, развиваться музыкальный вкус народа?

Собственно, этим вопросом задавались на рубеже XIX-XX веков лучшие представители отечественной интеллигенции, настоящие подвижники, желавшие «культурой облагородить жизнь простых людей».

В 1896 году Андреев обучал играть на балалайке уже 600 (!) солдат в Петербурге... А княгиня Мария Клавдиевна Тенишева в своем имении Талашкино, что расположено в глубинке, близ Смоленска (место не случайное, ведь совсем рядом, в Новоспасском, родился великий Михаил Глинка – помните «создает музыку народ, а мы, композиторы, только ее аранжируем?»), в 1901-м году создала «новое Абрамцево» – целый учебный комплекс для крестьянских детей, где были школа, детский театр, художественно-промышленные мастерские. За границей говорили: «особое направление русского стиля создано в Талашкино». Здесь бывали и работали живописцы С.В. Малютин, Николай Рерих, Александр и Альберт Бенуа, М.В. Нестеров, К.А. Коровин, И.Е. Репин, скульптор П.П. Трубецкой; по эскизам Рериха создана мозаика «Спас Нерукотворный» над входом в Храм Святого Духа. А «музыкальной душой» этого удивительного места был целый школьный оркестр народных инструментов! И кто же им руководил, спросите вы. Да, все Он – почетный член французской академии искусств, друживший с Шаляпиным, Чайковским, Рубинштейном и Рим-

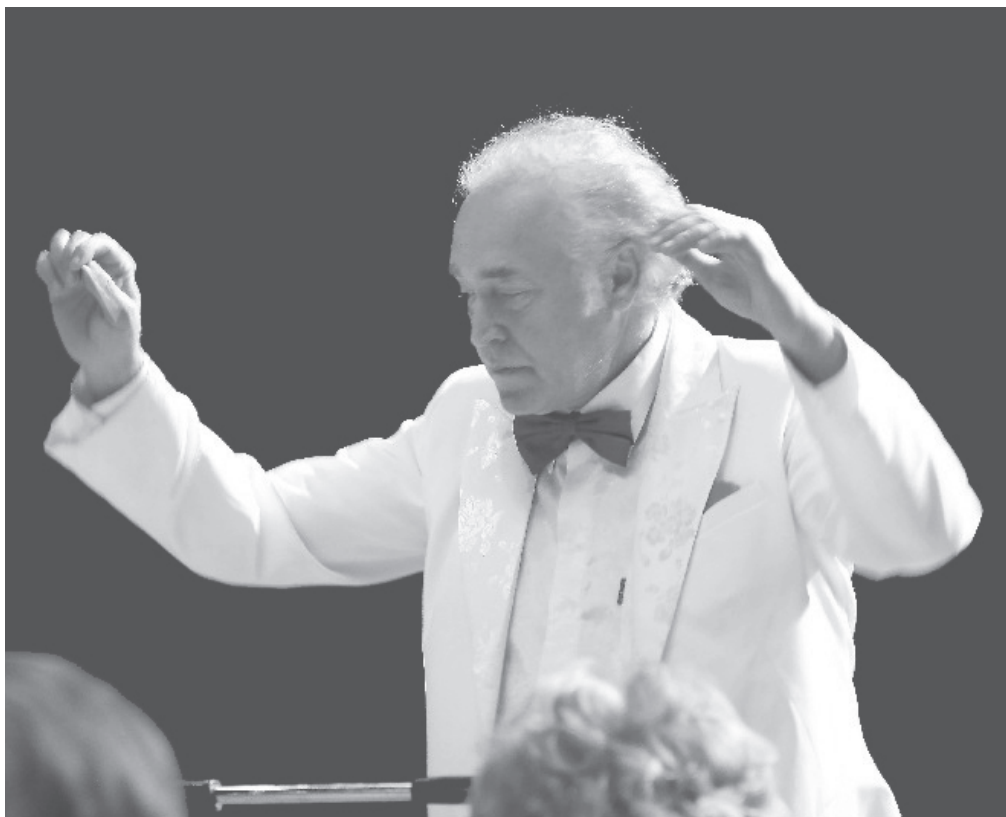
ским-Корсаковым – русский музыкант Василий Андреев. И ведь не чурался, не зазнавался, не страдал «звездностью», занимался с деревенскими ребятишками – «работал» на БУДУЩЕЕ! Сам Михаил Врубель расписывал школьные балалайки, они и сегодня бережно хранятся в музее Талашкино!

Ой, что-то задержалась я в том ДАЛЕКОМ? Наверное, «музыка навеяла», звучание родных русских инструментов?.. По сути, с тех пор мало что изменилось: так же приходится постоянно убеждать в необходимости, «полезности», заинтересовывать, преодолевать – в атмосфере совсем иных ценностей. По-прежнему нужны энтузиасты, влюбленные в народное искусство, преданные ему, желающие сохранить музыкальные традиции русского народа.

Полвека – целая жизнь большого числа тюменских музыкантов, любителей, профессионалов. К 50-летию со дня создания Тюменскому народному оркестру присвоено имя его основателя Леонида Беззубова – сегодня в коллективе играют не только его ученики, коллеги, но и «музыкальные внуки», ученики учеников. И оркестр, ведомый нынешним дирижером, Заслуженным работником культуры РФ Александром Андриюшкиным, продолжает дело многих российских музыкантов – «народников» и оркестров русских народных инструментов.

В творческом арсенале тюменских оркестрантов много интересных программ: исторических («От Киевской Руси до наших дней»), литературных («Музыкальная Пушкиниана»), патриотических (приуроченных ко Дню России, Дню защитника Отечества, Дню Победы), образовательных и др.

Звучат в них обработки народных (не только русских) мелодий, переложения классических произведений – словом, музыка разных стран и народов. «Ох, уж эти народники, все их тянет на симфоническую музыку», – слышны голоса скептиков... Соглашусь, что для исполнения переложений симфонических партитур оркестру народных инструментов нужны художественный и музыкальный вкус, чувство меры... Но ведь когда-то и сам В. Андреев понимал, что на одном «народном» репертуаре задерживаться нельзя, развиваться и расти нужно на классике. Вспомним в качестве примера исполнение Великорусским оркестром Скерцо из симфонии № 4 П.И. Чайковского, в котором композитор «изобразил» в пиццикато струнных звучание народных инструментов. Ответом всем несогласным стало высказывание Чайковского: «Какая прелесть, эти балалайки! Какой поразительный эффект могут они дать в оркестре: по тембру это незаменимый инструмент». И еще: «... здесь возможно только пиццикато, иначе теряется смысл...» – глубокий замысел симфонии, ее вывод. – «Если ты в себе самом не находишь радости..., ступай в народ..., веселись его весельем... Жить все-таки можно!».

Александр Андриюшкин за пультом.

Многое меняется со временем, и традиционные жанры – тоже. На этом пути появляются непотребные шоу, скандальные оперные постановки... Пресловутый «кризис жанра» коснулся и народных коллективов – ансамблей, оркестров. Может, вспомнить «классику» русского рока – «... не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас...»? А, может, постараться изменить, воспитать вкусы публики? Конечно, это много сложнее... Но уже есть новый творческий проект нашего оркестра «Сказка с оркестром» – знакомые сюжеты, известные литературные произведения, своеобразный «видеоряд» (куклы артистов Кузиных), весомое инструментальное слово. Пока подготовлена «Сказка о рыбаке и рыбке» А. Пушкина, в перспективе – «Приключения Чиполлино» Дж. Родари, осталось немного – заинтересовать тех, от кого зависит реализация очень нужной идеи.

Изменения нужны и самому оркестру (сценические костюмы, интересные современные инструментовки, оригинальное прочтение знакомых произведений и др.) – при желании все решаемо. Главное – осознание уникальности подобного коллектива, неповторимости и многообразия его тембра – синтеза звучания домр, балалаек, баянов, ударных и деревянных духовых инструментов как выражения русской души, такой таинственной и манящей...

Главное – желание (благодаря этому осознанию!) сохранить наши корни, наши истоки...

Вы знаете, а они все-таки нравятся – эти родные, старинные и современные, народные инструменты! И публика к ним тянется и радуется!

В этом – предназначение и роль Тюменского оркестра русских народных инструментов имени Л.Ф. Беззубова.

Долгой творческой жизни пожелаем музыкантам!

И долгой доброй памяти всем нам, ибо (перефразируя великих) «забыв прошлое, нельзя идти в БУДУЩЕЕ»!

Краеведение

Радуга ремесел

Наталья Маломыжева

Научный сотрудник-хранитель тюменского музейного комплекса имени И.Я. Словцова, музей изобразительных искусств

Традиционная народная кукла «Девка-Баба»

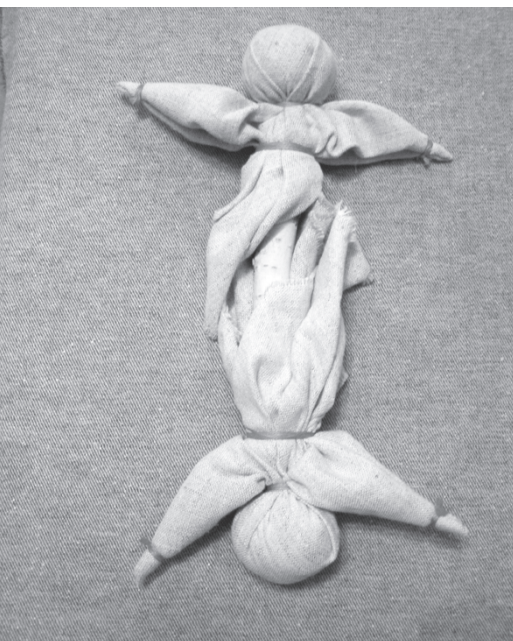
Первая моя встреча с куклой «Девка-Баба» произошла в Тюмени в 1964 году, тогда я училась во втором классе. Она была выполнена из скромных старых тряпочек бабушкой моей подружки и показалась мне милее всех пупсов, купленных в магазине. Эта кукла была распространена в крестьянских семьях центральных и северо-западных губерний России, с переселенцами она попала и к нам в Тюмень. С годами она не

затерялась на Тюменской земле и стала одной из любимых игровых куколок жителей города.

В современном мире многими мастерицами «Девка-Баба» осмысливается как отражение двух сущностей женщины – девки и бабы, как закрепление перехода женщины из одной ипостаси в другую. Некоторые мастера считают эту куклу оберегом для беременной женщины и ее ребенка, а некоторые – наглядным пособием по народному костюму.

С этим соглашаешься до тех пор, пока не возьмешь эту куклу в руки и не «поиграешь»: повернешь куклу яркой нарядной стороной вверх – откроется Девка, перевернешь куклу – была Девка, стала Баба, яркие цвета сменились более темными.

Если в этой кукле речь идет только о фиксации перехода «девки в бабу», то «игра» на этом должна заканчиваться. Но кукла «Дев-

Основа куклы «Девка-Баба».

ка-Баба» – перевертыш, значит, она подразумевает продолжение «игры». То есть она должна переворачиваться не только от Девки к Бабе, но и от Бабы к Девке.

Народная кукла, которая не потерялась в тысячелетиях, – не просто игрушка, действия с ней несут сакральный смысл. Чтобы понять его суть, суть самой куклы, надо узнать, что «спрятано» у нее внутри.

Ни для кого не секрет, что традиционная кукла, пока дожила до наших дней, могла сильно измениться. У нее появились новые детали, подробности, украшения. Неизменной осталась лишь ее основа – конструкция, которая очень проста: небольшая палка, на обоих концах ее укреплены голова и руки.

Как известно, в традиционных куклах заложены не только представления людей прошлого о мироустройстве, но и наблюдения из окружающей жизни. Что касается куклы, о которой идет речь, ее конструкция напоминает процесс родов у женщины: сначала появляется голова ребенка, плечики и ручки. Следовательно, в конструкции куклы зафиксирован момент рождения ребенка. Перед нами не просто Баба – перед нами рожаница.

Наша «игра» с куклой «Девка-Баба» теперь может продолжаться сколько угодно долго: Баба рождает Девку, переворачиваем куклу нарядной стороной вверх – ладная красивая выросла Девка, Девка переходит в Бабу и т.д.

Кукольная Баба постоянно рождает Девку, и нет куклы-Бабы, которая рождает Парня, хотя рождение мальчика было более значимым для семьи, чем рождение девочки. Видимо, кукла «Девка-Баба» несет в себе не просто информацию о процессе родов, а особый момент, наполненный сакральным смыслом, значит, это должно быть обязательно отражено в других видах народного искусства.

Чтобы открыть эту тайну, я обратилась к писанке – спутнице традиционных народных кукол. Несколько месяцев поиска привели меня на сайт Музея «Писанка» в г. Коломыя, Ивано-Франковской области, где на представленной в экспозиции писанке я нашла знакомую конструкцию, в которой также зафиксирован процесс родов.

Писанка.

Рожаницы, Лоси и лосята. Неолитические петроглифы (Чалмы-Варре. Кольский полуостров).

Писанка – боковая, т.е. ее поверхность поделена по вертикали на две половины. Боковая сторона поделена по горизонтали на три части – отмечены три мира: верхний – божественный, средний – земной, нижний – подземный. По оси симметрии расположена композиция, идентичная конструкции народной куклы «Девка-Баба». Верхняя часть конструкции находится в верхнем, божественном мире, нижняя часть – в нижнем, подземном. Расположение Бабы в верхнем мире богов поясняет нам, что рожаница – не простая баба, а – Богиня. Расположение Девки в нижнем мире (мире предков) отражает представления людей о том, что новорожденный ребенок является пришельцем из нижнего мира. Бабу и Девку на писанке связывает пуповина, которая проходит через земной

мир. Листья, расположенные слева и справа в одном направлении по линии экватора, подчеркивают непрерывное течение жизни.

Аналогичную конструкцию можно увидеть и в неолитических петроглифах, и на многочисленных старинных вышивках разных регионов России.

Подводя итог рассмотрению народной куклы и писанки, можно утверждать, что образ куклы соответствует понятию «Рожаница». Перед нами Богиня – покровительница плодородия, плодовитости, которая рождает не просто девку, она рождает продолжательницу жизни.

Культ рожаниц имел аграрный характер и отмечался как день завершения земледельческих работ, как праздник урожая на второй день (9 сентября) после Рождества Богородицы (8 сентября). Частично чествование Рожаниц проходило на Рождество Христово (после 25 декабря) – благодарение богов за урожай на переломе зимы.

Думаю, что традиционная народная кукла «Девка-Баба» была связана именно с этим культом и изготавливалась в честь Богинь Рожаниц.

Старинная вышивка.

Кукла «Девка-Баба».

Литература:

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян – М: Русское слово, 1997 г.

Котова И.Н., Котова А.С. Русские обряды и традиции. Народная кукла – СПб.: Паритет, 2003 г.

Дайн Г.Л., Дайн М.Б. Русская тряпичная кукла – М: «Культура и традиции», 2007 г.

Зимина З.И. Текстильные обрядовые куклы – М: Ладога-100, 2007 г.

Выхристюк О.И. Кукла. Школа материнства – Русский дом народных традиций «КрАсота».

Агаева И.В. Куклы «Перевертыш», «Сударушка», «День и Ночь» // Народное творчество – 2004. – № 5.

http://letopisi.ru/index.php/Девка-Баба,_народная_кукла

<http://navseruki.perm.ru/index.php?image=439>

<http://www.novolavka.ru/katalog-narodnyh-kukol.htm>

http://www.rukukla.ru/article/trya/devkababa_kuklapereverty6.htm

<http://vokina.livejournal.com/131964.html>

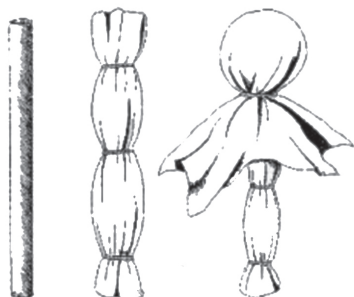
<http://www.ethnodolls.ru/doll.php>

<http://dimukraine-com.livejournal.com/14560.html>

<http://gallery.vbios.com/data/1056/medium/P6300072.JPG>

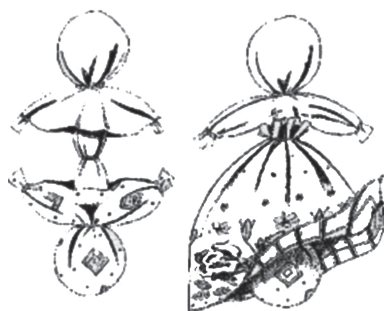
<http://www.luizacoll.ru/materials/img/maloros/p0004.jpg>

Технология изготовления традиционной народной куклы «Девка-Баба».

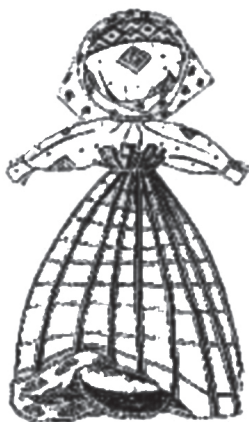
1.

2.

3.

4.

5.

Для изготовления этой куклы нам понадобятся: деревянная палочка, ткань светлого цвета, ветошь, нитки, тесьма или лента.

Порядок изготовления:

1) Основа: деревянную палочку высотой 25-30 см плотно оборачиваем тканью и перевязываем нитками в трех местах.

2) Голова: к верхнему концу основы привязываем квадратный лоскут светлой ткани, внутрь которой вложена ветошь. Аналогичным образом оформляем противоположный конец основы.

3) Руки: концы верхнего и нижнего лоскутов перевязываем ниткой по бокам так, чтобы получились ручки в манжетах.

4) Юбка: к середине основы привязываем либо лоскут ткани, который может быть юбкой и с лицевой, и с изнаночной стороны, либо предварительно сшитые изнанками два подобранных по цвету и узору куска материи.

5) Головы кукол покрываем платками и украшаем косами, тесьмой или лентами.

Литература

Проза

Мария-Сарра Граник

Сотрудник государственного архива
Тюменской области

Детство с улицы Казанской

Моей измученной маленькой маме посвящается

Дом

Мое счастливое бессознательное детство прошло на улице Казанской, Казанке, как окрестили ее жители нашего общежития, большинство из которых являли собою преподавательский состав единственного в городе университета.

Жили мы в давно готовящемся к сносу изрядно покосившемся двухэтажном деревянном доме, прилепленном к торцу теснившего его каменного, именовавшегося в преподавательском простонародье «белым».

В «белом» проживали счастливые обладатели отдельных санузлов и персональных кухонь, чем, собственно, и вызывали зависть жильцов нашей пропахшей кошками общаги. Там же, в «белом», росли тихие и беззаботно благополучные дети, чинно выходившие на прогулку в тополиный общий двор с настоящими четырехколесными велосипедами, непозволительной по тем временам роскошью, и коллекцией пестрых вкладышей от жевательной резинки.

Все это настолько восхищало, что им даже никто не завидовал.

Мы же, то есть я, Светка и Ольга, созерцали это великолепии издали, поскольку играть с ними было выше нашего детского достоинства.

Зато у нас был черный ход, пожарная лестница и чердак с голубями, куда так и не решился никто залезть.

Дом жил своей собственной старостью, уходя корнями в землю, дряхлея, но не разрушаясь. Он был крепок, как тополь-исполин, что рос около дворовых ворот, словно обитатели частных деревянных домишек, отгораживающих двор со стороны реки.

Я любила его, как любят детство, не мысля другого, не предвидя грядущих переездов, взросления, тлетворного и разлагающего запаха иного пути, кроме еженедельно совершаемого похода в магазин на противоположной стороне улицы.

Ходили слухи, что несколько раз отчаявшиеся, но не сломленные матери-одиночки пытались поджечь общагу, предварительно эвакуировав детей и наиболее ценные предметы своего нехитрого обихода. К несчастью, пожарная часть располагалась на соседней улице, и добросовестные работники пожарной службы благополучно успевали залить тщедушный, не успевший заняться костерок склизкой и липкой пеной из пожарной кишки.

Наш добротный, просоленный речными ветрами дом был незыблем, и все три года, что мы прожили в нем, радовал нас шелестом отлетающей штукатурки, обнажавшей деревянный скелет перекрытий.

Я отлично помню, как мы переехали туда. Но нет, начинать рассказ следует не с этого, а с оговорки: мы были, пожалуй, единственной неполной семьей, кто жил там не от материальной несостоятельности, а по идейным соображениям, точнее, благодаря первому и серьезному Бунту моей тихой и миролюбивой мамы.

Моя мама

Не умеющая жить как все, мама все делала не так: не так воспитывала меня, не на то тратила деньги, не с теми дружила, не тем увлекалась, не там училась и, что самое страшное, неправильно выстраивала отношения со святой святых – Семейей.

По этим причинам, сбыв меня в детский сад раньше положенного срока, мама вышла на работу в школу, чем вызвала еще большее неприятие своих родителей и свекрови.

А я любила бабушкину квартиру и мамину комнатку, одну из четырех имеющихся комнат, маленькую, светлую и тесную даже мне. В ней на выделенном добротной советской известкой потолке кружилась сказочная люстра с бегущими по ее замкнутой и бесконечной окружности зайцами, мышами и ежом с чутким бисерным носом. Там же стояли лакированные ароматные полки, на которых без труда размещалась мамина библиотечка и, конечно, письменный стол.

На этом самом столе, за которым мама провела все свое студенчество и, выйдя на работу, проверяла докучливые и громоздкие кипы школьных сочинений, на этом самом столе, за которым я сейчас пишу эту книгу, пеленали меня.

Еще в четырехкомнатной, огромной, как мне тогда казалось, квартире был коридор, узкий и длинный, точно плоский космос. По нему я каталась на подаренном мне первом моем велосипеде с каким-то конфетным названием «Петушок».

Бабушка, сколько я ее помню, постоянно пребывала в пелене кухонного чада варившихся ее трудами супов, холодца, варенья, пельменей, жарящихся пирожков, чебуреков, куриных котлет и иной снеди, заготавливаемой ею в несчетном количестве сменных блюд к завтраку, обеду, ужину.

Этот пряный чад пропитывал коридор и облекал его несурзанность в уютную прелесть обжитой и благополучной семейственности.

Эдя, как мы с бабушкой звали деда, каждый вечер колдовал «Спокойной ночи, малыши». Зажигался голубым светом солидный цветной телевизор, плыл по его выпукло толстой поверхности прожектор перестройки и огромные белые куранты программы «Время», а Эдя, благородно-усатый, на фоне сверкающего серванта с видом факира разводил и подрагивал в воздухе плывущими на цыпочках пальцами со словами: «Трах-тиби-тиби-дох-спокойной-ночи-малыши-елочка-зажгись».

Как ни странно, его ежевечерние манипуляции каждый раз претерпевали удачу: на экране возникал игрушечный месяц со спящим в его улыбке медвежонком, и перевитый пластилиновыми лентами колокольчик отзванивал узнаваемую песню любимой мною программы. Эдя делал удивленные глаза под кустистым размахом соболиных бровей и радовался сотворенному в подернутые мраморной проседью усы.

Я обожала его, он был всемогущ.

Помню как-то во время одной из редких своих болезней, по причине которой я радостно прогуливала садик с его ненавистной серой и скользкой геркулесовой кашей и глупой вздорной воспитательницей, я попросила Эдю, взявшего отпуск и бдительно следившего за планомерным приемом мною лекарств, наколдовать «Спокойной ночи» днем. Поначалу он отшучивался, пытаясь занять меня сказками Андерсена, отвлечь постройкой гаража для новой гладкой, как барбарис, пожарной машины. Безрезультатно.

– Эдя! Эдя! Наколдуй мне, Эдечка, ну, пожалуйста-препожалуйста! – со слезами заклинала я его, опешившего и смущенного.

Я тогда была близка к серьезной истерике. Пошатнулись Основы моей детской веры в гениальное Эдино могущество, в его неоспоримую божественную власть над всеми и всем, что я видела и знала тогда.

– Плохой Эдька, гадкий. Убегу от тебя, так и знай. Колдуй сейчас же! – орала я так, что слышно было на лестничной клетке.

– Как же я наколдую, когда ты расстраиваешь меня? – нашелся он наконец, не ожидавший такого напора и тем более моих слез, беспричинных, как он думал. – Я не могу колдовать, когда так кричат.

Я уже редела во весь голос, никого не стесняясь, все мое обманутое существо вопило от несправедливости, от подлости, от неумения принять этот обман. Я билась на ковре, подминая его под себя, как из последних сил душат предсмертный хрип поверженного врага. Мне хотелось умереть.

Потом уже, обессилив и конвульсивно вздрагивая от перехвативших горло спазмов, я молча вползла под диван и замерла там. Я слышала, как Эдя, испуганный донельзя и абсолютно беспомощный, звонит бабушке на работу. Слышала, как вскоре пришла бабушка, как озабоченный необычностью моего состояния Эдя пытался объяснить ей, что же собственно случилось.

Потом они по очереди заглядывали под диван, совещались, что делать, и пытались выманить меня оттуда конфетами, тортом, за которым Эдя пошел в нашу любимую кондитерскую, солдатиками, купленными бабушкой где-то по дороге домой, но я была непреклонна.

Меня насильно извлекли из моего убежища, когда дядя пришел из института и легко отодвинул его, успев схватить меня за ногу прежде, чем я опять заползу под пыльное диванное дно.

– А, вот и попался, куцый заяц! – приговаривал он, волоча меня гулять во двор.
– Не пойду! Пусти! Не пойду! Лучше пусти, а то хуже будет!

Как именно будет хуже, я еще не знала, но готова была прокусить дяде палец в случае, если ему удастся-таки доволочь меня до двора. Пока он тащил меня по лестнице, я цеплялась за прутья перил, но дядя умело отдирал мои руки.

В пролете второго этажа нам встретились соседи, возвращавшиеся с работы.

– Какой несносный ребенок, какая невоспитанность! – в голос возопили они, наблюдая, как дядя в очередной раз безуспешно пытается оторвать меня от перил. – Вам следует ее наказать, а то она совсем избаловалась. Смотрите-ка, никакого уважения к старшим! Вы не пробовали один раз хорошенько отлупить ее?

– У нас иные методы воспитания, – сказал дядя, переводя дух, – на ночь мы привязываем ее к батарее.

– Сами вы невоспитанные! – кричу я им, всерьез обидевшись и уже почти забыв о том, что меня недавно насильно вытащили из-под дивана. – Гадюки какие! Вы будете гореть в аду!

– Извините, – говорит мой дядя, – ума не приложу, откуда она набралась таких слов. Еще раз извините.

Он увлекает меня за собой, пока я не выдала еще что-нибудь, зажимая мне рот ладонью.

У подъезда на скамейке – дядины друзья, у них – гитара. У моего дяди тоже есть гитара, он уже почти научился играть. Вечерами дядя запирается у себя в комнате и разучивает новые песни, некоторые из них я знаю и могу угадать по мелодии, но чаще всего он наигрывает незнакомые. Тогда я с оскорбленным видом забиваюсь в угол и надуваюсь.

– Ну как? Хорошо? – спрашивает меня дядя время от времени.

– Плохо, все очень плохо, – говорю я, рассчитывая на то, раз все плохо, не стоит играть незнакомые песни, и он сыграет что-то из того, что хорошо получается. Но дядя почему-то обижается на меня и прогоняет прочь из комнаты.

Вот и теперь стоило ему увидеть гитару, мой дядя уже забыл, зачем мы вышли на улицу.

– Иди, погуляй, – отсылает он меня, – повиси на турнике, вон, видишь, мальчик играет. Познакомься с ним. И не смей кидаться песком! Слышишь?! Кому я сказал?!

Но я уже далеко.

Смешной человек, мой дядя, разве можно не кидаться песком? Интересно, понравилось бы ему, если бы у него забрали гитару и запретили перебирать аккорды незнакомых песен?

Я бегу к моему любимому тополю. Это самый прекрасный тополь в нашем дворе, кустистый, размашистый, настоящий гигант. Если смотреть издали, кажется, что он приветственно машет руками, с которых легчайшей мыльной пеной сползает дымчатый шерстяной каскад. Я люблю его, особенно теперь, когда он снова необычно юн, в нем бродят соки. Взбираясь по стволу, я слышу их сквозь гладь коры, так катит волны промозглый океан.

За столом я клюю носом. Плавает в мутном супном водоеме половина яйца и куриная котлета, я мешаю его уже остывшие илистые воды, стараясь как можно громче шуметь ложкой. Мне нравится этот звук, так скрежещут подъемные краны.

– Почему ты не можешь есть как все люди? – возмущается бабушка.

– Потому что я не все люди, а один людь.

– Правильно, она – не все, – застывает за меня Эдя, все еще смущенный моей дневной истерикой.

– Ты ей слишком много позволяешь. Дождешься, что она сядет тебе на шею и совсем отобьется от рук.

– Не говори ерунду!

– Эденька, ты не обижаешься на меня? – спрашиваю я, засыпая над остывшим супом.

– Нет, мышонок, что ты!

– А ты разрешишь мне кидаться песком?

– Ну, вот, пожалуйста! Что я говорила!

Меня укладывают спать в маминую комнату. Я лежу в оглушительной темноте и наблюдаю, как по потолку бродят контуры теней. Серые, бледные, черные... Я вижу свой тополь и чистенького мальчика с книгой.

– Я тебе задам! – говорю я ему.

– Можешь кидаться в меня песком, – говорит мне чистенький мальчик.

– Муся, ты не спишь? – шепчет мне мама.

– Я сплю, – отвечаю я.

– Иди поешь, – говорит бабушка маме.

– Я не голодна, перекусила у Лёры.

– Ты была у Лёры?!

– Зашла на минуточку. Я уже ложусь спать.

– Это тебе дом или не дом?! У тебя ребенок! О чем ты думаешь? Тебе созданы все условия! Ты никогда нас не уважала! Правильно, зачем уважать родителей?!

– Мне завтра рано вставать. Я ложусь спать. Пожалуйста, выйди.

– Хорошо, я уйду, раз ты не хочешь говорить с родной матерью... Как чужие все равно...

– Я хочу спать!

– Бабушка, мама хочет спать.

– Ну, хорошо, утром поговорим.

- Мне нечего тебе сказать...
- Это мы посмотрим!
- Бабушка, я тебе все скажу.
- Спокойной ночи! Спите.
- Мама, ты споешь мне песню?
- Про вагончики?
- Да и про пластилин.
- Хорошо.

Мама ложится со мной. Белеет в темноте ее рубашка, и ее черные волосы кажутся шелковыми. Я трогаю их, нет, это мамины волосы. Мама плачет.

- Вагончик тронется, перрон останется. Платочки белые, глаза печальные, – пою я невпопад.
- Ты неправильно поешь, – говорит мне мама.
- Вот слушай. На Тихорецкую состав отправится... – моя мама тихо поет и раскачивает в темноте рукой.
- Мама, ты где была?
- Завтра узнаешь.
- А почему завтра?
- Спи. Начнет выпытывать купе курящее про мое прошлое и настоящее...

Я ем мыло. Оно очень вкусное. Странно, почему люди не едят мыло, надо угостить бабушку и дядю. Они и не знали, что можно есть мыло.

- Мама! Мама! – это кричит мой дядя. – Мама, иди скорей. Она съела мыло!
- Выплюнь! Выплюнь сейчас же! – мой дядя очень взволнован, он не представляет, какое это было прекрасное мыло.

Прибегает из кухни бабушка. Бабушка и дядя смотрят на меня и молчат.

- Зачем ты съела мыло? – строго спрашивает меня бабушка, обретая наконец дар речи.
- Просто так.
- Нельзя есть мыло! – говорит мне дядя.
- Почему?
- Никто не ест мыло.
- А я ем!
- Надо вызвать «скорую»!
- Бабушка, я умру?
- Не думаю. Тебе поставят клизму.
- Но я не хочу клизму!
- Тебя не спрашивают. Стой на месте! Мама, я звоню в «скорую».
- Как ты себя чувствуешь?
- Мне вкусно.
- Ладно, не надо «скорую». Разведи марганца.

Дядя бежит за марганцовкой. Мне кажется, что у меня внутри лопаются пузыри, мне щекотно.

- Бабушка, я теперь могу плевать пеной!
- Господи, за что мне это! За какие грехи?!
- Мама, вот марганцовка!
- Разведи еще.
- Зачем марганцовка?
- Ты будешь ее пить.
- Не буду.
- Еще как будешь!

Я пью марганцовку. Меня рвет на пол.

- Рви еще!
- Я рву еще.
- Теперь-то ты понимаешь, что нельзя есть мыло?
- Почему?
- Оставь ее! Рви!
- Все. Больше не могу.
- Можешь!
- Честное слово, все!

Я плачу. Мне становится скучно.

Сегодня мы не идем гулять, потому что мне плохо, и я лежу в постели. Я скучаю по маме.

Лежать в постели неинтересно, но я съела мыло, и бабушка сердится. Я слышу, как она моет посуду на кухне и что-то варит на ужин. Лежать дольше выше моих сил.

Я встаю и крадусь к кухне. Чтобы не скрипеть досками пола, лезу на выступающую нижнюю тумбу огромного книжного шкафа, который тянется вдоль всего коридора, и, держась за полки, иду по ней.

Бабушка ходит по кухне и поет: «Вот кто-то с го-о-орочки спустился-я, наве-ерно, ми-и-ильый мо-о-ой иде-о-от...».

Моя бабушка любит петь, у нее есть голос. Когда у моей бабушки – день рождения, она поет вместе с гостями, очень громко и протяжно, так, что звенит наша хрустальная люстра. Тогда я забираюсь под стол и тоже пою, хотя меня никто не слышит. Когда я научусь петь, я вылезу и спою, и у меня тоже будет звенеть люстра.

Но сейчас мне не хочется петь, я вижу бабушкину шапку, висящую на крючке возле кухни, зимнюю, меховую, круглую, как мяч. Шапка упакована в бумагу, переложена апельсиновыми корками от моли, завернута в пакет и убрана в сетку. Рядом с шапкой, на том же крючке, висит мешок с луком.

Моя бабушка считает, что моль не любит лук и никогда не польстится на шапку, если та будет висеть в непринужденной близости от вонючего лукового мешка. Я осторожно снимаю шапку с крючка.

«И са-а-арвали ветры ша-а-апку с мае-е-ей буйна-ай головы...», – поет бабушка, что-то помешивая в кастрюльке. Все-таки моя бабушка знает очень много песен.

В большой комнате я разворачиваю свою добычу. Шапка замечательная, ею можно играть в футбол.

Я встаю на воображаемые ворота возле порога дядиной комнаты, ворота соперника – дверной проем ванной. Очень тихо, стараясь действовать бесшумно, я бегу по коридору, пиная шапку к воротам противника. Я вижу вратаря, он настроен решительно, он должен защищать свои ворота, а я должна забить гол. Я делаю обманный ход, забегая с шапкой в спальню, где пережидая пять долгих секунд, а затем внезапно опять выбегаю в коридор. Враг обманут, он не был готов к моему появлению. Я подхожу как можно ближе, разбегаюсь... И... го-о-ол! Шапка со свистом залетает в ванную, где мокнет в тазу белье, и с прощальным хлопом уходит на дно таза. Прямое попадание.
– Ура-а! – кричу я шепотом, пытаюсь выловить шапку из таза большим деревянным зажимом для стиральной машины.

За этим занятием я была застигнута врасплох.

– Что ты будешь делать?! Ни на минуту нельзя оставить! Марш в постель! Сейчас же! Глаза б мои на тебя не глядели! Меня прокляли! Точно, меня кто-то проклял! – кричит моя бабушка.
– Бабушка, я не виновата, что шапка утонула.
– Марш отсюда! Иди спать! – у бабушки трясутся губы.

Просыпаюсь я, когда все уже дома. И мама дома, она мечется по комнате, складывая мои вещи.

– Мамуленька, мы уезжаем?
– Да.
– Навсегда?
– Надеюсь, что навсегда.

В комнату врывается бабушка.

– Куда ты собралась?
– Я же сказала вам, в общежитие!
– Подумай о ребенке! За что ему такое?! У тебя же все условия!

Мама лихорадочно собирает мои вещи.

– Одевайся!
– Я вас никуда не отпускаю!
– А я и не спрашиваю твоего разрешения! С меня хватит унижений!
– Каких унижений?! Что мы тебе сделали?! Вырастили, выучили, живешь у нас... Живите, пожалуйста! Разве тебя кто-то гонит?
– Как же ты не поймешь: я не могу с вами жить!
– Куда ты тащишь ребенка?! Ты соображаешь? Там же даже душа нет, и туалет общий! Пусть там живут те, кому податься некуда! У тебя все есть, и мы с отцом тебе всегда поможем. А садик как? Ты ее в автобусах будешь таскать каждое утро? Вот она, благодарность! Подумай, Лариска, хорошо подумай! Нешто мы тебе чужие люди?

- Мне все осточертело!
- Нет, вы послушайте, ей осточертело!
- Муська, быстро собирайся! Быстро! Кому говорю!
- Оставь ребенка! Он болеет, он съел мыло.
- И не подумаю!
- Мамуленька, не волнуйся, мне уже лучше.
- Ну, погоди, отец тебе задаст!
- Хватит! Я все равно уйду! Уползу!
- Мама, я оделась.
- Умница, иди в коридор.
- Лариска, оставь это, слышишь ли? Послушай меня, я жизнь прожила...
- Вот именно, я не хочу такой жизни, как у тебя!
- Опять я плохая! Нет, ты мне прямо скажи, я плохая? Вырастили, выучили, что могли, отдали, и на тебе!
- С тобой бесполезно говорить.
- Нет, а ты поговори!
- Не вижу смысла.
- Я вас не отпускаю!

Мама, рыдая, выбегает в коридор. Бабушка становится у входной двери, заслоняя ее собою.

- Ты никуда не пойдешь! Что подумают люди!
- Мне нет никакого дела до того, что кто-то там подумает!
- А что подумают о нас?! Что мы выжили вас из дому!
- Пусть думают, мне наплевать!
- Эдя! Эдя! Они уходят, иди же сюда!
- Оставь ее, пусть уходят, – кричит Эдя из кухни.
- Эдя, сделай же что-нибудь!
- Оставь, я тебе говорю!

Мне жарко, я потею в своей осенней куртке. У меня кружится голова и хочется сесть, но я стою у двери, вцепившись в свисающий с нее кусок дерматина. Мама плачет со всхлипами, навзрыд. У нее дергается лицо, и она становится некрасивой.

- Бабушка, мы уходим! Мама, пошли. Ну, не плачь, мамуленька! – мне тоже хочется плакать, но я почему-то чувствую, что если заплачу, мы никуда не уйдем.

Наконец, маме удается открыть дверь, и мы окунаемся в лестничную сырость, как в забвение.

- Господи, неужели свобода! – моя мама счастлива, она улыбается красными от слез глазами.

Теперь моя мама свободна.

Дружба

Первым, с кем я познакомилась, был рыжий Колька. Он улыбался мне из неверного пыльного света общежитского коридора и не решался подойти. На общей кухне гремела разномастной посудой его мать, такая же рыжая, пересказывающая соседке очередную сплетню.

Я пристально разглядываю некрасивое Колькино лицо и веснушчатые жилистые руки, раздумывая, нравится ли он мне. Нет, совсем не нравится, решаю я и поворачиваюсь к нему спиной, намереваясь скрыться за дверью в нашу комнату. Колька подбегает ко мне, видно, что он очень взволнован.

– Давай дружить. Меня зовут Николай. А тебя? – выпаливает он на одном дыхании и тут же замолкает, напряженно вглядываясь мне в глаза.

– Какой же ты Николай, когда ты просто Колька?

– Ну, ладно, пусть Колька.

– Тебе сколько лет?

– Семь, а тебе?

– Пять.

– Такая малявка...

– Сам ты малявка, рыжая бестолочь! Тьфу тебе на тапок! – говорю я ему и захлопываю нашу дверь перед самым его носом.

Для верности я закрываюсь на крючок изнутри. Обиженный Колька пытается открыть дверь, чтобы наподдать мне как следует, но крючок крепкий. Сквозь дверные щели я слышу Колькино сосредоточенное сопение. На шум из глубины комнаты выходит моя мама.

– В чем дело? – спрашивает мама, ей интересно.

– Там бешеный Колька хочет выломать нашу дверь.

– Открой ему, может, он хочет с тобой играть.

– Вот еще! Он хочет меня набить.

Моя мама не представляет, чтобы рыжий Колька действительно хотел отлупить меня, поэтому открывает ему дверь. Я тут же прячусь за занавеской в углу, заменяющей нам шкаф.

– Здравствуй, Коля. Заходи, у нас есть игрушки. Муська, вылезай сейчас же! В конце концов, это некрасиво!

Мне приходится вылезти и играть с Колькой. Он с интересом разглядывает мои игрушки.

– Вот, это автомат, мне его подарил дядя. У него горит лампочка, только сейчас она кончилась, но стрелять все равно можно. Это машина-амфибия, она ездит по воде, и у нее вертится пушка. Это всякие-разные солдатики, с ними неинтересно. Это машина-такси, модель, она не разбирается, только колеса можно оторвать. А вот это кортик...

– Скажи, а куклы у тебя есть?

– А ты играешь в куклы?! Вот дурак!

– Я не дурак, а просто спросил.

– Есть кукла Димка. И все.

– Ты какая-то странная.

– А ты рыжий!

Колька строит гараж, он умеет строить замечательные гаражи. Наверно, я все-таки буду с ним дружить.

– Ты кого-нибудь тут знаешь?

– Тебя знаю.

– А еще?

– Никого.

– А Светку с Ольгой?

– Нет.

– А пойдешь к Светке?

– А пустят?

Гараж готов, Кольке становится скучно, и мы идем к Светке.

Светка живет в другом конце коридора, они с Колькой – соседи, и у них очень большая комната, даже две, если считать за комнату каморку, в которой помещается одна кровать и чемодан, заменяющий прикроватный столик, но все равно это маленькая отдельная комната. А еще у Светки есть турник, высоко, под самым потолком. До него можно дотянуться, только если поставить на обеденный стол табурет. Когда висишь, ноги качаются в метре над ковром, совсем как чужие. Такое свободное парение, словно на носочках ходишь по воздуху. Я могу висеть долго, пока окончательно не занемют руки, и я не перестану их чувствовать.

Светка серьезная, она постоянно читает и не висит на турнике. Если бы у меня был турник, я висела бы на нем весь день, а Светке нравятся книги. Она берет каждую очень осторожно своими коротенькими пальцами, как-то особенно поглаживая ее переплет, будто на ощупь хочет определить, хорошая книга или нет. Уж она знает в этом толк! Колька рассказывал, что Светка читает даже ночью под одеялом, хотя родители строго-настрого запрещают ей это делать.

Вот опять она показывает Кольке очередную интересную книгу, это «Незнайка на Луне». Не очень-то это хорошая книжка, чересчур толстая, и картинки черно-белые.

– Дело не в картинках, а в содержании, – объясняет мне серьезная Светка.

Хотя она старше всего на год, меня не покидает ощущение разверзшейся меж нами интеллектуальной бездны. Колька с ней полностью согласен, но я по глазам вижу, он и сам не понимает, чем книжки без картинок лучше.

Вообще, Светка мне нравится своей основательностью, она ко всему подходит с усердием, и это как-то удивительным образом сочетается с ее большой круглой головой и толстенькими куцыми пальцами с очень маленькими короткими ногтями. Ее руки меня просто завораживают своей земной притягательностью. Когда я смотрю на них, в моем сознании почему-то возникают два крутолобых бычка, тянущих повозку.

Если додумать это видение до конца, можно увидеть серый и покатый склон горы, на который этим бычкам предстоит взобраться, и палящее душное солнце, и прохладную зелень горизонта...

Но вот Колька собирается уходить, его мать уже рыщет по коридору в поисках сына.

– Колька, тебе опять влетит, беги домой быстрее, – говорит Светка, выталкивая его из комнаты.

Просто мы ей уже надоели.

– А как ему влетит? – мне становится любопытно.

– Как, как? Ремнем, разумеется. У его отца толстенный морской ремень с огромной пряжкой.

– Кольку бьют ремнем?!

– Ну да. Когда попадает пряжкой, Колька так визжит, что у нас слышно. – Вот это да!

– А тебя не бьют что ли? Меня бьют рукой, но редко.

– Не, меня веником, совсем не больно.

– Везет. А вот Ольгу, ты ее еще не знаешь, так вот ее часто бьют, тоже ремнем. Ольга сильно вопит, ты еще услышишь, у нас просто слышимость очень хорошая.

– Чего?

– Говорю, слышно все, стены тонкие.

В дверь к Светке стучат. Это моя мама, она ищет меня, потому что за окнами гладит крыши ночная тьма, и уже пора спать. Мы уходим, но вдруг в коридоре я вспоминаю, что не сказала Светке самое важное.

– Мамуленька, я на минуточку, только на минуточку, и сразу домой!

– Что еще приключилось?!

– Это совсем ничего, я сейчас вернусь.

Я вбегаю к Светке, даже забыв постучаться. Ее мама, тетя Роза, смотрит на меня удивленно, они уже стелют постели.

– Извините, – говорю я, – извините.

– Чего тебе? – недовольно спрашивает Светка. Она хочет спать, я ей до смерти надоела.

– Светка, давай дружить!

– Ну, давай.

– Я приду к тебе завтра.

– Так и быть, приходи.

– Я обязательно приду!

– Приходи.

– Спокойной ночи. Помни, мы друзья!

– Да уж не забуду.

Уже за дверью я слышу, как она рассказывает о нашем разговоре своей маме, и они вместе смеются.

Ну и пусть.

Обжора-Кашалота

Мы с мамой ходили в магазин, это самый чудесный магазин, какой я когда-либо видела. Там есть все.

Я долго стою перед каждым прилавком, прижавшись носом к стеклу. За стеклом мерцают пестрые конфеты, и оплывают ароматные сыры. Я не люблю сыр, но смотреть на него сквозь стекло мне нравится. Сыры желто-оранжевые, с точеными карамельными дырами, как луна, что висит по ночам над садиком. Я знаю, ее каждую ночь прикрепляют на канцелярские кнопки гномы в полосатых колпаках. Когда я вырасту, у меня тоже будет большой полосатый колпак до самого пола, с кисточкой на конце. А еще там есть печенье, я мысленно беру его за коричневые песчаные бока и кусаю. Когда во рту накапливается много откусанного печенья, его можно сосать, растворяя слюной сухие крошки. Получается очень вкусно, гораздо вкуснее, чем просто есть печенье.

Мы долго стоим в очереди за сметаной. Так глупо покупать сметану, когда на свете столько прекрасных вещей, которых можно купить! Но деньги – у мамы, и мама покупает сметану.

Меня постоянно толкают.

– Стой спокойно. Не вертись под ногами!

Ну как тут можно стоять спокойно? Я заглядываю всем в сумки, мне интересно.

– Веди себя прилично! – говорит мама. – Мне стыдно за тебя!

Какой-то бородатый дядька купил огромную рыбу, она тает и капает на пол. Я считаю капли. Дядька делает вид, что не замечает лужи, натекшей с его рыбы, но ее замечает техничка. Она ругает почему зря бородатого дядьку, тыча шваброй ему в ноги.

– Мама, смотри, дядька убил рыбу, и она плачет!

– Не говори глупостей! – моей маме надоело стоять в очереди, мама злится.

Перед нами еще два человека, они протягивают свои банки толстой женщине с недовольным лицом, стоящей за прилавком. Она наполняет их густой и вязкой сметаной и говорит, сколько грамм. Мама тоже протягивает ей нашу банку.

– Триста, – говорит недовольная женщина.

Мама идет к кассе, я сторожу банку, чтоб ее не украли. Возле бородатого дядьки – опять лужа, рыба продолжает оплакивать свою смерть.

– Дяденька, от вашей рыбы опять лужа, – говорю я.

Но дядька даже не поворачивается в мою сторону.

– Идем, – мама тащит меня к выходу, она все купила.

– Мама, а мне?!

– Что тебе?

– Я хочу конфет!

– У нас дома есть конфеты.

- Это не те конфеты, здесь лучше!
- Конфеты везде одинаковые.
- Тогда сыр!
- Ты же не ешь сыр!
- Все равно.
- Зачем тебе сыр?
- Я буду на него смотреть.
- Ради этого не стоит покупать сыр, смотри на него здесь.
- Но я буду знать, что это мой сыр, когда буду смотреть на него!
- Это глупо. Мы купили сметану, смотри на нее и думай, что это твоя сметана.
- Хочу сыр!
- Это невыносимо! Хорошо, я куплю тебе козинак! Ты хочешь козинак?
- Не знаю, а он какой?
- Как козинак.
- Ой, я очень хочу козинак! Купи!

Мама покупает мне козинак, и мы уходим.

- Теперь-то твоя душенька довольна?
- Пока да.

Я несу козинак, он слишком красивый, чтобы его сразу съесть, в нем много солнца. Я трогаю пальцем его румяный бок, бок истекает сахаром, лучится полуденным теплом, пудренным зноем...

У нашего дома Светка с какой-то девчонкой, им очень весело, они смеются. У Светки за спиной хитро подрагивает толстенькая косица. Все-таки Светка забыла, что мы с ней – друзья, раз смеется с какой-то незнакомой девчонкой.

- Привет! – окликает меня Светка.

Нет, все-таки не совсем забыла.

- Привет, Светка.

Мама заходит домой, а я остаюсь узнать, над чем это они так смеялись, к тому же у меня есть козинак...

- Это Ольга, я тебе вчера говорила. Мы играем, будешь с нами?
- А во что?
- В «Обжору-Кашалоту». Я тебя научу. Будешь?
- Буду.
- Что это у тебя, козинак?
- Да.
- Ольга – Обжора-Кашалота, она все ест. Мы будем ее кормить. Давай свой козинак.
- Зачем?
- Говорю же, сейчас увидишь, как она ест.
- Но я и сама могу его съесть! Хотите посмотреть?
- Но ты ведь не Обжора-Кашалота!
- Нет.
- Давай!
- На.

Мой золотистый козинак в мгновение ока исчезает в прожорливой Ольгиной пасти. Это неинтересная игра.

- И это все?
- А у тебя еще что-то есть?
- Пока нет, но я схожу домой.
- Тащи, мы подождем тут.
- Ждите.

Я бегу домой. У меня есть план.

- Мама, дай мне конфету.
- Ты же только что съела козинак!
- Я не распробовала. Дай.
- Не дам.
- Я хочу угостить Светку с Ольгой.
- Так бы и сказала.

Мама дает мне конфету, ее можно разделить на три довольно большие части, но я не собираюсь делиться.

- Давай я разрежу вам конфету ножом.
- Не надо, мы разломаем так.

Я съедаю конфету в углу общей кухни, конфета очень большая, она не помещается целиком во рту. Я давлюсь ею, но ем. В другое время я ела бы ее очень долго, держа каждый откусанный шоколадный кусок на языке, чувствуя, как его сладость стекает по горлу, но не сейчас.

- Ольга, будешь эту конфету? Скажи сразу!
- Такая большая, давай ее разделим! – просит меня Светка.
- Но ты же не Обжора-Кашалота! И я. Играем?
- Правильно, не надо делить! Обжора-Кашалота я, давайте конфету, я не наелась!
- Возьми, не жалко.

Ольга предвкушает эту конфету, она уже представляет, как съест ее на наших глазах, и как мы станем ей завидовать. Даже не знаю, что ее восхищает больше – пряная истома конфеты или наша зависть. Ольга медленно разворачивает конфету. Под фантиком земля из нашего цветочного горшка.

- Что же ты? Ешь!
- Я не буду есть!
- Это нечестно! Ешь сейчас же!
- Я не буду есть землю!
- Будешь, мы же играем в «Обжору-Кашалоту», которая ест все!
- Не буду, я выхожу из игры. Играйте сами!
- Но игра не окончена!
- Я не играю!
- Но это нечестно!
- Ешь! – говорит Светка. – А то, правда, нечестно.
- Вот и я говорю, ешь!

Ольга ест землю. Земля скрипит на ее зубах.

- Ешь все!
- Но я уже ела землю!
- Ешь всю конфету!

Ольга убегает. Но она ела мою конфету! Справедливость восстановлена.

- Приходи вечером, будем играть в куклы. У тебя есть куклы?
- Есть, Димка.
- Приходи.

Светка сама позвала меня!

Мне страшно

Я не иду в садик. Накануне вечером я перевела мамины золотисто-огненные часы, чтобы они зазвонили на час позже.

– Это просто наказание какое-то! Зачем ты это сделала?! Чем ты думала?! Ты вообще когда-нибудь думаешь?! Вечером я всыплю тебе ремня, хотя это и противоречит моим принципам. Ты получишь, говорю тебе это прямо! – моя мама в бешенстве. Она бежит по комнате.

– Меня могут уволить! Как мы будем жить?! Ты подумала?! Я пропустила первую пару! Японский бог, куда я теперь дену тебя, несносное ты существо?! – у моей мамы истерика.

Несносное существо лежит под одеялом и боится высунуться. Мама уже оделась, но она не знает, что делать со мной, я никогда не оставалась одна. Вконец обессилив, мама садится на пол и плачет навзрыд. Я тоже не представляю, что можно сделать, лучше бы я ела омерзительную казенную кашу.

– А ну, живо вставай! – решает наконец мама. – Ты остаешься. Досидишь до часу дня тут. И не вздумай поджечь дом!

Я нехотя вылезаю из сонного одеяльного тепла. Моя мама непреклонна.

– Ты еще долго будешь испытывать мое терпение?!

Нет, мне совсем не хочется испытывать мамино терпение, потому что я слишком хорошо представляю, что будет, если оно иссякнет. Я быстро одеваюсь.

– Так, никуда не ходи, только в туалет. Никому не открывай! Если будут спрашивать, где мама, говори, что ушла в магазин и скоро вернется. Все поняла?! Включи радио, если будет страшно.

– Мама, ты оставишь меня одну?

– Ты все поняла?!

– Все.

– Повтори.

– Ты ушла в магазин, а мне можно только в туалет.

– Правильно. И никому не открывать! Повтори.

– Никому.

– Так-то лучше!

– Мамочка, не уходи!

Моя мама плачет.

– Сиди, я скоро приду.

Мама уходит, но прежде, чем скрыться за дверью, она пристально смотрит на меня и не может решиться. Я надеюсь, что она передумает. Нет, мама стремительно выходит и быстро-быстро, чтобы больше не сомневаться, бежит по коридору. Вскоре ее шаги замолкают. Я остаюсь совсем одна.

В доме тихо, все ушли на работу.

Я слышу, как в этой чудовищной тишине щелкает счетчик, вскоре к этому звуку присоединяется тонкий звон включенной лампочки, словно бьют крыльями сонмы невидимых бабочек. Что-то шевелится в углу за занавеской, опасно, осторожно, предостерегающе. Мне хочется закричать, но я молчу, сцепив до острой, кусающей боли зубы.

Я смотрю в окно, но никто не идет по нашей улице, улица мертва, только стылый и болезненный снежный след угасает на еле видном мне перекрестке.

– Никто не придет – не придет – не придет... – стрекочет хищный счетчик.
– Не жить-не жить-не жить-не жить... – надрывается пыльная лампочка.

Я включаю радио, там поют. Я слушаю музыку, на какое-то время переставая различать пугающие меня звуки. Я беру цветные карандаши. Вот сейчас я нарисую солнце и веселый дом, и будет не так страшно, и не так пронзительно будет скалиться тишина.

Это очень красный дом с синими окнами и окрыленным над ним солнцем.

Я хорошо рисую, лучше всех в садике, меня даже хвалят. Я не понимаю, как можно не уметь рисовать, ведь это же так просто!

Вот крыша, она зеленая и не протекает, потому что в ней нет дыр, и страху никак не пробраться в этот дом, которого еще пока нет.

– 3-3-здравствуйте! – орет оглушительно радио, и стена дома получается кривой.

Голос пугает меня, потому что я не знаю его. Страх опять стекает по звоночнику и пятнами расплзается по ногам.

Я выключаю радио.

– 3-3-з-забоишься – звук лампочки забивается в уши так назойливо, что перехватывает дыхание.

Неожиданно я улавливаю какое-то шевеление в коридоре. Это пришло чудовище с железными руками! Я бегу к двери.

Только бы успеть! Успеть! Успеть! Накидывая крючок на петлю, я различаю, как тащатся по полу горбатые железные клешни и лязгают ржавые, покрытые следами прошлых убийств челюсти. Хлуп-тсс-с-с... Это ползет чешуйчатый хвост. Мне не будет пощады!

Я прячусь под кровать и кусаю руки, чтобы не выдать криком своего присутствия. Становится душно, меня тошнит, перед глазами расплзаются жирные белые пятна.

Скоро придет мама. Мама ушла в магазин и скоро придет. Мама прогонит чудовище, она всыплет ему ремня и отрубит хвост топориком для мяса. Чудовище заботится и будет умолять, но моя смелая мама все равно отлупит его, хотя это противоречит ее принципам.

Я представляю, как мама скажет чудовищу все, что она думает о его поведении. Нет, моя мама не струсит! Что ей какое-то там чудовище, ведь она каждый день учит спиногрызов!

Мне становится легче. Я очень хочу в туалет, для этого надо выйти из комнаты. А если чудовище притаилось за дверью?

Вдруг из общей кухни доносится песня: «Белые розы, белые розы, беззащитны шипы... Что с ними сделал снег и морозы...».

Это не чудовище, чудовища так не поют. Я осторожно открываю дверь и выглядываю в кухню. Там рыжая Колькина мама моет посуду и поет.

- Здравствуйте! – я очень рада Колькиной маме, хотя она, наверное, не умеет прогонять чудовищ, все равно с ней не так страшно.
- Что ты тут делаешь? – Колькина мать удивлена, она не ожидала меня увидеть.
- Я тут сижу дома.
- А почему ты не в садике?
- Просто.
- А мама где?
- Мама ушла в магазин, она скоро придет.
- Странно все это.
- Ничего не странно.
- И все-таки...
- Вы еще долго будете мыть?
- Пока не вымою.
- Подождите, я только схожу в туалет и постою с вами. А то вам скучно.
- Ладно, иди.

Я бегу в туалет. Как все-таки хорошо, когда кто-то есть в доме! Возвращаюсь я очень быстро.

- А вы никуда не уйдете сегодня?
- Нет, кажется, не собиралась.
- Это очень хорошо, потому что здесь, по коридору, сегодня ходило чудовище. Вы не боитесь чудовищ?
- С тех пор, как все ушли, здесь ходил только Панфилов со второго этажа, если ты о нем.
- Нет, Панфилова я знаю, но это было чудовище.
- Какая разница, он тоже чудовище!
- И у него есть клешни?!

- Нет, у него ядовитая слюна.
- Вы так интересно рассказываете, совсем не страшно.
- И все-таки, где твоя мама?
- Говорю вам, она в магазине.

Нет, Колькина мать мне совсем не верит.

- А вы почему не на работе?
- У меня отпуск.
- Отпуск – это хорошо. Когда у моей мамы был отпуск, мы ездили к морю. Это было Черное море, но оно только так называлось, на самом деле, оно просто синее.
- Не бреди мои раны!
- У вас раны?! Вас укусило чудовище?!
- Это душевные раны.

Посуда кончилась. Колькина мать уходит.

- Приходи к нам, если страшно.
- Нет, мне не страшно, я буду слушать радио дома.

Я возвращаюсь в комнату и включаю радио. Радио орет, мне весело. Я ложусь на диван и тут же засыпаю.

Я не слышала, как моя мама вернулась и выключила радио.

Я делаю вид, что все еще сплю, и наблюдаю за ней. Осторожно, стараясь не разбудить меня, мама звенит посудой. Она жарит мою любимую курицу, под одеяло проникает запах натертой аджикой куриной пупырчатой кожи. Сейчас моя мама догадается, что я не сплю, и мы будем есть нашу курицу.

Мама садится возле меня и долго смотрит, как я лежу с закрытыми глазами.

Я вижу ее сквозь ресницы, мне очень смешно, но я стараюсь не улыбнуться. Мама смотрит на меня, в глазах ее стоят слезы.

Ракета

Мы строим ракету уже два дня. Сегодня, по моим подсчетам, должен состояться наш полет. Наша ракета – на дереве, ее поддерживают ветви тополя-великана, совсем такого же, как тот, что растет во дворе у моей бабушки. Мы знаем, как строить ракеты!

Точнее, знаю я, поэтому и руковожу процессом.

Какое счастье, что рядом с нашим домом свалка, там-то мы и находим все необходимое. Никто не представляет, сколько замечательных вещей лежит там просто так, и их можно брать! Например, где бы еще мы нашли мотор? Это не просто старый мотор! Это настоящий агрегат, он страшно тяжелый. Втроем мы еле подняли его на дерево.

Вообще, я считаю, что Ольгу не стоит брать на Луну, но она, как видно, угадав

мой сомнения, старается изо всех сил. Вот, вспотев от усердия, Ольга несет кресло, серые мутные капли стекают ей за шиворот и струятся по тонкой шее.

– Помогите мне, я совсем умиралась!

– Не ной! Как же ты собираешься лететь, когда уже устала?

Ольга тут же смолкает, сжав от злости зубы, ей очень хочется на Луну, и она, даже не отдохнув, отправляется искать веревку, чтобы привязать кресло к стволу. Не так это просто – построить ракету! Но больше всего Ольгу раздражает то, что приходится подчиняться мне.

Светка работает очень хорошо, она отвечает за провиант, точнее, за колбасу. Эта колбаса, украденная Светкой из дому три дня назад, лежит в дупле. Сейчас Светка вытащит ее и сложит в мешок, привязанный к ракете сзади. Светка – настоящий герой, за кражу колбасы ей могло крепко влететь.

Тетя Роза искала ее очень долго, не понимая, куда могла исчезнуть колбаса. Она и не подозревала, что сегодня ее колбаса полетит в космос. Моя мама часто говорит, что иногда в жизни приходится идти на жертвы, например, у нее в жизни было очень много жертв. Какие это жертвы, и как они выглядят, моя мама не уточняет, их просто много... Мне кажется, что у тети Розы жертв совсем нет, поэтому ее колбаса и есть необходимая жертва. Это настоящая жертвенная колбаса...

Все готово. Ракета собрана, сейчас мы сядем в нее, отвяжем веревку и взлетим. Мы увидим наш дом сверху, конечно, он покажется нам очень маленьким, может быть, я увижу бабушкин дом и помашу ему рукой, и, наверное, даже заплачу...

Мы лезем на дерево. Хлещут по лицу мокрые ветки, вчера был дождь, и ракета совсем вымокла. Сидя на дереве, мы прощаемся с нашей улицей, омытой дождем, в лужах рваными бензиновыми кляксами плещется солнце. Сейчас я отвяжу веревку...

– Муська! Муська! – это кричит моя мама, и я кубарем скатываюсь вниз.

Мама ищет меня.

– Я здесь!

– Идем! Последи за курицей, пока я вымою посуду.

– Но у меня важное дело!

– Подождет! Я уже поставила ее в духовку, не могу же я делать двадцать дел одновременно! Ты сама просила, чтобы я приготовила курицу!

Моя мама и не догадывается, что есть курицу придется ей в одиночестве.

– Хорошо, только быстро!

Я стою на общей кухне и смотрю в духовку, там исходит аппетитные пары мамина курица. Мне жаль эту курицу, она увидит мамино одиночество, когда я буду далеко-далеко бороздить просторы Вселенной. Время тянется очень медленно, мне кажется, что Светке с Ольгой надоест ждать, и они улетят без меня. Я смотрю в окно и считаю секунды... Нет, это невыносимо!

Мне в голову приходит замечательная мысль. Я вытаскиваю курицу из духовки и бегу во двор.

Нет, они ждут.

– Где ты ходишь?! Быстрее!

– Меня заставили стеречь курицу, но теперь все в порядке, курица летит с нами.

Светка с Ольгой восхищенно смотрят на меня. У моей мамы появится еще один повод говорить о жертвах.

– Летим! Ура!

– Прощайте все! – кричу я и отвязываю веревку.

Мы летим.

Но не вверх, а вниз.

Мы сидим внизу под деревом, в огромной луже. Ольга ревет, ее придавило креслом, она вымазалась в грязи, и ей достанется. А еще Ольга ненавидит меня.

Я ищу свою курицу. Очевидно, что раз мы уже никуда не летим, мне придется есть ее сегодня вечером, и это очень печально.

Светке жаль колбасы, колбаса утонула в луже.

– Не жалея, Светка, это была жертвенная колбаса, она должна была утонуть.

Но Светка так не считает.

Я ищу свою курицу, шаря руками по скользкому грязному дну. Мне тоже влетит.

Наконец я вытаскиваю ее, облепленную грязевыми комьями, неаппетитную и вонючую. Надеюсь, ее все же удастся отмыть под краном. Я ухожу домой.

Моя мама тоже ищет курицу и меня, смутно прозревая, что наши таинственные исчезновения как-то связаны.

– Мама, обещай, что ты не будешь ругаться, – говорю я, неожиданно возникшая на пороге общей кухни. У меня за спиной истекает жертвенной грязью печальная курица.

– Я ничего не могу обещать, – опасливо отвечает моя мама. – Где это ты так извозилась?! Посмотри, на тебе же сухого места нет!

– Нет, ты сперва обещай!

– Отвечай на поставленный вопрос!

– Отвечу, если пообещаешь!

– Я не буду ничего обещать! – моя мама злится, она ищет веник.

Я предугадываю ее намерения и пячусь назад, стараясь укрыть курицу спиной.

Моя мама замечает курицу.

– Что это за дрянь у тебя в руках?! – восклицает она.

– Это не дрянь!

– Какая-то мерзость, брось ее сейчас же!

- Как же я ее брошу, если это наша курица?!
- Это что?!
- Курица.
- Какая еще курица? – мама не верит своим глазам.
- Наша. Из духовки.
- Боже мой! Что ты с ней делала?!
- Она летала на Луну.

Моя мама не в себе, ей становится плохо. Я спасаюсь бегством, бросив несчастную курицу у порога кухни.

Я стою в углу, и у меня ноет зад. Очень обидно, когда тебя не понимают. Я смотрю в окно, там над тополем висит загадочный диск луны. Луна смотрит на меня и понимающе молчит.

Лошадь

Каждую ночь во сне я вижу лошадь. Она очень красивая и расписная. Я взбираюсь на нее и уношусь прочь. Ветер треплет мои волосы и лошадиную сотканную из пуха одуванчиков гриву. Моя лошадь прекрасна! Мы останавливаемся у края горизонта и носимся наперегонки по изумрудной траве, а потом я кормлю мою лошадь пряниками. Она осторожно вбирает их сладость большими тревожными губами. Лошадь очень мне благодарна и никогда не кусается. Всякий раз я хочу взять ее с собой в утро, но она ускользает, оставляя в руках ощущение сафьяновых поводьев.

Моей лошади не существует, но каждую ночь она снова приходит ко мне.

Мы с мамой идем по улице. Моя мама очень красивая, как моя лошадь, а может, чуть-чуть больше, на нее оборачиваются. Людям нравится все красивое, но я не люблю, когда на мою маму смотрят.

- Мама, почему ты такая красивая?
- Не сочиняй! Я обычная, как все.
- И вовсе нет!
- Ты находишь? – маме нравится, когда ее считают красивой.
- Ты очень красивая!
- Спасибо, я рада, что тебе нравлюсь.

Я смотрю на маму, мне кажется, на нее смотрят все прохожие.

- Хватит на меня смотреть. Смотри лучше под ноги.
- Почему другим можно на тебя смотреть, а мне нельзя?

Прекрати говорить ерунду. Посмотри лучше, какой дом. Может, и нам когда-нибудь дадут квартиру в таком вот доме.

Я смотрю на дом, это совсем обычный дом, ничего особенного. Вот из второго подъезда выносят мебель и вещи, кто-то переезжает.

- Мама, люди переезжают. Давай вселимся в их квартиру.

Моя мама смеется.

- У нас нет ордера. Должны дать ордер.
- Как это нет, у Эди целая коробка ордеров. Он может дать нам один.
- Глупая, у него ордена!
- Какая разница?
- Вырастешь, поймешь.

Счастливые люди, они переезжают и, наверное, купят новые вещи. Так всегда делают, когда переезжают, по крайней мере, так говорит моя мама, которая знает все.

И вдруг я вижу мою лошадь. Да, это именно моя лошадь, она розовая и лежит на помойке. Я останавливаюсь.

- В чем дело? – спрашивает мама, она не понимает, что произошло чудо. Я нашла мою лошадь!
- Мама, это моя лошадь! Я ее узнала!
- Какая еще лошадь? Причем тут лошадь? – моя мама любит все усложнять.
- Это моя лошадь! – кричу я.
- Где?
- Да вон же она! Мама, быстрее! А то ее украдут!

Моя мама замечает лошадь.

- Ты с ума сошла! Еще не хватало, чтобы я лазила по помойкам!
- Но это она!
- У тебя опять блажь! Понимаешь ли ты, я преподаватель! Я педагог, а не кто-нибудь!
- А кто тогда я?
- Ты моя дурная дочь!
- Мама, надо забрать лошадь!
- Идем домой!
- Я никуда не иду, я остаюсь с ней!
- Господи, за что мне это?!

Я бегу к помойке.

- Стой! – кричит моя мама. – Не смей ее трогать! Она заразная!
- Мама, покарауль, я сейчас ее вытащу.
- Мне дурно! Ворон сел на мою могилу!

Я лезу на помойку. Моя лошадь спасена.

- Хорошо, как мы ее потащим?! Посмотри, она же вся неизвестно в чем!
- Учти, в автобусе я с ней не поеду!
- Что тебе сделала лошадь?!

Я реву на всю улицу. На нас опять все смотрят, но теперь причиной этому моя лошадь. Моей маме это не нравится.

Мы с лошадью едем в автобусе. Я счастлива, наконец-то и у меня есть лошадь! Нас все сторонятся, лошадь дурно пахнет помойкой.

- Учти, – раздраженно шепчет мне мама, – домой я тебя с ней не пущу!

Мы едем к бабушке. У моей лошади нет колес, но они обязательно должны быть, их приделает Эдя.

Бабушка с порога замечает лошадь, и лошадь ей явно не нравится.

- Где вы это взяли?!
- На помойке. Бабушка, лошадь надо вымыть.
- Вот до чего ты дошла в своем общежитии! А ведь я тебе говорила!
- Общежитие тут не при чем! – выходит из себя мама. – Просто ребенок давно хотел лошадь!
- Все равно, я предчувствовала, что так будет!

Мы втроем моем лошадь в ванной. Я тру ее розовые бока хозяйственным мылом, и лошадь радуется мне. Скоро придет с работы Эдя и сделает ей колеса. Лошадь блестит и уже совсем не воняет помойкой, мы вытираем ее полотенцем. Теперь это красивая чистая лошадь.

Мама с бабушкой садятся пить чай, а я люблюсь своей находкой. Жаль, что грива у нее тоже пластмассовая и ее нельзя расчесывать гребешком. И все-таки это самая лучшая лошадь в мире! И она принадлежит мне!

Вскоре приходит Эдя. Он понимает меня, ему понравилась моя лошадь, он тоже считает, что она прекрасна.

- Эденька, сделай ей колесики!
- Представляешь, они нашли ее на помойке! – моей бабушке не дает покоя мысль, что мы рылись в куче мусора.
- Ну и что?
- Как это «ну и что»?! Хотя, чему я удивляюсь, это явно наследственное.
- Что, черт возьми, ты хочешь этим сказать?!
- То, что это от тебя она набралась любви к помойкам.
- Но я не хожу по помойкам!
- Вот это да! А откуда в таком случае все твои доски?
- С улицы.
- Вот именно! Учти, Эдька, когда-нибудь я обрежу тебе усы, чтобы не тянуло на помойку.

У Эди трясутся руки, я чувствую, ему очень хочется огреть нашу бабушку чем-нибудь тяжелым.

- Прекрати донимать деда! Отец, не обращай внимания. Мы тебя очень любим, – говорит моя мама.
- Эдечка, это правда!
- А, ну вас всех к черту! Целуйтесь со своей лошадью.
- Эдечка, надо колесики.

Наш Эдя замечательный, у него есть все, и даже колеса для моей лошади. Он долго возится с нею, до самой темноты. Мне нравится смотреть, как наш Эдя работает, у него настоящие золотые руки! Благодаря им у моей лошади – новые колеса! Она легко скользит на них по полу коридора. Весь вечер мы ездим с ней по комнатам, оставляя после себя первобытный хаос.

Я засыпаю, обнимая свою новообетенную лошадь, но та, другая, больше не приходит ко мне, ей кажется, я предала ее.

Школа

Я уже три дня хожу в школу. Оказывается, не очень-то это приятно, туда ходить. Раньше я завидовала Светке с Ольгой, что они умеют писать и читать и могут прятать друг другу тайные записки в щели за дверью на холодную лестницу. Это их заветная почта. Правда, я еще пока не умею писать, в школе мы пишем только палочки и крючки, а читать я умею давно. Поэтому я краду их записки и читаю их, но вчера Светка с Ольгой изобрели шифр.

Я сижу на первой парте с чернявым мальчиком, который очень плохо пишет палочки, гораздо хуже, чем я. Чернявый мальчик завидует мне и постоянно толкает мою руку, чтобы и мои палочки были кривые. И это обидно. Я требую у нашей учительницы новую пропись, сегодня я испортила уже третью. Больше прописей мне не дадут. Завтра я отплю чернявого мальчика своими коньками.

Мы учим стихи про октябрят. Скоро мы ими станем, это значит, нам прикрепят звездочки и заставят учиться маршировать. Мне кажется, глупо маршировать, когда нет войны, но меня никто не станет слушать.

Нет, я не приживусь в школе, я чувствую. Особенно раздражает то, что меня дразнят, я заикаюсь. Во дворе меня никто никогда не дразнил.

– А ну-ка, скажи «Карл у Клары украл кораллы».

– И не подумая!

– Ну, давай, скажи!

Я сижу за партой и чувствую, как вокруг меня все теснее сужается кольцо любопытных глаз, как яростнее скалятся лица, предугадывая мое унижение.

– Давай, Карл у Клары украл кораллы!

– Нет!

Я набираю воздух, на выдохе легче говорить, тогда слова катятся, словно по маленьким рельсам. Их подталкивает воздух. Если воздуха мало, они не доезжают до конца, а если очень много, слова сойдут с рельс и покатаются кубарем, запинаясь о согласные, потому что они из железа. А гласные мягкие, как большие подушки, их можно подбрасывать в воздух, и ничего им не будет, они ленивые и принимают разные нужные формы. Главное, сказать первый звук, он всегда самый сложный.

– Кар-лу-лук-кл-кл-кл-кл...

– Ха-ха-ха! Кл-кл-кл! Укл-укл! К-ка-карр-р! Ну-ка, скажи нам еще что-нибудь! Очень смешно! Настоящий клоун!

Нет, мои слова сходят с рельс сразу, они летят под уклон, под очень большой уклон. Железные острые согласные запутались в подушках-гласных и увлекают их следом. Это целая куча-мала, в ней уже никто не сможет разобраться. Я вижу, как торчат из моих плавных ленивых гласных окровавленные перья, мне жалко их, я плачу.

Всем весело, все смеются над убитыми и беззащитными гласными, в которые только что так легко, точно ножи в масло, вонзились железные прутья хищных клокочущих согласных. Все убиты. И никто, никто не смог их защитить!

Я свирепею, кажется, мои глаза наливаются кровью. Мне хочется в каждый гогочущий рот вонзить по одной букве «к», вогнать так глубоко, чтобы оттуда хлестала кровь. Я кидаюсь на длинного мальчика, я хочу прокусить ему шею, чтобы он понял, чтобы осознал всю трогательную беззащитность моих бедных произнесенных букв.

– А-а-а! – длинный мальчик кричит от ужаса, но уже поздно.

Я бью его по лицу, не помня себя от ярости. Из носа мальчика течет кровь. Прибегает наша учительница.

– Дикая! Ты взбесилась! – орет она, оттаскивая меня в сторону. – Тебя надо изолировать! Тебе не место в нашей школе!

Я забиваюсь под парту и сижу там. Учительница причитает над моим побитым мучителем. Все расходятся по своим местам. Только мой сосед, чернявый мальчик, боится сидеть рядом со мною и в нерешительности мнетя возле парты.

– Ты будешь сидеть одна на задней парте, а то, боюсь, еще убьешь кого-нибудь. Пересаживайся, и побыстрее!

Я бреду на заднюю парту. С этого дня я стану прокаженной.

Я ненавижу школу, ненавижу нашу учительницу и свой класс! Если бы мой автомат был настоящий, я принесла бы его и расстреляла их всех, но у него кончилась лампочка.

Где же справедливость? Где?

Меня не приняли в октябрюта, потому что я дикая и меня следовало бы изолировать. Должно быть, я должна испытывать благодарность к нашей учительнице за то, что она милостиво позволяет мне учиться вместе с нормальными детьми, настоящими октябрютами. Но я почему-то не испытываю к ней ничего, кроме оупляющего равнодушия. Со мной никто не разговаривает, я, по-прежнему, одна сижу на последней парте. Я плохо вижу с доски, поэтому скверно учусь, и это очень расстраивает мою маму.

У меня есть одна радость. Каждое утро перед началом уроков, когда все октябрюта должны встать и декламировать правила октябренка, я остаюсь сидеть.

– Октябрюта – дружные ребята. Хорошо учатся, любят школу... – гремит десятками глоток наш класс.

Кража

По дороге из школы я украла ромовую бабу в хлебном магазине. Мне совсем не нужна была ромовая баба, просто это было роковое стечение обстоятельств.

Мне нравится бывать в хлебном, каждый день после уроков я захожу туда и успокаиваюсь. Меня пьянит витающий там сдобный дух, который бескорыстно исторгают булки, пирожные, маковые крендельки, длинные бледнотелые батоны и рыхлые хлебцы. Все это великолепие лежит безо всякого присмотра в косых деревянных ящиках, заменяющих полки прилавка.

В хлебном всегда тесно, сытный воздух влечет не только покупателей, но и зевак вроде меня. Я могу бесконечно смотреть на хлебные бастионы, но у меня нет денег.

Многие из моих одноклассников заходят сюда после школы, чтобы купить пирожное и съесть его дома. Но у них есть деньги, а у меня – нет, поэтому я просто смотрю. Иногда мне все же хочется быть как все и купить здесь пирожное, но я гоню прочь такие мысли. Мне кажется, в этом есть что-то унижительное, как и в моем заикании.

Вот и теперь я просто люблюсь представленным богатством. Думаю, если бы мне разрешили, я съела бы все, что здесь есть. Счастливый продавец, он целый день охраняет этот клад!

У моей мамы есть книга с картинами художника Рубенса, там изображены очень толстые женщины, некоторые из них даже не помещаются в картину, настолько они большие. Мама говорит, что это настоящее искусство и настоящая красота, но я не понимаю такого искусства. Почему бы ему не рисовать худых женщин, ведь они намного красивее? Жаль, что Рубенс умер, он бы нарисовал мою маму, хотя она вовсе не в его вкусе. Нет, я совсем не понимаю толстой красоты! Моя мама считает, это потому, что я не доросла до великого.

И вот я вижу ромовых баб, они как женщины Рубенса. И они, действительно, великие! А какие у них облачные бока! Это течет ром. Мне очень хочется укусить рыхлую мякоть, политую молочным ромом. Но я не смогу расплатиться за целую ромовую бабу, а бесплатно кусать нельзя.

Я стараюсь представить мысленно, что ем ее. Я медленно облизываю тяжелые мутные капли и осторожно прокусываю кофейный изгиб, там, в его тайной глубине, спрятан изюм... Нет, я не наедаюсь мысленно, мне нужна настоящая ромовая баба.

Я знаю, брать в магазине, если нет денег, нельзя, это самая настоящая кража. За нее могут посадить в тюрьму, где ужасно холодно, и ходят по стенам огромные тараканы. Но это если поймают.

Я стараюсь не думать о том, что будет, если меня поймают. Толстая, как все женщины Рубенса, ромовая баба целиком завладела моим воображением. Какое, наверно, счастье – обладать ею!

Мне кажется, мои мысли услышал продавец, словно я сказала о своем намерении вслух.

Продавец не смотрит на меня, он считает сдачу. Прошмыгнув мимо кассы, я бросаюсь к дверям. Уже, уже почти на свободе! Двери поддаются с трудом, на них тугая пружина.

Я несусь по улице, толкая прохожих. Они удивленно смотрят мне вслед и, наверное, удивляются моей невоспитанности, но мне все равно. Под курткой плавится, как кусок раскаленного свинца, ромовая баба. Мне так горячо, что хочется закричать на всю улицу. Ветер сбивает с головы шапку, я поднимаю ее и бегу дальше. Вот и дом. Мне кажется, меня уже ищут, и у нас в комнате – засада, поэтому я прячусь в щели между нашим домом и «белым», здесь меня не должны обнаружить.

Я вынимаю из-за пазухи причину своего грехопадения. Моя ромовая баба выглядит жалко, она измята, и с нее обваливаются куски полусохшего ромового сиропа. Она даже уродлива, гораздо уродливее, чем толстые женщины Рубенса. Я ее ненавижу.

Сидеть между домами холодно, понизу стелется сквозняк. Наверное, я заболела и умру здесь. Потом меня обнаружат соседи, и моя мама заплачет. Мне очень жалко мою бедную маму, я плачу сама.

Плачу долго, размазывая по красному лицу соленые слезы, в порыве отчаяния я бросаю свою ромовую бабу на землю и остервенело топчу ее ногами. Чистейшей белизны сладкая маковка становится грязной. Я плачу по маме, которая теперь останется совсем одна в нашей комнате, ей станет печально, потому что некому будет доводить ее до белого каления.

Нет, мою маму нельзя расстраивать, ей и так постоянно приходится идти на жертвы. Я зарываю раздавленную ромовую бабу за нашим домом, зарываю так глубоко, чтобы ее никто никогда не нашел. Мне теперь всю жизнь придется бояться милиции и кассира в нашем хлебном, но эта тайна умрет вместе со мной.

Мы уезжаем

Моей маме дали ордер. Это значит, что совсем скоро мы уедем из нашего замечательного дома. Наш дом снесут, а на его месте построят какое-то другое нужное здание. Я не могу представить, что нашего дома не будет и нашей комнаты не будет, и кто-то другой станет смотреть из новых, пахнувших свежей краской окон на мою улицу.

Мама приносит бумажку, это и есть ордер. Я думала, он большой и железный, как орден или медаль, но это обычная скучная бумажка. Я сама могла бы написать маме такую, если бы она попросила меня об этом. Теперь я научилась писать!

- Мама, наша кошка тоже переедет?
- Даже не знаю... – моя мама совсем забыла о нашей кошке.
- Мама, кошка тоже должна переехать!
- Я подумаю об этом, когда будет время. Главное, у нас есть квартира! Боже мой, мне кажется, я сойду с ума!
- Мама, не надо, а то я не буду знать, что с тобой делать!
- Муська, сегодня мы пируем! Сейчас я поставлю курицу.
- По поводу твоего сумасшествия?
- Нет, по поводу нашей квартиры!

Моя мама сильно занята, ей еще многое надо обсудить с тетей Розой.

Я выхожу в коридор, мне почему-то грустно. Вдруг я понимаю, что вовсе не хочу уезжать. Я люблю этот дом, эту улицу и даже школу. Я иду по коридору и царапаю стены ключом, со стен обваливается штукатурка и ложится мне под ноги тонкими пластинами, точно опавшие белые листья. Скоро мы уезжаем.

Я поднимаюсь по холодной лестнице запасного выхода и сажусь на подоконник. Отсюда виден двор. Оказывается, наш двор совсем маленький. Где-то, наверное, есть большие дворы, такие необозримые, как стадион, куда ходит играть в футбол рыжий Колька. И в эти дворы выходят дети, живущие в отдельных квартирах с детскими комнатами. И, наверное, они очень счастливы. Я задумываюсь о счастье. Вот, например, моя мама, она счастлива и готовит курицу. Или тетя Роза, тетя Роза тоже счастлива, она уже знает, какой гарнитур купить в кухню. Все-таки взрослым надо так мало для счастья, просто постоянно переезжать и покупать новые гарнитуры.

Ночью я совсем не сплю, я вижу тетю Розу, которая тащит на себе огромный гарнитур, на гарнитуре сидит наша кошка и плачет. Кошка не хочет переезжать. Я бегу за тетей Розой. Тете Розе кажется, что я хочу забрать ее новый гарнитур, тетя Роза бежит.

- Отдайте нашу кошку! Мы остаемся! – кричу я ей на бегу, но тетя Роза меня не слышит, она спасает свой гарнитур.
- У тебя будет комната! Я счастлива! – говорит моя мама, высовываясь из дверцы гарнитура.

Мне становится плохо, я боюсь, что тетя Роза надорвется. Но она уже далеко.

Я возвращаюсь домой. Наш дом наполовину разрушен, он просит о помощи и хлопает оконными рамами. Я не могу ему помочь, я сажусь под нашим тополем и плачу.

Тополь сыплет на меня листья, тонкие, белые, как штукатурка...

Литература

Разбег. Творчество МОЛОДЫХ

Каждое время рождает своих поэтов. И они чаще всего уже в нежном возрасте предъявляют миру свое обозрение бытия. Молодые авторы пишут стихи, не пряча их «в стол», не стесняясь признаться, что у них за плечами – легкие крылья вдохновения.

Не оспорить, что молодость – это время самых замечательных, ярких чувств и открытий, оставляющих неизгладимый отпечаток на всю жизнь. Особенно, если ты человек летающий. Бесконечное множество новых красок, смыслов и мироощущений, которые рождаются в сердцах начинающих поэтов, пленяют своей свежестью, чистотой и непосредственностью.

Сегодня в рубрике - гости из Тюменского государственного архитектурно-строительного университета. Они представляют студенческое литературное объединение «Слово», которому в 2011г. году исполнилось 5 лет.

**А. Маркова, ведущая рубрики,
руководитель студенческого литературного объединения «Слово»**

Анастасия Показаньева
Студентка ТюмГАСУ, 4 курс

Насквозь просвечивает...

*Насквозь просвечивает безжизненное нутро,
софитовый свет слепит и бьет по глазам,
ради кого ты так протавляешься, ради кого?..
Почему твое спасенье не я, а метро?
Кинозал, где крутят парочку слабеньких мелодрам.*

*Я не знаю твоих квартир, картин, панорам,
Там, где закончится осень, нас не собрать.
Научилась недавно самостоятельно засыпать,
маскировать внутренний сдвиг, пулю навывлет, шрам,
там, где ты, одиноко, и верность на грамм.
Влюбляешься в тех, кому нечего рассказать.*

About her

*Часто не спит ночами, днями спорит с врачами,
и не то, чтоб ее съедала тоска или печаль там,
и начальник, вроде бы, не дурак.
Обесточена тишиной и молчаньем,
не делится своими мечтами,
чутье по-животному одичало,
и только она понимает, что что-то идет не так.*

*Стоит на своем, и словом – будто мечами,
ранит, и может равняться с лучшими палачами.
Ей – высота, а другим стена за плечами,
слепота, немота, горький чай, терпкий мрак.
В ней чужие просто души не чают,
на все их вопросы порою так отвечает,
что сердце в пятки сползает
и бьется с ее дыханием в такт.*

*Все пути на страницах. В Тайбее и в Ницце
Ты найдешь его и посмеешь влюбиться,
но впереди, как водится, пустота.
Ничего.*

*Все пройдет, мое чудо,
я – в Тайвань, ты – на Кубу.
И когда-то так будет –
мое сердце, как блюдо,
занесут в твой изысканный счет.*

Ирина Рушкова

Выпускница ТюмГАСУ 2010 г., один из авторов коллективного сборника стихов «Точка опоры»

*Дождь с шести сторон, кругом вода:
Не придешь...
Тонут в снах туманных города...
Чертов дождь!
Мир во всех оттенках серебра:
Тень ли, свет?!..
Знаешь, ведь вчерашнее вчера –
Это бред.
Ветер заглушает сердца стук,
Волчий час...
И вода, вода, вода вокруг
Топит нас...
Полоумный ветер в окна бьет –
В рамках дрожь.
Безнадежность болью сердце рвет...
Чертов дождь!..
Знаешь, он сегодня Господин.
Зябко мне...
Не придешь согреть. Так приходи
Хоть во сне...*

*Все уходит: дорожную лентой –
В никуда, в никогда, в ни зачем.
Из нуля по спирали крещендо –
Только эхо –
от плача, от смеха,
И пылающий в сердце Салем.
Ухожу, не надеясь вернуться,
Закрываю ненужную дверь.
И дороги петлю завьются –
Только эхо –
Гудки и помехи –
Первородные звуки потерь...
Никогда – лишь секунда к секунде.
Никуда – от версты до версты.
Ни зачем – и надежда-Иуда,
Точно эхо,
(Пустуют доспехи!),
Поцелуем взвела на кресты.
И бессонница, и ожиданье,
И любовный угар без ума,
И похмельное счастье свиданья –
Точно эхо –
Лживое эхо! –
Унесла полуночная тьма.*

Инна Рязанова

Студентка ТюмГАСУ, 3 курс.

Автор сборника стихов «Строчки доступа» (2011 г.)

Сказание о сакуре

*В тени Фудзиямы склонилась сакура
С тысячилетней душой.
Не всем жизнь деревьев кажется сахаром.
А сакуре – хорошо.
Весной расцветает белой невестою,
Слушает щебет стай.
И как самураи, друг друга приветствуя,
Лихо кричат: «Банзай!».*

*И вот однажды они ей сказали:
«Сакура! Это ль – жизнь?!
Вот мы – самураи! Мечи из стали
И мощь, что только держись!»*

*А ты стоишь на привычной почве
Несколько сотен лет!»
Сакура пошелестела листочками,
Произнесла ответ:*

*«Каждому – свой из миллиона шансов
И свой поворот пути.
Вы – самураи. И вам сражаться.
Я – сакура. Мне – цвести.»*

Дикость

*«Ты звони просто так», – говорит. – «Твой звонок
В противовес моему одиночеству.
У меня все смешалось: и ночи, и дни – в одно...
Потому мне порой даже жить-то совсем не хочется».*

*«Ты звони», – говорит. – «Мне сам голос приятен твой.
Я не сплю до утра, и никто мне постель не греет.
За себя я привык отвечать и делами, и головой.
За кого-то другого – пока отвечать не умею».*

*«Я как волк. Одинок. По чутью научился жить.
Мне не нужно людей, мне не нужно голодной стаи...
Они жрут, не желая хоть что-нибудь сотворить!..
А я с этими тварями выживаю...»*

*Я звоню ему редко, я, скажем, не лучший друг.
За свой голос мне стыдно слышать его «спасибо»...*

*Если дикого зверя начать прикармливать с рук,
Выгонять его прочь будет просто невыносимо.*

Ирина Руделева
Выпускница ТюмГАСУ 2009 г.

Ночь

*Когда своим играет светом тень,
Когда светила луч последний угасает,
И ночь звезду свою на небе зажигает,
Мы провожаем утомленный день.*

*Когда смыкает лепестки цветок,
И умолкают трели звонкие трамваев,
И млад, и стар – все люди знают,
Что день подобно ручейку утек.*

*И благодатная спускается на землю,
И появляется из ниоткуда млечный путь.
Хоть и не вместе мы, но я хочу уснуть –
Без этого день новый не приемлю.*

Евгению

Посвящается Е.М.

*Я стою на краю бездны,
Снегом запорошена.
Нет несчастнее на свете
Женщины брошенной.*

*Я сквозь слезы смотрю,
Но Тебя рядом не вижу.
Уж поверьте, нет несчастней
Женщины униженной.*

*Лучше б Ты меня ударил
С наслаждением бил бы...
Нет несчастнее на свете
Женщины забытой.*

*А потом бы мои губы
Целовал так нежно...
Уж поверьте, нет несчастней
Женщины отверженной.*

*Но, любовь моя, меня
Ты сделал окрыленной.
Все ж на свете нет счастливей
Женщины влюбленной.*

Яков Емцов

Выпускник ТюмГАСУ 2009 г.

По черной палубе

По черной палубе сток капель,
В нем отражается закат.
Пусть безразличие раздавит
Мой вечер. Нет путей назад.
Пусть в городе из окон с улиц
Видны вам те же небеса –
Для всех земля пейзаж рисует,
Мир дарит ясные глаза.
Порой нам не с кем это видеть
И мира такты ощущать,
Наш мир красивый – тоже зритель,
Способный критику сгущать.
Как человек, взгляд заостряя,
В лице столь выражен на миг.
Так мир во взгляде обретает
Свод истин, словом повторив.

Шум

Словесные карикатуры...
Шут скалился, глаза прищурив.
Все лишь бы чувствовать веселье:
Раскрасил шкуру едко белым,
Напялил шапку с бубенцами.
В смех жилы крупными рубцами
Стянули скулы до ключицы:
«Теперь лицо, а были лица...»

Приметы

Не лучше помолчать об этом.
Пусть где-то
Вижу постоянно, что обращаются ко мне.
В огне
сгорающего солнца,
Глазам легко и сердце бьется.
Мне льется
дождь ручьем к стопам,
Но я об этом раньше знал.
Лицо мое для вас раздето...
Я к будущему шел, но следом...
Мне лучше помолчать об этом,
А не кричать навстречу ветру.
Приметы
господа красивы,
Я вижу их в мой миг счастливый.

Полина Ивлева

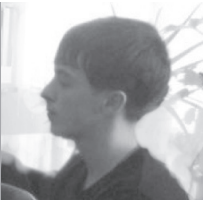
Студентка ТюмГАСУ, 4 курс,
автор «Сборника стихов» (2010 г.)

Пыльно и душно. Горело лицо.
Горло сушило. Дрожали ладони.
Терло такое родное кольцо
Палец. И поезд пыхтел на перроне.
Бабки в корзинах несли пироги,
И проводницы кричали, мол, едем,

В горле застрял, как комок от тоски,
А равнодушие осталось соседям.
Мне возвращаться, тебе уезжать...
Дождь моросил. Все бы было иначе,
Если ты только хотел бы понять,
Это – не дождь, а мое сердце плачет.

Аллеи пахнут инеем,
Кружится белый снег.
Зови меня по имени,
Когда ускорю бег.
Ступеньки стали скользкими –
Иди да не плошай!
Ах, ярмарка Никольская,
Лишь успевай мечтай!
Нам день прекрасный выдался,
Совсем как год назад.
Смотрю: из силы выбился
Твой непокорный взгляд.

Ты, снег в ладони комкая,
Смотрел, как таю я
Растерянной девчонкою
Земного бытия...
Мне кажется, мне кажется,
Что я тебе нужна.
А как уж там окажется,
Узнаю я одна...
Иду дорогой длиною,
Ногой снег ворошу,
Зови меня любимую,
Когда я заслужу!

Артем Ковалев

Выпускник ТюмГАСУ 2011 г.

Молодость

20 лет. Не нужны
революции,
неформальные движения,
молодежная жизнь.
Мои друзья
по подъездам плюются
от некачественной
анаши.
Вот и стали детишки чуть старше!
Из-за угла,
слышите,
нарастает галдеж?
Алкогольным,
наркотическим,
порнографическим демаршем
вышагивает молодежь.
Эй, взрослые,
как так получается:
розовое детство имеет серый конец?
И миллиону рожениц
не докричатся
до ваших сердец.

Манекен

Надменно так,
свысока,
Смотрит с витрины
пластмассовый человек,
обрубленный напополам.
Дождь ли,
сушь ли,
молча
он улыбается вечно.
Как будто денег взял,
а отдавать нечем.
Да и незачем.
Не жаловались пока...
Ну, кто пойдет
трясти
пластмассового должника?!
Сложно, наверно,
быть жертвой
подстекольного ареста?
Представляете,
если бы живого
на его место?!
Это ж сколько крови?!
Должно быть, много...

P.S. Интересно,
а куда бы девали ноги?!?!?!?

Краеведение

Живые традиции

Майя Смирнова

Краевед, ветеран архивного дела,
награждена медалью ордена «За заслуги перед
Отечеством» II степени

Тюменская елка

Новогоднее поздравление уже несколько столетий звучит на многих языках мира. Первый день года ныне во всех странах, как и у древних римлян, празднуется 1 января.

Но до половины XVI века в Германии год начинался с 25 декабря, во Франции до 1556 года – с Пасхи. В древней Руси церковный год начинался с 1 марта, гражданский – с 1 сентября, с 1342 года оба начинались с 1 сентября, и, наконец, с 1700 года – с 1 января.

Как это произошло?

В царском Указе Петра Первого от 15 декабря 1699 г. говорилось: «Поелико в России считают Новый год по-разному, с сего числа перестать дурить головы людям считать Новый год повсеместно с Первого января. А в знак того доброго начинания и веселия поздравлять друг друга с Новым годом, желая в делах благополучия, а в семье благоденствия, в честь Нового года учинить украшения из елей, детей забавлять на санках, катать их с гор, а взрослым людям пьянство и мордобоя не учинять, на то других дней хватает».

После Октябрьской революции некоторое время, до 1936 года, праздник не считался гражданским, советская власть запрещала ставить елки.

В довоенное время в Тюмень вернулась традиция отмечать приход Нового года по-семейному: устанавливать ели, дарить детям подарки. Но одновременно и в детских садах, драматическом театре и Доме пионеров тоже появлялись большие елки, проходили праздники для школьников.

Необходимо подчеркнуть, что и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. новогодние праздники проходили в детских учреждениях, школах, а в тюменском драматическом театре, можно считать, была общегородская елка, которая была большой радостью для детей. В каждой школе зимние каникулы начинались с праздника Елки. Дети к нему долго готовились: делали игрушки из бумаги, фантиков, клеили фонарики, гирлянды-цепи из разноцветной бумаги, палатки папанинцев – из черной бумаги с надписью большими белыми буквами «СССР». Были, конечно, и фабричные стеклянные и картонные

игрушки (фонарики, шары, фигурки животных и птиц, яркие овощи и фрукты). К сожалению, в годы войны настоящих конфет и фруктов на елках не было.

Родители готовили для детей разные, хоть и примитивные костюмы: на новогодних праздниках появлялись снежинки, зайчики, медведи, лисички. Дед Мороз и Снегурочка веселили всех песнями, танцами, викторинами, например, «Кто быстрее и больше найдет на елке тех или иных игрушек?». Лучшим подарком для победителей была маленькая, из черного хлеба, но такая вкусная булочка!

Закончилась война, возвращались солдаты домой. Тюмень – с 1944 г. областной центр – начинала перестраивать промышленное производство на выпуск продукции для мирной жизни. 15 декабря 1947 года отменили карточную систему на продажу продуктов питания. Тюменцы готовились встречать Новый 1948 год. На Городской площади, где 22 июня 1941 года состоялся митинг, а война превратила в картофельное поле, (это два квартала между улицами Республики, 8-е Марта, Хохрякова и Орджоникидзе), установили первую городскую елку, строили горки, художники и любители лепили из снега Деда Мороза и Снегурку, сказочных зверей. На большую елку, правда, развесили обычные бытовые лампочки, но... игрушки – изготовленные на заводе Пластмасс: петухов, собачек, куколок и др. На радость детям и взрослым эта первая послевоенная елка стояла (приблизительно) там, где в настоящее время вход в главный корпус Тюменского нефтегазового университета. Площадь по вечерам сверкала огнями, хотя электроэнергии еще не хватало: работала маломощная городская электростанция за Троицким монастырем. Первый тюменский послевоенный праздник Нового года удался, хотя погода «удивилась»: пошел... дождь и ледяные скульптуры «заплакали».

Так было положено начало традиции встречи Нового года на площадях, в садах, скверах Тюмени. Новогодние праздники проходили и в учреждениях культуры, искусства, школах, учебных заведениях. Организовывались карнавалы, конкурсы. Елки украшали тематически, раскрывая те или иные этапы истории нашей Родины. Фабрики елочных игрушек начали выпуск не только традиционных шаров и шишек, но и самолетов, спутников, космических ракет, а также початков кукурузы, экзотических фруктов и т.д.

С началом послевоенной застройки Городской площади (машиностроительный техникум, индустриальный институт, государственные учреждения, жилые дома) главную елку Тюмени стали устанавливать в городском саду. Позднее, после создания районов (Калининского, Ленинского, Центрального), встреча Нового года проходила уже на площадях у Выставочного зала, 400-летия Тюмени, в Комсомольском сквере.

Новый 2012-й год тюменцы встречают в 28 микрорайонах Тюмени. Более 60 лет горожане выходят на площади к наряженным елкам, чтобы пожелать друг другу «в делах благополучия, а в семье благоденствия».

Наталья Паромова

Искусствовед тюменского
музейного комплекса имени И.Я. Словцова

Пришло Рождество

«Пришло Рождество, начинаем торжество!» Так, наверное, пела моя бабушка Ульяна, которая родилась в 1898 году. И Рождество в Слободе Бешкиль праздновали как надо. В сочельник накануне праздника варили кашу на меду и отвар из сушеных ягод. Все это ставили на соломку под иконы в красном углу – будто дар Христу. Затем всей семьей ели кашу (сочни) и – в Храм.

Как праздновали Рождество замечательно описал Иван Шмелев в своей неповторимой книге «Лето Господне»: «Ванечка помнил все это с детства в Замоскворечье. Бабушки моего первого послевоенного поколения знали то же по своим детским годам и успели кое-что рассказать нам. А вот бабушки, рожденные в 20-е годы XX века, уже говорили, что в раннем детстве елки они и в глаза не видели».

Странно это слышать? Но, тем не менее, это так: елку ставить советская власть позволила только в начале 30-х, и в Кремле появилась первая образцовая елка для счастливых детей новой страны. И, конечно, она не была рождественской. Она была новогодней, и воспринимается именно так и по сей день.

Чтобы наши детки знали о Рождестве, в тюменском Музее изобразительных искусств ежегодно проходят рождественские выставки. Вот и на этот раз – «Фантазии Рождества».

«Героем» нашей экспозиции уже третий год является настоящий вертеп, где есть все куклы – персонажи чудесного появления на свет Младенца Христа. В сценарии праздничной экскурсии юные зрители узнают, как это было. Там торжественно идут волхвы-мудрецы, приводимые в движение невидимым кукловодом, который прячется за вертеп. Они несут Младенцу подарки (вот отчего дарят подарки на Рождество, а теперь на Новый год!). По легенде у вертепа – пещерки, где родился маленький Иисус, росли три дерева: пальма, смоква и ель. Пальма дала ему тень, прикрыв большой кроной (не забывайте, Иудея – страна жаркая). Смоква – свои плоды, а колючая ель заплакала – она ничего не могла подарить. И тогда Бог Отец с небес осыпал ее золотыми и серебряными звездами. Младенец восхищенно протянул ручки к ней. В нижнем ярусе вертепа – злой Ирод, который проваливается в тар-тарары (тартар – ад), и Смерть с косой, которая пришла за ним, а наверху – силы Света – ангелы, которые принесли миру весть о рождении Спасителя, и Вифлеемская звезда, которая, идя по небу, привела к нему мудрецов – волхвов.

Слово «ангел» означает «вестник». И рядом с вертепом картины Б. Паромова, где ангел появляется на небе над заснеженной дорогой, по которой идет путник и понимает – пробил час Рождества. Есть ангел-хранитель града Тюмени, который парит над Турой, на том месте, где некогда высился Благовещенский собор. Есть ангел, собирающий звездочки в ожерелье, и светлый ангел с камильницей среди облаков в отблесках солнца.

На литургии в храмах в рождественскую ночь поют: «Слава в вышних Богу и на Земли мир». В час появления Христа добро торжествует абсолютно! Храм весь светится-сияет. И в картине «Следы на снегу»

Б. Паромова – сияние света и добра, и туда ведут следы не для того, чтобы согреться от холода в зимнюю ночь, чтобы душа согрелась.

В рождественскую ночь поют колядки. О том, как это было, рассказал художник М. Гардубей, автор картины «Бетлегем» (Вифлием – место рождения Христа). Все село Закарпатья, где он родился и вырос, не спало, ходили, пели и обязательно на пороге – «Добрый вечер в хату!». А потом – «щедровка»: «Добрый вечер, щедрый вечер! Добрым людям на здоровье». И хозяева одаривали ребятяшек сладостями, пирогами, домашней колбаской.

Над картиной М. Гардубея, где в центре – храм, залитый светом, а по бокам – пастухи с посохами и высоких шапках, висит Окно Счастья. Сделано оно из пучков сухой травы в форме восьмиконечной звезды, а в центре – ангел, колокольчик. Такое окно вешали в доме над праздничным столом. А на столе – столько снеди! И обязательно жареный поросенок. С этим тоже связана легенда. Младенец Христос родился не во дворце, а в вертепе – пещерке, где были вол, ослик, овцы и свинья. Все вели себя тихо, а свинья хрюкала и спать ему мешала. В наказание ее и велено в Рожде-

ство есть! Зима освещена праздником Рождества и святками – две недели праздновали, каникулы раньше были не новогодние, а рождественские: Новый год встречали скромнее.

Зиму любили за эти праздники. На Руси ее величали «красавицей», «матушкой Зимой», «радостной зимкой», «снежной утехой». И, пожалуй, нигде ее так не любят, как у нас. На выставке много разных зимних пейзажей.

Вот лес в инее – зимняя сказка выдающегося мастера отечественного искусства Н. Ромадина: вид из окна на московский снежный двор известной столичной художницы Т. Назаренко. Картина ее старшей коллеги М. Кеслер: на фоне причудливого зимнего сада на подоконнике – ворох веток с яркими осенними листьями.

Сказочный Тобольский кремль в яркий зимний день – на картине В. Игловикова и сумеречный зимний вечер Н. Боцмана. На все это взирает удивленный «Алеша Сорокин» – маленький мальчик с картины тюменского художника Ю. Юдина, что висит рядом с пейзажами. Есть и зимняя фантазия А. Новика – председателя Тюменского отделения Союза художников.

Зимняя прогулка плавно переходит в фантастический мир театра, кукольных чудес, загадочных снов. Что можно увидеть во сне в ночь под Рождество? Конечно, сказку. Такой сон видит мальчик на картине А. Ердякова. А девочка у О. Трофимовой спит посреди зимнего пейзажа, и для нее зима стала волшебной, теплой.

Куклы украшают елку. Посетители выставки могут сами сделать на мастер-классе ангела и взять его домой.

На Рождество обязательно ходили в гости, в театр, и поэтому в экспозиции музея – настоящий театр кукол: Петрушка, его младший брат Полишинель, храбрый солдат, Арлекин, Коломбина, Пьеро, популярные смешарики.

Самый любимый герой на выставке – Меломан – тинэйджер, у которого (От удовольствия? От вдохновения?) за спиной выросли крылья. Его исполнил тюменский художник А. Ердяков, который сам присутствует на выставке с супругой в виде очаровательных кукол.

Словом, Рождество – чудо. Фантазия, творчество, сказка живут в тюменском музее изобразительных искусств и до конца февраля ждут нас с вами к себе в гости!

Лариса Иванова

Кандидат исторических наук,
заместитель директора института
изобразительных искусств и музейных технологий
Тюменской государственной академии искусств,
культуры и социальных технологий

Во поле было, поле, в широком Раздолье!

25 лет – Тюменскому фольклорному ансамблю «Раздолье»

XXI век – время высоких технологий, информационного бума. И кажется, порой ничто уже не сможет нас удивить. Но снова и снова щемит в душе от простой народной песни с незамысловатым текстом и мелодией. А разноцветье крестьянских сарафанов, изображенных на полотнах русских художников начала XX века, рождает грустные мысли об утраченном национальном прошлом. Действительно, этнические традиции – хрупкая субстанция, в век глобализации легко не заметить, как исчезнут! Но и в современном урбанистическом культурном ландшафте остаются чистые родники народной культуры, готовые напоить всех страждущих живительной влагой подлинной национальной культуры.

Фольклорный ансамбль «Раздолье» считает своим днем рождения ноябрь 1985 года. В начале своей творческой деятельности коллектив носил название «Кра́сота» (словом «кра́сота» в XIX веке называли алую ленту в косе невесты). Фольклорный ансамбль работал при тюменском областном Дворце культуры и искусств «Геолог», директором которого в то время была Чернявская Галина Алексеевна.

Первый художественный руководитель самодеятельного коллектива – Духонин Владимир Александрович. Талантливый исследователь и музыкант, В.А. Духонин осознавал, что в конце XX века традиционный фольклор стремительно исчезает, угасают уникальные диалекты и говоры, уходят из жизни люди, владеющие сокровищами народного творчества. Именно поэтому он предпринял несколько экспедиций по активному собиранию фольклора. Анализ накопленного материала позволил воссоздать элементы традиционной культуры региона, выявить особенности стиля музыкальных образцов отдельных жанровых групп: календарно-обрядовых, свадебных, хороводно-игровых и лирических протяжных песен.

Научное значение записанного им материала велико. Ценнейшие образцы песенно-музыкального и словесного фольклора Упоровского (1987 г.) и Исетского (1988 г.) районов Тюменской области были бережно перенесены в репертуар самодеятельного исполнительского коллектива, стали основой для многолетней творческой работы по сохранению, возрождению и популяризации русских национальных традиций тюменского края.¹ Благодаря творческой школе В.А. Духонина фольклорный ансамбль с первых дней своего существования внимательно относился к музыкально-поэтической стороне материала, стремился воссоздать этнографически достоверное звучание с особой интонационной, тембровой и диалектной сторонами песенного языка.

В 1989 г. фольклорный ансамбль «Красота» получил звание «Народный коллектив». В феврале 1990 г. коллектив с песней «Во поле туман» стал лауреатом I Всероссийского конкурса «Голоса России», проходившего в г. Смоленске. В апреле 1991 г. в составе артистической делегации ДК «Геолог» ансамбль «Красота» выступал в концертном зале «Россия» г. Москвы.

Весной 1991 г. атаман Тюменского казачьего округа Лохманов Иван Андреевич весь состав фольклорного ансамбля принял в казачество. В честь этого события ансамблем был дан большой концерт перед тюменскими казаками.

С 1992 г. по 1994 г. художественным руководителем ансамбля стал Заслуженный работник культуры России, преподаватель музыкальной школы № 1 г. Тюмени Кочнев Николай Александрович. Коллектив был переименован в «Раздолье», перешел работать во Дворец культуры «Строитель». От Н.А. Кочнева ансамбль унаследовал практику постоянного совершенствования вокального мастерства: дыхание, кантилена (широкая, свободно льющаяся напевная мелодия), артикуляция, вокальная свобода. Николай Александрович привил уважительное отношение к русской песне середины XX века, научил анализировать структуру, ритмику, содержание текста и мелодику народных песен.

Долгие годы ансамбль «Раздолье» был лицом Тюменской области, благодаря деятельности тюменской туристической фирмы Любови Галязимовой, которая активно занималась въездным туризмом в наш регион. Несколько сотен иностранных туристов с удовольствием отплясывали под захватывающую «Порушку-Параню» и водили хороводы вместе с «Раздольем». В марте 1993 г. Л. Галязимова стала организатором артистической делегации от Тюменской области в I-м Международном круизе по Средиземному морю популярной игры «Поле чудес». Ансамбль «Раздолье» стал участником этой музыкально-развлекательной программы на борту теплохода «Шота

¹ Мурава зеленая. Песенно-игровой фольклор Тюменской области / Сост. В.А. Духонин. – Тюмень: «Культура», 1996. – 48с.

Руставели», выступал на площадях Мальты и Венеции. Этот круиз позволил «Раздолью» приобрести новых друзей в лице популярных ведущих этой программы Влада Листьева и Леонида Якубовича, а также членов тюменского инструментального ансамбля под руководством Николая Нехорошкова и исполнителя народных и эстрадных песен Сергея Лосева.

В сентябре 1993 г. ансамбль «Раздолье» стал участником музыкальных программ I-го Международного симпозиума «Фармация-93», проходившего на борту теплохода «Тобол», по рекам Западной Сибири (Обь, Иртыш, Тура). С августа 1994 г. хормейстером коллектива стала участница ансамбля Татьяна Журавлева. Благодаря ее стараниям коллектив сохранил свой состав и сформировавшиеся за годы творческой деятельности исполнительские традиции.

В феврале 1995 г. в Оренбурге проходил Всероссийский конкурс «А песня русская жива». Из 108 возможных баллов ансамбль «Раздолье» набрал 107 – первый раз за 7-летнюю историю существования конкурса! Ансамбль «Раздолье» был награжден туристической путевкой в Австралию, получил приглашение на открытие очередного конкурса «А песня русская жива» 1996 г.

В мае 1995 г. в Ялуторовске «Раздолье» принимало участие в «Днях славянской культуры и письменности», проводившихся тюменским Центром русской культуры, руководитель Васильев Сергей Викторович. Ансамблю была оказана большая честь выступить на открытой площадке города и в доме культуры вместе с великолепной исполнительницей русских народных песен Еленой Сапоговой, профессором Саратовской консерватории.

В декабре 1996 г. фольклорный ансамбль «Раздолье» и танцевальный ансамбль «Зори Тюмени» стали участниками рождественских концертов, проходивших в Швейцарии под лозунгом «Дни Сибири в Женеве», покориив искушенную публику живыми традициями национальной культуры России: профессиональным исполнением, выразительными голосами, яркими самобытными костюмами, русским задором и невероятной энергией молодости.

В сентябре 1997 г. ансамбль «Раздолье» представлял Тюменскую область в Москве, участвуя в праздничных программах, посвященных 850-летию столицы России.

В июне 1999 г. фольклорный ансамбль «Раздолье» гастролировал в Германии по приглашению германской фирмы «Ханс Нибур». Коллектив выступал в концертных залах городов-побратимов Тюмени: Целле и Гануфа – с программой «Троица в Сибири». Немцы увидели старинные русские обряды кумления, завивания венков, с удовольствием принимали участие в поцелуйных играх и забавах. В августе 1999 г. ансамбль «Раздолье» получил новое приглашение от мэра г. Целле господина Бирмана для участия в международном фестивале фольклорных ансамблей мира.

«Раздолье» ведет насыщенную концертную деятельность, активно участвует в городских, районных, областных мероприятиях, в открытии международных выставок и ярмарок Ханты-Мансийска, Салехарда, Нижневартовска, Москвы, Омска, Челябинска, Екатеринбурга, Петропавловска (Казахского), Тобольска, Ялуторовска. Ансамбль с радостью выступает для людей, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях: в домах ветеранов и домах ребенка, в изоляторе временного содержания, областном онкологическом диспансере, в детской городской больнице, исполняя традиционные русские народные песни, поддерживая напутственным словом, народной мудростью. Народный коллектив «Раздолье» выступает в уличных представлениях на городских и загородных праздничных площадках, в сельских домах культуры.

Фольклорный ансамбль «Раздолье» представляет собой объединение любителей народного творчества. Своей главной задачей самодеятельный коллектив видит сохранение экологии культуры и русских национальных традиций: песен, обрядов, игр, костюма, народной словесности, инструментальной музыки.

Ансамбль «Раздолье».

Состав коллектива очень стабилен. Участниками сотворчества являются: Еманова Татьяна – альт, преподаватель декоративно-прикладного искусства, в ансамбле – 25 лет; Гринько Татьяна – солистка, меццо-сопрано, экономист, в ансамбле – 25 лет; Иванова Лариса – альт, кандидат исторических наук, в ансамбле – 25 лет; Журавлева Татьяна – сопрано, музыкант, выпускница Тюменской академии культуры по специальности менеджер социально-культурной деятельности, в ансамбле – 20 лет; Третьякова Наталья – сопрано, врач-кардиолог, профессиональный дизайнер мужского и женского костюма, в ансамбле – 15 лет; Рахмеев Евгений – баритон, выпускник Челябинского института культуры по специальности режиссер, инженер, в ансамбле – 15 лет.

Фольклорный ансамбль в совершенстве владеет традициями крестьянского русского пения: многоголосье, импровизации и вариационные распевы, цепное дыхание, диалектность произношения. Женский голосовой диапазон ансамбля: РЕ малой октавы – ДО третьей октавы, мужской голосовой диапазон: ДО большой октавы – СОЛЬ первой октавы. Коллектив исполняет произведения а капелла (без музыкального сопровождения), в народной манере, так называемым открытым звуком. При исполнении русских песен фольклорный ансамбль «Раздолье» соблюдает их региональное своеобразие:

- насыщенный звук, самостоятельность всех подголосков, удаль и размах песен Центральной России;
- сдержанность, преобладание основной мелодии, две главные тембровые окраски, мягкое «окание», распевные окончания фраз северорусских песен;
- присутствие особого подголоска-дисканта со своей мелодической линией и рисунком казачьих песен;
- для Сибири, края позднего заселения, характерен свой стиль, вобравший черты песенности северных земель и Центральной России. Это высокая, чуть прикрытая манера пения с мягким и в тоже время зычным звуком.

Фольклорный ансамбль «Раздолье» использует шумовые, духовые и ударные инструменты, подчеркивающие музыкальный ритм: трещотку, свистульки, деревянные ложки, бубен, бряцалку, коробочку, стиральную доску, каток и валец, словом, все, что под рукой, как это было у простого народа.

Национальная культура – явление синкретическое, в нем соединены разнородные элементы духовной и материальной культуры, разные виды искусства (музыка, пение, поэзия, танец), религия и мифология, народная педагогика и психология, декоративно-прикладное творчество и символизм. Декларируя себя хранителем национальных традиций, ансамбль тщательно изучает русский костюм Зауралья. Ансамбль «Раздолье» имеет три комплекта костюмов. Главный – сарафанный комплекс – был создан на основе подлинных образцов XVIII-XIX веков, хранящихся в тюменском областном краеведческом музее. В комплект вошел косоклиный шелковый сарафан, опояска, рубашка, нижняя юбка, кокошник, головной убор шашмура, шаль, душегрея. Покрой женской крестьянской одежды – свободный, широкий. Этот костюмный комплекс сходен с северорусским и свойственен старожильческому населению, начавшему активно заселять Зауралье с XVII века.

Второй комплекс – рубашечный, состоит из холщевой рубахи, фартука-запона, опояски, нижней юбки, «рогатого» женского головного убора, ситцевого платка. Мужская рубаха скроена по типу косоворотки. Так, в концертных костюмах «Раздолья» отразились некоторые специфические особенности народных костюмов переселенцев-самоходов из южнорусских губерний России, поселившихся в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX веков.

Третий костюмный комплекс создан на основе кроя казачьих костюмов: женский приталенный костюм-парочка и мужской мундир из сукна. Все комплекты костюмов сохраняют традиции и демонстрируют цветочные, декоративные и стилистические варианты старинного народного костюма, его деление на будничные, праздничные и обрядовые.

За годы работы коллектив сформировал богатейший репертуар. Прежде всего, это традиционный фольклор Сибири и Зауралья, а также шедевры русской песни других областей России. Всего в репертуаре «Раздолья» – более 300 песен, из которых ансамбль составил несколько концертных программ.

Сценарий свадебного обряда составлен из нескольких образцов песенно-музыкального и словесного фольклора Упоровского (1987 г.) и Исетского (1988 г.) районов Тюменской области, записанных в ходе фольклорно-этнографических экспедиций В.А. Духонина, а также на основе хорошо сохранившихся описаний свадеб крестьян Тюменской области, в том числе материала П.А. Городцова «Таинственные обряды крестьянской свадьбы», записанного в начале XX века в Тюменском уезде Тобольской губернии. В целом, свадебное действо фольклорного ансамбля «Раздолье» с величальными, корильными и лирическими песнями представляют собой шедевр устного народного творчества нашего края. Этот старинный свадебный обряд с участием современных молодоженов «Раздолье» играло тысячу и один раз, и каждый раз – навеки!

Особое внимание фольклорным ансамблем уделяется календарным праздникам годового круга. Песенный материал Святочных и Рождественских гуляний подобран из региональных источников, состоит из древних и красивых обычаев славления, хождения со звездой, колядования, ряжения, магических действий с зерном и хлебом, игрищ и гаданий. В сценарий масленицы и встречи весны вошли круговые хороводы, ритуальные весенние заклички, традиционное хождение с куклой Масленицей, ряжение, игрища, величание Масленицы. Сценарии троцкого гуляния и празднования Ивана Купалы содержат архаические обряды кумления, завивания венков, гаданий, обливания водой, катания колеса, возжигания костров и вождения хороводов. Все обряды сопровождаются аутентичными русскими песнями и текстами.

Посиделки представлены традиционными для русского крестьянства игрищами, песнями, плясками и быличками. Программа «Русский городской и деревенский романс, современная народная песня» пользуется особой популярностью у пожилых людей. Программа «Русский фольклор. Знакомство с народным творчеством» подготовлена для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Она рассчитана на непосредственное участие в действии: дети играют на простейших музыкальных инструментах (свистульки, погремушки), поют, танцуют, знакомятся с народным костюмом, отгадывают загадки и т.д. Эта интерактивная программа – тематический детский музыкальный праздник.

За последние годы сделана подборка казачьих и солдатских песен с внесенными в нее элементами театрализации. Эта концертная программа была неоднократно показана коллективом на праздничных мероприятиях, посвященных Победе в Великой Отечественной войне.

В ноябре 2011 г. ансамблю «Раздолье» исполнилось 25 лет. Четверть века самодеятельный коллектив вносит свой вклад в деятельность и развитие национальной культуры в регионе. За годы совместной работы и общения фольклорный ансамбль «Раздолье» основал крепкие творческие традиции. Прежде всего, это обязательные репетиции, которые проводятся в дружеской обстановке. Репетиция состоит из нескольких этапов: чаепитие, общение участников, распевка, разучивание нового и повтор пройденного материала: игровых, обрядовых действий, требующих соединения звука и движения. Участников ансамбля объединяет многое: православная вера, совместное проведение праздников, отпусков, крепкая межсемейная дружба. В «Раздолье» есть особая традиция, присущая только этому коллективу: 25 января, в Татьянин день, Татьянам (а их в коллективе – 3) другая часть ансамбля готовит интересные сюрпризы.

Ансамбль «Раздолье».

Творческий коллектив продолжает набирать новый материал для исполнения, этому способствует тесное общение с информаторами старшего поколения, обмен опытом с другими фольклорными коллективами. Изучение новых произведений происходит в «Раздолье» на слух, без готовых партитур – «с голоса», что соответствует народным традициям. Кроме того, это совершенствует художественное чутье артистов, развивает слух и способность варьирования. Еще одна творческая традиция – обязательная импровизация основной мелодии (импровизационный распев), что характерно для народного пения. Соблюдая обычаи в исполнении народных песен, фольклорный ансамбль «Раздолье» имеет свою манеру и собственный ярко узнаваемый стиль.

Коммерциализация культуры и искусства ощутимо ударила по самодеятельному народному творчеству. Работая в условиях рынка, фольклорный ансамбль «Раздолье» вынужден прибегать к различным источникам получения необходимых финансовых средств: для обновления материально-технической базы, пошива костюмов, поездок на фольклорные фестивали, записи песен на диск и пр. К сожалению, поддержки из государственного бюджета ждать не приходится, чаще всего благотворительную помощь оказывают современные тюменские меценаты культуры, выступающие гарантом новых проектов «Раздолья», защиты национальной культуры от забвения.

Среди множества других, рядом работающих самодеятельных коллективов, фольклорный ансамбль «Раздолье» детально разрабатывает программу развития своего коллектива. У ансамбля напряженный режим выступлений, совмещенный с основной работой. Коллектив ориентирован на профессионализм (четыре участника ансамбля за последние десять лет закончили ВУЗы, получив второе высшее образование по дополнительным специальностям, готовили и защитили кандидатские диссертации), постоянное стремление преподнести публике качественный, высокохудожественный материал.

Художественная самодеятельность не может представляться «застывшей», раз и навсегда определившей свои формы, жанры и способы бытования. Являясь коллективом со стажем, фольклорный ансамбль «Раздолье» находится в стадии творческого синтеза, поиска новых форм популяризации русского фольклорного наследия, при этом успешно решая свои внутренние проблемы, задачи самофинансирования, вопросы материально-технической базы.

Народный коллектив осознает свою великую миссию сохранения культурного наследия России, много работает, трудится в полном согласии с законами музыкального и театрального искусства, не жалея ни времени, ни средств. Все участники ансамбля талантливы, молоды, интересны в общении и открыты для сотрудничества. Выступления коллектива отличаются бережным отношением к памятникам народной культуры.

Будь счастливо, «Раздольице» мое, широкое!
Многая лета!

С новым годом, со всем родом, чтоб здоровы были и много лет жили!²

Жизненный уклад крестьянина определялся сменой времен года, основными датами солнечного календаря: зимний и летний солнцевороты, весенние и осенние равноденствия. Каждая из дат стала феноменом русской национальной культуры, в котором языческие традиции смыкаются с православными.

Рождество Христово и Новогодье – рубежные даты начала большого круга русских календарных обрядов – были особо любимыми, красочными и веселыми праздниками, продолжающимися почти две недели.

На Русь Рождество пришло вместе с христианством в X веке и слилось с зимним древнеславянским праздником – колядой. Коляда – славянский Бог зимнего солнцестояния, который совершает на земле обновления и перемены, является символом победы света над тьмой и дня над ночью. По преданию, Коляда даровал людям систему исчисления сезонного времени, т.е. календарь (Коляды дар). День 25 декабря назывался днем солнцеворота, после которого солнце поворачивает с зимы на лето, т.е. рождается вновь. Праздник рождения Солнца был одним из самых почитаемых. Накануне этого дня наши предки с помощью трения добывали огонь и поджигали большую дубовую колоду или пень, предварительно облив их маслом, чтобы лучше горели. Если колода горела долго и ярко, можно было ожидать теплого и продолжительного лета, если горело плохо – добра не жди. По поверьям славян, в ночь рождения нового солнца сходили на землю духи предков, которые звались «святыми», или «святками». «Когда-то Коляду зазывали, в ее честь устраивались игрища, учиняемые впоследствии на Святках. Последний патриарший запрет на поклонение Коляде был издан 24 декабря 1684 г. Полагают, что Коляда признавалась славянами за божество веселья, потому-то его и призывали, кликали в новогодние празднества веселые ватаги молодежи».³

Русская пословица верно отметила: «Зима – за морозы, а мужик – за праздники». Праздник встречи нового солнца начинался с колядования, с 25 декабря целую неделю, надев маски, ряженный народ отправлялся по домам прославлять хозяев и им желать здоровья, достатка и урожая в будущем году. Обязательный персонаж ряжения – коза, символ домашнего уюта и тепла:

Коляда, моляда!

Приходила Коляда накануне Рождества!

Куда коза хвостом – туда жито кустом.

Куда коза рогом – туда сено стогом.

Сколько осиночек, столько вам свиночек,

Сколько елок, столько и коровок,

*Сколько свечек, столько и овечек!*⁴

2 Старинная тюменская колядка, записанная фольклористом В.А. Духониным.

3 Стрижев А.Н. Народный календарь. Собрание сочинений, т. 1. – М., 2007.

4 Песенный материал предоставлен русским фольклорным ансамблем «Раздолье», г. Тюмень.

Колядовщики могли посулить хозяевам страшные кары, если не дадут им даров:

*Кто не даст пирога, мы корову за рога,
Кто не даст пышки, мы тому – в лоб шишки,
Кто не даст копейки – разломаем скамейки,
Кто не даст хлеба – уведем старого деда!*

Особый акцент в рождественских празднованиях – ночь с 24 на 25 декабря – христианский рождественский сочельник, который подводил черту под прожитым годом, завершал рождественский пост и открывал двухнедельные святки. К рождественскому сочельнику хозяйки прибирали избы и горницы: мыли, белили свое жилище, завершали варку хмельного и травяного пива для святочных гуляний, а также приготовления сдобной выпечки. Старались засветло сходить в баню и встречать праздник в новой одежке.

Колядовочная звезда – один из символов христианского праздника – была включена в уже готовые формы архаических ритуалов и поверий, относящихся к святочному периоду. Она делалась из бумаги, раскрашивалась и освещалась изнутри свечой. Переходя от одного дома к другому, под окнами или в избах колядовщики пели песни в честь праздника, то как поздравление, величание хозяев, то просто ради развлечения и потехи. Хозяева в награду за это давали им угощение и деньги. Половину собранных денег полагалось отнести в церковь. Святочные обходы колядовщиков со звездой имели в народной традиции самую широкую сферу бытования. Терминологически они определялись, как «со звездой ходить», «Христа славить» или «христорславить». Вообще, колядовщики причислялись в народной культуре к рангу сакральных гостей и Божьих посланников, которые приносили «Благую весть» о наступлении новых времен: о рождении Христа, обновлении мира, наступающем благоденствии и процветании хозяев. В святой вечер не пустить в дом христорславов считалось грехом – нарушением Божьих заповедей – для хозяина и обидой для тех, кто славил Христа. Хозяева, как правило, всегда одаривали гостей мелкими деньгами, пирогами, мукой и баранками, угощали их кутьей, гостинцами.

Колядовщиков приглашали в дом, и они, повернувшись к святому углу, пели:

*Эта ночь святая, эта ночь спасенья
Возвестила всеми миру тайну боговоплощения!
Пастухи у костра в эту ночь не спали,
Святой ангел прилетел к ним из небесной святой дали!
Ныне Бог родился людям во спасенье,
Вы пойдите, посмотрите на великое смиренья!*

Затем, колядовщики пели хозяевам дома:

*Добрый тебе вечер, ласковый хозяин!
Радуйся, радуйся земля! Сын Божий народился!
Мы к тебе хозяин с добрыми вестями,
Радуйся, радуйся земля! Сын Божий народился!*

В городах простой люд веселился на площадях, где устанавливали балаганы, карусели, рынки, чайные и водочные палатки, с песнями ходил по домам, устраивал хороводы и пляски, рядился медведями, делал из различных материалов страшные маски. Люди побогаче засиживались в ресторанах и кабаках, катались на тройках.

К празднованию Рождества Христова верующие готовились сорокадневным постом, известным под названием Рождественского или Филиппова. Канун праздника проводился в особо строгом посте. Этот день назывался сочельником, т.к. по церковному уставу в этот день полагалось употреблять в пищу сочиво (пшеницу с медом, или послащенной сахаром – «кутью»). По всей России в сочельник не ели до первой звезды. С первой звездочкой на небе (воспоминание о той звезде, что возвестила волхвам о рождении Христа) старейший в доме приносил охапку сена, расстилал ее в красном переднем углу на лавке. Сено покрывалось чистой скатертью, и на этом месте, прямо под божницею, ставились необмолоченный сноп ржи или пшеницы и кутья. «Для вечерней трапезы готовится доселе из круп каша, а из пшена и ячменя – кутья сочельницкая», – писал в XIX в. И. Сахаров⁵. Употребляли в пищу также постные пироги, сушеные фрукты, мед.

В каждом доме готовили к празднику фигуры из теста, изображающие маленьких коров, быков, овец и других животных и пастухов. Фигурки ставились на окна и столы, посылались в подарок родным. Пришли колядки – блины да ладки (оладьи), т.е. наступила пора взаимных угощений, веселия и радости. В Сибири был обычай ходить с двухъярусным ящиком – вертепом, в котором фигуры изображали сценки, связанные с рождением Христа. На Руси этот обычай развился в пользующиеся необычайной популярностью у детей и взрослых театрализованные кукольные представления, которые назывались «вертепными».

Существовало поверье, всю Рождественскую неделю нечистая сила выходит из своих убежищ. Наряду с христианским обычаем – под Рождество славить Христа – осталась и языческая традиция рядиться в шкуры животных, маски и костюмы колдунов и ведьм. Мужчины и женщины, стар и млад, мастерили костюмы ряженных, маски, чтобы своим видом отпугнуть от себя нечистую силу. Не забывали на Святках и повеселиться от души. Играли в разные игры, пели песни и частушки:

*А в леску, леску, на желтом песку,
Святой вечер, добрый вечер,
Добрым людям на свят вечер.*

⁵ Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. СПб., 1885 // <http://bibliotekar.ru/rusSaharov/>

На второй день Рождества начиналась самая таинственная для молодежи пора – пора гаданий. В это время каждый получал возможность приоткрыть завесу, скрывающую от человека его будущее, узнать свою судьбу. И хотя православная церковь порицала бытовую ворожбу и различные способы гадания, три дня в году считались едва ли не обязательными для определения своей судьбы: сочельник, Новый год и Крещение. Зачастую вся семья принимала участие в святочных гаданиях, поэтому гадания передавались из рода в род. Одним из самых простых видов гадания было подслушивание. Судя по веселому или грустному подслушанному разговору, юноши и девушки предрекали себе приятную или невеселую жизнь в наступившем году. Гадали по снам, увиденным на Новый год, предсказывая будущее.

Молодежь сходилась на посиделки. Обычными развлечениями были круговые песни с плясками. На святочных вечерках парни «женихались», подбирались пары. Почти целый месяц девушки шили наряды, парни готовили маскарадные костюмы и выбирали «жировую» избу для посиделок. Чаще всего за 2 или за 3 рубля какая-нибудь одинокая солдатка или полунищая старуха уступала молодежи свою избу, деньги за избу платили наличными или отработывали.

Зимние праздники – удивительное время, когда сердце наполняется ожиданием чуда... Каждый из нас старается провести эти дни по-особому, подарить внимание, добро и любовь родным и близким людям. Давайте встретим их так, как это делалось на Руси – ярко и весело!

Мира и радости всем в светлые праздники Новогодья и Рождества Христова!

Учредитель и издатель
МАУК «Централизованная городская
библиотечная система»
Литературно-краеведческий центр

Главный редактор Оксана Чечета
Редактор-составитель Татьяна Оносова
Редколлегия: Николай Денисов, Ольга
Данилова-Пушкарь, Аркадий Захаров,
Валерий Кружинов, Антонина Маркова,
Александр Петрушин, Майя Смирнова
Корректор Ирина Долгалева
Дизайн и верстка Евгения Парфенова

Адрес редакции :
625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 51.
Тел. (345-2) 22-13-69

Подписано в печать 15.03.2012.
Формат 60×84/16.
Гарнитура «Myriad Pro»

Офсетная печать.
200 стр. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии «Полипресс»
г. Тюмень, ул. Республики, 211.
Тел. (345-2) 27-35-72